

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ЭКОНОМИКА»

Научный журнал
Основан в 2003 г.
Выходит четыре раза в год

2023
Т. 21, № 3

Включен в перечень ВАК

Редколлегия журнала

- В.Н. Бобков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (Москва, Россия)
- Е.А. Варшавская, д-р экон. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- Х. Вольман, профессор (в отставке) социально-экономического института Берлинского университета имени Гумбольдта (Германия)
- Н. Вуняк, профессор Modern Business School (Белград, Сербия)
- Р.А. Долженко, д-р экон. наук, доцент Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)
- С.А. Дятлов, д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Т.А. Лапина, канд. экон. наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- Н.В. Маковская, д-р экон. наук, профессор Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова (Республика Беларусь)
- А.Е. Миллер, д-р экон. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- Ю.Г. Одегов, д-р экон. наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
- В.С. Половинко, *гл. редактор*, д-р экон. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- С.И. Сотникова, д-р экон. наук, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия)
- Х. Хануш, профессор Университета Аугсбурга (Германия)

Учредитель
ФГАОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского»

Адрес редакции:
644053, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пл. Лищевича, д. 1, каб. 307

Тел.: +7 (3812) 26-82-36
E-mail: EconomicsJournal@omsu.ru

Сайт журнала:
<http://journal.omeco.ru/ru/index.html>

Гл. редактор
Владимир Семёнович Половинко

Технический редактор Н.В. Москвичёва

Дизайн обложки З.Н. Образова

Редактор английского текста
О.С. Коржова

Зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор), регистрационный номер:
ПН № ФС77-72191 от 15 января 2018 г.

Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 35915
Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах
научных электронных библиотек
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
С 2007 г. журнал включен в Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет 23.11.2023
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Печ. л. 16,25. Усл. печ. л. 15,1.
Уч.-изд. л. 12,2.
Тираж 25 экз. Заказ 335.

Отпечатано в типографии
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии:
644077, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Academic periodical
Founded in 2003
Published four times a year

2023
Vol. 21, no. 3

Included in HAC list

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series "ECONOMICS"

Founder

Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education
"Dostoevsky Omsk State University"

Address of editorial office:
office 307, 1, Litskevicha pl., Omsk,
Omsk Oblast, 644053, Russia

Phone: +7 (3812) 26-82-36
E-mail: EconomicsJournal@omsu.ru

Web-site:
<http://journal.omeco.ru/en/index.html>

Editor-in-Chief

Vladimir Semyonovich Polovinko

Technical editor *N.V. Moskvicheva*

Design of cover *Z.N. Obrazova*

Editor of English text
O.S. Korzhova

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor), III No. ФС77-72191
from January 15, 2018

United subscription catalog
"The Russian Press". Index 35915
Free price

The full text version of the journal
is posted on the websites
of scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and Cyberleninka (cyberleninka.ru).
Since 2007 the journal is included
in Russian science citation index (RSCI)

Date of publication November 23, 2023
Risography. Format 60x84 1/8.
Printed p. 16,5.
Conventionally printed p. 15,1.
Accounting publishing p. 12,2.
Edition 25 copies. Order 335.

Printed in polygraphic base
of Dostoevsky Omsk State University

Address of publisher and printing house:
55a, Mira pr., Omsk,
Omsk Oblast, 644077, Russia

Editorial staff

V.N. Bobkov, Head of the laboratory of problems of life level and quality
of Institute of socio-economic problems of population of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)

R.A. Dolzhenko, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of Ural
State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

S.A. Dyatlov, Doctor of Economic Sciences, Professor of St. Petersburg
State University of Economics (St. Petersburg, Russia)

H. Hanusch, Professor of University of Augsburg (Germany)

T.A. Lapina, PhD in Economic Sciences, Associate Professor of Dostoevsky
Omsk State University (Omsk, Russia)

N.V. Makovskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor of Mogilev State
A. Kuleshov University (Mogilev, Belarus)

A.E. Miller, Doctor of Economic Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk
State University (Omsk, Russia)

Yu.G. Odegov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Plekhanov
Russian University of Economics (Moscow, Russia)

V.S. Polovinko, *Editor-in-Chief*, Doctor of Economic Sciences, Professor
of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

S.I. Sotnikova, Doctor of Economic Sciences, Professor of Novosibirsk
State University of Economics and Management (NSUEM)
(Novosibirsk, Russia)

E.Ya. Varshavskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor of HSE
University (Moscow)

N. Vunjak, Full Professor of Modern Business School (Belgrade, Serbia)

H. Wollmann, Professor (emeritus) of Social Science Institute of Humboldt
University in Berlin (Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. Т. 21, № 3

Экономика и финансовая политика

<i>Бушенева Ю.И.</i> Стратегическое планирование экономического развития депрессивных регионов России.....	5
<i>Карпов А.Л.</i> Доминирование конкурентного поведения: экспериментальное исследование.....	16
<i>Рой О.М.</i> Экономическая безопасность в приграничных регионах Сибири.....	29
<i>Сотникова С.И.</i> Институциональные трансформации наемного труда: теоретико-методологические императивы.....	40

Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика

<i>Патутина С.Ю.</i> Управление эффективностью вовлечения молодежи в научно-исследовательскую деятельность.....	48
<i>Сербина Н.В., Чудиновских М.В.</i> Исследование сформированности надпрофессиональных компетенций студентов экономических специальностей первого года обучения в вузе.....	59
<i>Федорова А.Э., Хороших А.А.</i> Оценка возможностей и ограничений внедрения HR-аналитики в практику управления персоналом телекоммуникационной компании: кейс-стади.....	69
<i>Шастин А.В.</i> Технопарк как институт проектирования развития территории.....	78

Региональная экономика и управление публичной сферой

<i>Гокова О.В.</i> Риски и вызовы на пути реализации цели сохранения численности и простого воспроизводства населения России (часть 2).....	86
<i>Киселева А.М.</i> Влияние потребительской нагрузки на сельскохозяйственный потенциал региона в условиях его устойчивого развития.....	96
<i>Кораблева А.А., Бреусова А.Г.</i> Ключевые аспекты развития экономической безопасности в практике регионального управления (часть 2).....	107
<i>Ужегов А.О.</i> Индустриальный профиль регионов и возможности их высокотехнологичного развития.....	118

Информация для авторов	129
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Economics", 2023, Vol. 21, no. 3

Economics and financial policy

<i>Busheneva Yu.I.</i> Strategic planning of economic development of depressed regions of Russia	5
<i>Karpov A.L.</i> Competitive behavior domination: experimental study	16
<i>Roy O.M.</i> Economic security in the border regions of Siberia	29
<i>Sotnikova S.I.</i> Institutional transformations of wage labor: theoretical and methodological imperatives.....	40

Management and marketing: theory, methodology, practice

<i>Patutina S.Yu.</i> Effectiveness of youth involvement in research activities.....	48
<i>Serbina N.V., Chudinovskikh M.V.</i> Exploring the acquisition of supra-professional skills among first-year economics students at university	59
<i>Fedorova A.E., Khoroshikh A.A.</i> Assessment of the possibilities and limitations of HR analytics implementation in the personnel management of a telecommunications company: case study.....	69
<i>Shastin A.V.</i> Technopark as an institute for designing the development of the territory	78

Regional economy and management of the public sphere

<i>Gokova O.V.</i> Risks and challenges to the implementation of the goals of preserving the number and simple reproduction of the Russian population (part 2)	86
<i>Kiseleva A.M.</i> Impact of consumer load on the agricultural potential of the region in conditions of its sustainable development	96
<i>Korableva A.A., Breusova A.G.</i> Key aspects of the economic security development in the practice of regional management (part 2).....	107
<i>Uzhegov A.O.</i> Industrial profile of the regions and the possibilities of their high-tech development	118

<i>Information for authors</i>	129
---	-----

УДК 332.1

JEL: R58

DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(3).5-15

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ю.И. Бушенева

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Пушкин, Россия)

Информация о статье

Дата поступления

4 июня 2023 г.

Дата принятия в печать

15 сентября 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Аннотация. Статья посвящена вопросам выделения и типологизации депрессивных регионов, а также методологическим основам построения планов стратегического развития данных территорий. Указано, что социально-экономическое развитие государства в значительной мере зависит от степени выравнивания экономического развития отдельных регионов. В этой связи задачей федеральной государственной политики является корректировка развития отдельных территорий. Констатируется, что для признания региона депрессивным необходимо наличие двух взаимосвязанных, но не всегда коррелирующих в регионах групп показателей: стабильно низкого качества жизни и упадка в экономическом развитии. На основании рейтингов, формируемых агентством «РИА Рейтинг» по качеству жизни населения и социально-экономическому развитию территорий, были выделены группы депрессивных регионов: истинно депрессивные (11 регионов России); депрессивные, но периодически демонстрирующие улучшение социально-экономического положения (2 региона); депрессивные, но периодически демонстрирующие улучшение качества жизни (1 регион); имеющие средний уровень депрессивности (4 региона). Констатируется, что для вывода депрессивных регионов из кризисной ситуации необходимы принципиально иные подходы к построению планов стратегического развития в сравнении с благополучными регионами. Так, в стратегических планах регионов должны быть соблюдены следующие параметры: постановка цели выхода из депрессивного состояния и сокращения негативных проявлений депрессивного состояния региона; учет и расширение внешней поддержки развития региона (федеральной поддержки и инвестиций); разработка форсированной стратегии развития вместо инерционной; наличие антикризисной составляющей; соблюдение приоритета развития реального сектора экономики. В статье приведена характеристика «успешной» стратегии депрессивного региона (Стратегия Республики Тыва) и требующей доработки (Стратегия Кабардино-Балкарской Республики).

Ключевые слова

Регион, стратегия, параметры, депрессивность, критерии, рейтинг регионов

STRATEGIC PLANNING OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF DEPRESSED REGIONS OF RUSSIA

Yu.I. Busheneva

Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia)

Article info

Received

June 4, 2023

Accepted

September 15, 2023

Type paper

Research paper

Abstract. The article discusses issues of identification and typologization of depressed regions, as well as methodological foundations for planning the strategic development of these territories. It is indicated that the social and economic development of the state largely depends on the degree of equalization of the economic development of individual regions. In this regard, the task of the federal state policy is to adjust the development of individual territories. It is stated that in order to recognize a region as depressed, it is necessary to have two interrelated, but not always correlating groups of indicators in the regions: a consistently low quality of life and a decline in economic development. Based on the ratings formed by the RIA Rating agency on the quality of life of the population and the social and economic development of territories, there were identified groups of depressed regions: truly depressed (11 regions of Russia); depressed regions that periodically demonstrate an improvement in the social and economic situation (2 regions); depressed regions that periodically demonstrating an improvement in the quality of life (1 region); regions with an average level of depression (4 regions). It is stated

Keywords

Region, strategy, parameters, depression, criteria, rating of regions

that in order to bring depressed regions out of the crisis situation, fundamentally different approaches to strategic development planning are needed in comparison with prosperous regions. Thus, the following parameters should be observed in the strategic plans of the regions: goal of overcoming the depressive state and reducing the negative manifestations of the depressive state of the region; taking into account and expanding external support for the development of the region (federal support and investment); a forced development strategy instead of an inertial one; presence of an anti-crisis component; compliance with the priority of the development of the real sector of the economy. The article describes the characteristics of the "successful" strategy of the depressed region (the Strategy of the Republic of Tyva) and the strategy that requires improvement (the Strategy of the Kabardino-Balkarian Republic).

1. Введение. Любое государство заинтересовано в сбалансированном и поступательном экономическом развитии, и Россия здесь не является исключением. Достижение благоприятного результата развития государства во многом базируется на развитии его отдельных элементов – регионов. В силу значительной территории, разницы в климатическом, геополитическом положении, истории, укладах жизни российские регионы имеют существенные отличия.

Одним из критериев различия регионов является их положение на социально-экономической шкале «развитость – депрессивность». Согласно закону наименьших, сформулированному А.А. Богдановым в «Тектологии», «если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью» [1], или другими словами: скорость эскадры кораблей оценивается по самому медленному судну.

Исходя из приведенного закона уровень социально-экономического развития государства зависит от степени отставания отдельных регионов от общей «эскадры». Это актуализирует задачу укрепления слабейших «крейсеров» (регионов) за счет общих ресурсов [2], что в перспективе синергетично укрепит экономическое развитие всей хозяйственной системы государства. В этой связи недопущение чрезмерной дифференциации регионов и поддержание необходимых пропорций развития – это важнейшие аспекты модернизации российской экономики и ее устойчивого развития [3, с. 69].

2. Обзор литературы. Однозначного понимания по каким критериям регион считать развитым, а по каким депрессивным в науке на данный момент не выработано. Одни авторы (А.В. Алексеева, К.А. Воропаев [4, с. 190]) понимают под депрессивными регионами те, которые имеют крайне низкие социально-

экономические показатели, но в прошлом значительно развитые и утратившие свои преимущества в результате структурных кризисов (противопоставление «было – стало»).

Л.И. Абалкин [5] понимает под депрессивными регионами те территории, которые сильно и устойчиво отстают от других, и практически не имеют возможностей и ресурсов для экономического роста (противопоставление с другими регионами).

Другие авторы (Г.В. Двас [6, с. 35], С. Zambrano-Yepez, Y. Guillen-Rodriguez [7], J.P. Zhang, H.S. Huang, Y. Man, H. Zeng [8]) в качестве критериев депрессивности указывают социально-экономические признаки, такие как низкий уровень доходов населения, высокий уровень безработицы, низкую обеспеченность населения жильем и материально-технической базой для оказания населению социальных услуг, недостаточность финансовых средств для оказания социальных услуг, экологически неблагоприятная местность для проживания, невозможность получить качественное образование (низкий уровень качества жизни).

Иные же авторы (М.С. Оборин [9, с. 30]) к признакам депрессивных регионов относят наличие на территориях системного кризиса, связанного с упадком и деградацией промышленности, неспособностью к самостоятельному воспроизводственному процессу (хозяйственная неразвитость).

Б.Д. Бабаев [10] уточняет, что признаками депрессивности региона в обязательном порядке должна быть повышенная неопределенность развития, многообразные риски, всесторонняя, в том числе бюджетная, зависимость от федерального центра, неясность перспектив, трудности в позиционировании в общероссийском разделении общественного труда, несмотря на разработку многочисленных программ и стратегий.

На наш взгляд, чтобы признавать депрессивными регионы, необходима констатация

ослабления территории по уровню жизни и доходам населения, уровню безработицы, индексу промышленного производства, объему инвестиций в основной капитал, научно-технологическому развитию. Необходимо наличие двух взаимосвязанных, но не всегда коррелирующих в регионах, групп показателей: стабильно низкого качества жизни и упадка в экономическом развитии.

Интегральным измерителем «развитости – депрессивности» регионов можно считать рейтинги, формируемые агентством «РИА Рейтинг» (<https://riarating.ru>). При расчете рейтинга качества жизни проводится анализ показателей по 11 группам: уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия населения; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры.

В рейтинге социально-экономического положения регионов показатели условно делятся на четыре группы: показатели масштаба и эффективности экономики, показатели бюджетной и социальной сферы, показатели социальной сферы.

Оба рейтинга строятся путем ранжирования субъектов Российской Федерации в порядке убывания по значению интегрального рейтингового балла, рассчитываемого в интервале от 1 до 100. Позиции субъектов Рос-

сии в итоговом рейтинге определялись путем агрегирования рейтинговых баллов по всем анализируемым группам и показателям.

3. Методология. Целью исследования выступило выявление депрессивных регионов России, сочетающих низкие значения по показателям качества жизни населения и социально-экономического развития на протяжении как минимум трех лет на основании «РИА рейтингов», и формирование параметров стратегических планов регионов, на основании которых возможно дальнейшее устойчивое развитие таких территорий.

В исследовании рассмотрен период 2020–2022 гг., проанализировано 2 типа рейтингов: по качеству жизни и социально-экономическому развитию. Всего было использовано 6 рейтингов¹.

Регионы в рейтингах условно были разделены на 4 части по четвертям (расчет производился исходя из медианной средней для ряда данных):

– первая четверть – регионы-лидеры по социально-экономическому развитию и качеству жизни;

– вторая четверть – регионы с активным социально-экономическим развитием и хорошими показателями качества жизни;

– третья четверть – регионы с умеренным социально-экономическим развитием;

– четвертая четверть – отстающие регионы.

Для цели настоящего исследования в табл. 1 приведены критерии отнесения регионов к отстающим.

Таблица 1. Критерии отнесения регионов к отстающим согласно «РИА рейтингам»

Table 1. Criteria for classifying regions as lagging behind according to RIA Rating

Рейтинг	Год	Значения рейтинга	Рейтинговый балл для отнесения регионов к отстающим (отстающие регионы имеют значение ниже приведенного балла)
Качества жизни	2020	от 82,164 до 17,506	39,264
	2021	от 81,352 до 19,105	41,395
	2022	82,999 до 23,758	44,300
Социально-экономического развития	2020	от 83,929 до 10,682	27,725
	2021	от 89,948 до 10,377	31,419
	2022	от 83,604 до 21,497	41,655

Методологическими принципами отнесения региона именно к депрессивным выступили принцип постоянства (наличие низких показателей, имеющих регулярный ха-

рактер) и комплексности (должны наблюдаться одновременно низкие показатели качества жизни, и социально-экономического развития).

Таким образом, согласно представленной методике к депрессивным регионам могут быть отнесены те, в отношении которых одновременно выполняются следующие условия:

1) на протяжении одного-трех из трех исследуемых лет регион относится и к отстающим регионам по показателям и качества жизни, и социально-экономического развития;

2) регион должен быть признан отстающим не менее 3 раз.

4. Результаты исследования. По результатам анализа рейтингов регионов была составлена таблица классификации депрессивных регионов (табл. 2).

Таблица 2. Типы депрессивных регионов, сформированных на основании рейтинговых значений, составленных в 2020–2022 гг.

Table 2. Types of depressed regions formed on the basis of rating values compiled in 2020-2022

№	Название типа региона	Критерий отнесения	Регионы
1	Истинно депрессивные	Постоянное отставание по качеству жизни и по социально-экономическому развитию на протяжении исследуемого периода	Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Курганская область, Республика Калмыкия, Республика Алтай, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Республика Ингушетия, Республика Тыва
2	Депрессивные, но периодически демонстрирующие улучшение социально-экономического положения	Постоянное отстающие по качеству жизни, но не являющиеся отстающими в одном году по социально-экономическому развитию	Чеченская Республика, Республика Карелия
3	Депрессивные, но периодически демонстрирующие улучшение качества жизни	Постоянное отстающие по социально-экономическому развитию, но не являющиеся отстающими в одном году по качеству жизни	Республика Хакасия
4	Имеющие средний уровень депрессивности	Не менее 3 раз отнесенные к отстающим и по качеству жизни, и по социально-экономическому развитию	Республика Дагестан, Чукотский автономный округ, Амурская область, Костромская область

Анализ результатов проведенного исследования позволил отнести к депрессивным регионам те, которые на основании принципов постоянства и комплексности стабильно находились на протяжении 2020–2022 гг. среди отстающих регионов. В табл. 1 это 4 группы регионов: истинно депрессивные (11 регионов), депрессивные, но периодически демонстрирующие улучшение социально-экономического положения (2 региона), депрессивные, но периодически демонстрирующие улучшение качества жизни (1 регион), имеющие средний уровень депрессивности (4 региона).

Также результаты исследования позволили типологизировать регионы не отнесенные к группе депрессивных, но являющихся отстающими в силу несоблюдения или принципа по-

стоянства, или комплексности (см. табл. 3). Так, например, согласно официальной статистике Комистата (<https://11.rosstat.gov.ru/>) Республика Коми является регионом, в котором стабильно развивается добывающая и лесоперерабатывающая промышленность, но при этом население имеет низкий уровень жизни и стабильно мигрирует из региона. Наоборот, по сведениям Псковстата (<https://60.rosstat.gov.ru/>) в Псковской области обеспечиваются приемлемые показатели качества жизни населения, но промышленное производство в регионе в последние годы зачастую имеет отрицательную динамику.

При должном качестве управления, развития социально-экономической политики в России депрессивные регионы могут обладать

определенным потенциалом экономического развития и повышения качества жизни [9]. В России должна проводиться активная государственная региональная политика, направленная на сглаживание чрезмерной дифференциации в уровне социально-экономического

развития регионов. Центральная власть должна осуществлять «балансирование» социально-экономического развития отдельных субъектов, направлять усилия по планированию прежде всего депрессивных и проблемных регионов [11, с. 12].

Таблица 3. Типология регионов групп риска, по своим параметрам приближающиеся к депрессивным

Table 3. Typology of regions of risk groups, approaching depressive in their parameters

№	Название типа региона	Критерий отнесения	Регионы
1	Отстающие по качеству жизни	Постоянное отставание по качеству жизни на протяжении исследуемого периода	Алтайский край, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Архангельская область
2	Отстающие по социально-экономическому развитию	Постоянное отставание по социально-экономическому развитию на протяжении исследуемого периода	Псковская область
3	Периодически отстающие и по качеству жизни, и по социально-экономическому развитию	Не менее раза отнесенные и к отстающим по качеству жизни, по социально-экономическому развитию	Астраханская область, Новгородская область
4	Периодически отстающие по социально-экономическому развитию	Не менее 2 раз отнесенные и к отстающим по социально-экономическому развитию	Ивановская область, Севастополь, Республика Марий Эл, Республика Адыгея, Магаданская область, Камчатский край

5. Обсуждение. Возникает вопрос, каким должно стратегическое развитие депрессивных регионов и по каким направлениям оно должно развиваться в первую очередь. Вопросам планов развития депрессивных регионов посвящен целый ряд научных работ, посвященных как российским регионам (Г.Ф. Балакина [12], Х.Б. Бадарчи [13], Н.В. Бекетов [11], А.А. Мокрушин [14]), так и зарубежным (исследование А. Vaishar, M. Stastna [15] для регионов Чехии, Н.Р. Sung [16] для Южной Кореи, J. Tiana, B. Wangb, C. Zhangc, W. Lic, S. Wangb [17] для Китая и др.). Авторы сходятся во мнении, что для вывода таких регионов из кризисной ситуации необходимы принципиально иные подходы к построению стратегического развития в сравнении с благополучными регионами. На основании анализа представленных требований был составлен набор из пяти параметров, которые должны быть включены в стратегии депрессивных регионов для их дальнейшего устойчивого развития (см. табл. 4).

Дадим характеристику стратегий двух депрессивных регионов, выявленных в ходе проведенного выше анализа. Стратегия Рес-

публики Тыва до 2030 г. утверждена Постановлением Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. № 638.

Постановка целей в Стратегии демонстрирует направленность на проведение поэтапной экономической политики в регионе: первоначально – это преодоление дотационности, а уже в дальнейшем выход на лидерские позиции среди регионов Сибири. Выход из депрессивного состояния – одна из задач властей региона.

Усилия планируется направить на реализацию основных конкурентных преимуществ Республики:

- решение проблемы транспортной изолированности Республики от внутрироссийского и международного рынка;

- реиндустриализацию экономики; создание условий для трансформации экономической модели региона от преимущественно сырьевой в сторону индустриального и инновационного развития и др.

В Стратегии приведены отсылки к многочисленным федеральным документам стратегического планирования, а также к Индивидуальной программе социально-экономического

развития Республики Тыва на 2020–2024 гг., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 г.

№ 972-р, в рамках которой планируется экономическая поддержка региона из федерального центра.

Таблица 4. Набор параметров для учета в стратегических планах экономического развития депрессивных регионов

Table 4. Set of parameters to be taken into account in strategic plans for the economic development of depressed regions

<i>№</i>	<i>Экономическая ситуация в регионе, требующая решения через стратегические планы</i>	<i>Параметры для учета в стратегических планах</i>	<i>Примеры разделов, пунктов стратегий депрессивных регионов, свидетельствующих о соблюдении критерия</i>
1	Использование типовых шаблонов целеполагания в стратегическом планировании без учета специфики региона	Постановка цели выхода из депрессивного состояния и сокращения негативных проявлений депрессивного состояния региона	Определение приоритетов, целей, задач, направленных на выход из депрессивного состояния. Концентрация ресурсов на стратегически важных направлениях деятельности.
2	У региона отсутствуют или недостаточно собственных ресурсов для решения кризисной ситуации	Учет и расширение внешней поддержки развития региона: 1) Учет федеральных проектов, программ, планов, направленных на поддержку депрессивных регионов. 2) Обязательная активизация привлечения инвестиций	Отсылка на федеральные документы, указание на федеральные проекты и программы. Формирование условий для эффективного освоения помощи из федерального бюджета и привлечения инвесторов в регион.
3	В сложившейся экономической политике депрессивных регионов имеется концентрация усилий на решении текущих задач в ущерб стратегическим, будущее региона рассматривается как функция его прошлого	Разработка форсированной стратегии развития вместо инерционной	Фокус внимания на решении проблем, сдерживающих развитие экономики и социальной сферы региона. Планирование изменения роли и места региона в общероссийском разделении труда. Обоснование принципиально новых для региона экономических решений и инструментов.
4	Наличие признаков экономического кризиса и ухудшения качества жизни (спад объемов производства, снижение благосостояния граждан и др.)	Наличие антикризисной составляющей	Должно быть объективно выделено наличие кризисного состояния экономики региона как отправной точки. Должны быть прописаны меры, мероприятия, инструменты, способствующие выходу из депрессивного состояния (санация убыточных предприятий, диверсификация структуры экономики, создание новых рабочих мест в новых отраслях), в том числе и на основе межрегионального взаимодействия.
5	Существенные расходы регионального бюджета, которые направлены на непроизводительные сферы (например, социальную)	Соблюдение приоритета развития реального сектора экономики	Нацеленность на рост поддержки реального сектора экономики, меры по развитию производственного предпринимательства, инновационных секторов

Также в Стратегии приведены мероприятия, способствующие привлечению инвестиций в регион, в том числе на реализацию проектов по созданию на территории Республики высокотехнологичных производств.

Стратегия предусматривает два сценария развития (базовый и целевой), при этом упор в планировании экономического развития делается на последний, модернизационный, который предполагает развитие добычи минераль-

ного сырья, реализацию крупных инфраструктурных проектов, в том числе строительство железной дороги, создание экономического коридора Россия – Монголия – Китай, осуществление модернизации и реиндустриализации экономики. Такой сценарий даст возможность постепенно приблизиться к среднему уровню социально-экономического развития по Сибирскому федеральному округу.

В стратегии приведен SWOT-анализ социально-экономического состояния Республики, в котором по основным сферам прописаны ключевые проблемы региона (транспортная изолированность, низкая инвестиционная и инновационная активность, недиверсифицированная структура промышленного производства и др.).

В документе указан обобщенный перечень административных, организационно-экономических, финансовых инструментов регулирования социально-экономического развития регионов, который может быть использован для управления регионами с различной модернизационной восприимчивостью. Указывается, что для регионов с низкой модернизационной восприимчивостью (депрессивных регионов), в том числе и Республики Тыва, рекомендуется использовать все три группы инструментов.

В стратегии приведена серия антикризисных мероприятий, потенциально способных вывести регион из депрессивного состояния:

- создание индустриальных парков (инвестиционных площадок, оборудованных объектами промышленной инфраструктуры);

- развитие межрегионального и внешнеэкономического сотрудничества с субъектами России, странами Евразийского экономического союза и Азиатско-Тихоокеанского региона;

- мероприятия по созданию преференциальных режимов инвестиционной деятельности (особых экономических зон);

- меры для перехода Республики Тыва к стабильному бездотационному развитию и др.

В документе в достаточной мере соблюден приоритет развития реального сектора экономики, запланирована концентрация усилий на развитии:

- транспортно-логистического потенциала Республики Тыва в части интеграции экономики республики с российскими и мировыми рынками, формирование транспортно-

- логистического узла (увеличения грузо-, пассажиро-, туристского потока российских регионов с западной частью Монголии, строительство железной дороги «Элегест – Кызыл – Курагино» и др.);

- освоения месторождений полезных ископаемых, расположенных в доступности от транспортных коридоров: Кызыл – Шагонар – Хандагайты, а также планируемой железной дороги Кызыл – Эрзин – Цагаан-Тологой;

- экспортного потенциала малого бизнеса в силу приграничного положения республики и удобной в перспективе транспортно-логистической инфраструктуры.

Таким образом, в Стратегии Республики Тыва поставлены последовательные цели вывода региона из депрессивного состояния, в том числе с использованием федеральных и инвестиционных ресурсов, с концентрацией усилий на имеющихся конкурентных преимуществах региона в сфере транспорта, добычи полезных ископаемых, экспортной торговли и др. Такую стратегию можно признать «успешным» примером плана вывода региона из депрессивного состояния.

Примером «неудачной» стратегии можно назвать Стратегию социально-экономического развития Кабардино-Балкарской республики до 2040 г., утвержденную Распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 17 сентября 2021 г. № 384-рп.

Целью стратегического развития Республики выступает типичная для большинства региональных стратегий России цель: повышение благосостояния населения на основе динамичного и устойчивого экономического роста. Достижение цели выстроено по программно-целевому принципу и также является типичным для большинства регионов: достижение материального благосостояния и повышение качества жизни населения; динамичное, устойчивое и сбалансированное развитие экономики; защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций и др. В целеполагании региона не приведены сведения о том, что регион следует вывести из депрессивного состояния.

В Стратегии учтены возможности получения финансовой поддержки в рамках государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328. Но учета таких федеральных

проектов как «Социально-экономическое развитие субъектов Северо-Кавказского федерального округа», «Повышение инвестиционной и туристической привлекательности Северо-Кавказского федерального округа» произведено не было.

В Стратегии приведены положения Инвестиционной стратегии Кабардино-Балкарской Республики до 2040 г., нацеленной на формирование благоприятного инвестиционного и делового климата в регионе. Указывается, что уровень инвестиционной активности в Кабардино-Балкарской Республике не соответствует уровню ее потенциальной инвестиционной привлекательности, отмечается недостаток собственных источников инвестиционных ресурсов предприятий Республики. В документе приведены отдельные мероприятия по повышению инвестиционной привлекательности региона, но принципиально новых действенных механизмов практически не предложено. Стратегия скорее ориентирована на увеличение федеральной поддержки региона, в том числе, в части выделения дотаций для развития промышленности.

Указывается, что Республика имеет ряд конкурентных преимуществ, на основе которых может быть сформирована современная, весьма эффективная экономика. Среди них есть как очевидные (наличие мощного рекреационного потенциала, благоприятные природно-климатические условия), так и вызывающие вопросы в контексте вывода региона из депрессивного состояния: высокий уровень газификации населенных пунктов, потенциально высокая обеспеченность экономики трудовыми ресурсами за счет подрастающего поколения. В дальнейшем тексте Стратегии указанные пункты не проработаны.

В качестве целевой стратегии в регионе определен инвестиционно ориентированный сценарий экономического роста Кабардино-Балкарской Республики, включающий в себя создание новых отраслевых комплексов по производству экологически чистых продуктов питания, лечебных и профилактических препаратов, оказанию туристических услуг для лечения, высокотехнологичного промышленного производства и др. Но приоритеты в данном сценарии выделены слабо, также недостаточным образом прописаны мероприятия по созданию условий для создания новых комплексов, что могло бы стать «прорывным»

направлением для вывода региона из депрессивного состояния. Но надо отдать должное создателям стратегии в том, что план развития рынка туристических услуг в регионе прописан достаточно подробно.

В Стратегии существенное внимание уделено развитию экспортной деятельности региона. Хотя тот и является приграничным, но транспортно-логистическое перемещение экспортных товаров в регионе напрямую затруднено за счет прохождения границы по Кавказским горам. В это связи столь усиленная экспортная составляющая в плане развития территории не является целесообразной для региона, тем более, что республика имеет стабильное многолетнее превышение операций по импорту над экспортными операциями.

В Стратегии указано, что социально-экономическое развитие Кабардино-Балкарской Республики в последние годы характеризуется достаточной стабильностью. Динамично развивается промышленный комплекс республики. Данные утверждения вызывают сомнения в силу депрессивного статуса региона. Отмечается, что сложности в развитии реального сектора связаны с недостатком мер государственной поддержки, высокими ставками по банковским кредитам. Принципиально новых мер для преодоления ситуации в Стратегии практически не предложено (за исключением развития лизинговой и консалтинговой деятельности). Планируемые мероприятия касаются в основном развития отдельных проектов (создание промышленного комплекса «Этана», возобновление разработки Тырныаузского вольфрамо-молибденового месторождения, туристско-рекреационного комплекса «Эльбрус»).

Таким образом, в Стратегии развития Кабардино-Балкарской республики не поставлена четкая цель вывода региона из депрессивного состояния, не определены приоритеты в этом направлении. В итоге, социально-экономическое развитие планируется реализовать «по всем фронтам», что снижает степень концентрации ресурсов на действительно прорывных направлениях. Единственным явно выделенным в Стратегии приоритетом является развитие экспортного потенциала, что, учитывая сложности транспортно-логистической организации, вызывает существенные вопросы. Стратегическое развитие региона планируется осуществлять в основном за счет федеральной финансовой поддержки. Данные вы-

воды не позволяют признать Стратегию «Кабардино-Балкарской республики в качестве успешного плана для вывода региона из депрессивного состояния.

6. Заключение. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. К депрессивным регионам следует территории, в которых одновременно отмечается наличие двух взаимосвязанных, но не всегда коррелирующих, групп показателей: стабильно низкого качества жизни и упадка в экономическом развитии.

В работе констатируется, что для вывода региона из депрессивного состояния необходима разработка стратегического плана развития, который должен существенно отличаться от стратегий развитых регионов. Обязательными параметрами в стратегиях депрессивных регионов должны быть: постановка цели выхода из депрессивного состояния и сокращения негативных экономических проявлений; учет и расширение внешней поддержки развития региона; разработка форсированной стратегии развития вместо инерционной; наличие антикризисной составляющей; соблюдение приоритета развития реального сектора экономики.

Анализ стратегий депрессивных регионов позволил выделить относительно «успешную» стратегию депрессивного региона – стратегический план Республики Тыва, в котором поставлены последовательные цели вывода региона из депрессивного состояния с использованием федеральных и инвестиционных ресурсов и концентрацией усилий на имеющихся конкурентных преимуществах региона. В то время как Стратегию Кабардино-Балкарской Республики следует доработать по параметрам целеполагания и приоритизации для того, чтобы она могла стать результативным планом социально-экономического развития региона.

Примечание

¹ Для исследования использовались рейтинги регионов Российской Федерации по качеству жизни за 2020–2022 гг.: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html>; <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html>; <https://riarating.ru/images/63023/66/630236639.pdf>, а также рейтинги социально-экономического положения регионов за 2020–2022 гг. <https://ria.ru/20210531/rejting-1734768833.html>; <https://riarating.ru/infografika/20220516/630222174.html>; <https://riarating.ru/regions/20221226/630235161.html>.

Литература

1. Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология): в 2 т. Кн. 1. – М. : Экономика, 1989. – 303 с.
2. Веригин А. Н., Королёва Л. А. От тектологии к общей теории систем // Экономический вектор. – 2017. – № 2. – С. 4–9.
3. Петросянц В. З. Формирование экономической стратегии развития депрессивных регионов РФ (на примере Республики Дагестан) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – № 3 (32). – С. 69–76.
4. Алексеева А. В., Воропаев К. А. Депрессивные регионы. сравнительный анализ проблем депрессивных регионов // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов: в 2 ч. / под ред. В. А. Ковалева, А. И. Ковалева. – Омск, 2018. – С. 190–194.
5. Экономический словарь / гл. ред. Л. И. Абалкин. – М. : Экономика, 1999. – 1055 с.
6. Двас Г. В. Цели, ключевые факторы и механизмы социально-экономического развития региона. – СПб. : Наука, 2013. – 134 с.
7. Zambrano-Yepez C., Guillen-Rodriguez Y. Dataset for vulnerability model analysis in economically depressed areas // Data in Brief. – 2022. – Vol. 42. – June 2022. – 108307.
8. Zhang J. P., Huang H. S., Man Y., Zeng H. Factors influencing the subjective well being (SWB) in a sample of older adults in an economically depressed area of China // Archives of Gerontology and Geriatrics. – 2008. – Vol. 46, iss. 3. – P. 335–347.
9. Оборин М. С. Механизмы обеспечения экономической безопасности депрессивных регионов // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 29–41.
10. Бабаев Б. Д. Вступительное слово (к вопросу о понятии депрессивного региона) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 2 (22). – С. 28–29.

11. Бекетов Н. В. Проблемы стратегического планирования региональным развитием // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 35. – С. 12.
12. Балакина Г. Ф. Направления совершенствования стратегического управления развитием региона // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – Кызыл, 2017. – С. 13–20.
13. Бадарчи Х. Б. Стратегическое планирование социально-экономического развития депрессивных регионов: особенности методики и организации: на примере Республики Тыва: дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2009. – 149 с.
14. Мокрушин А. А. Инструменты реализации стратегии социально-экономического развития региона депрессивного типа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2020. – № 2 (260). – С. 32–43.
15. Vaishar A., Stastna M. Economically underdeveloped rural regions in Southern Moravia and possible strategies for their future development // Journal of Rural Studies. – 2023. – Vol. 97. – January. – P. 356–364.
16. Sung H. R. Historical geographies of Korea's incorporation: The rise of underdeveloped and modernized colonial port cities // Journal of Historical Geography. – Vol. 76. – April. – P. 42–55.
17. Tiana J., Wangb B., Zhangc C., Lic W., Wangb S. Mechanism of regional land use transition in underdeveloped areas of China: A case study of northeast China // Land Use Policy. – 2020. – Vol. 94. – 104538.

References

1. Bogdanov A.A. General organizational science (Tectology), in 2 volumes. Book 1. Moscow, Economics, 1989. 303 p. (in Russian).
2. Verigin A.N., Koroleva L.A. From tectology to general systems theory. *Economic vector*, 2017, No. 2, pp. 4-9. (in Russian).
3. Petrosyants V.Z. Formation of an economic strategy for the development of depressive regions of the Russian Federation (on the example of the Republic of Dagestan). *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Fund*, 2003, No. 3 (32), pp. 69-76. (in Russian).
4. Alekseeva A.V., Voropaev K.A. depressed regions. comparative analysis of the problems of depressed regions. The potential of the Russian economy and innovative ways of its implementation. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates: in 2 pt. / ed. V.A. Kovalev, A.I. Kovalev. Omsk, 2018, pp. 190-194. (in Russian).
5. Economic dictionary / ch. ed. L.I. Abalkin. Moscow, Economics, 1999. 1055 p. (in Russian).
6. Dvas G.V. Goals, key factors and mechanisms of socio-economic development of the region. St. Petersburg, Nauka, 2013. 134 p. (in Russian).
7. Zambrano-Yepez C., Guillen-Rodriguez Y. Dataset for vulnerability model analysis in economically depressed areas. *Data in Brief*, 2022, Vol. 42, June, 108307.
8. Zhang J.P., Huang H.S., Man Y., Zeng H. Factors influencing the subjective well being (SWB) in a sample of older adults in an economically depressed area of China. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 2008, Vol. 46, iss. 3, pp. 335-347.
9. Oborin M.S. Mechanisms for ensuring the economic security of depressed regions. *Bulletin of the Volgograd State University. Economy*, 2021, Vol. 23, no. 2, pp. 29-41. (in Russian).
10. Babaev B.D. Introductory remarks (to the question of the concept of a depressed region). *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Economy*, 2014, No. 2 (22), pp. 28-29. (in Russian).
11. Beketov N.V. Problems of Strategic Planning for Regional Development. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2008, No. 35, p. 12. (in Russian).
12. Balakina G.F. Directions for improving the strategic management of the development of the region. *Regional Economics: Technology, Economics, Ecology and Infrastructure*. Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Kyzyl, 2017, pp. 13-20. (in Russian).
13. Badarchi H.B. Strategic planning of the socio-economic development of depressed regions: features of methodology and organization: on the example of the Republic of Tyva, dis. ... candidate of economic sciences. St. Petersburg, 2009. 149 p. (in Russian).

14. Mokrushin A.A. Tools for implementing the strategy of socio-economic development of the region of the depressive type. *Bulletin of the Adygei State University. Series 5: Economy*, 2020, No. 2 (260), pp. 32-43. (in Russian).

15. Vaishar A., Stastna M. Economically underdeveloped rural regions in Southern Moravia and possible strategies for their future development. *Journal of Rural Studies*, 2023, Vol. 97, January, pp. 356-364.

16. Sung H.R. Historical geographies of Korea's incorporation: The rise of underdeveloped and modernized colonial port cities. *Journal of Historical Geography*, Vol. 76, April, pp. 42-55.

17. Tiana J., Wangb B., Zhange C., Lic W., Wangb S. Mechanism of regional land use transition in underdeveloped areas of China: A case study of northeast China. *Land Use Policy*, 2020, Vol. 94, 104538.

Сведения об авторе

Бушенева Юлия Ивановна – канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления

Адрес для корреспонденции: 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

E-mail: busheneva@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 703044

About the author

Yulia I. Busheneva – PhD in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management

Postal address: 10, Sankt-Petersburgskoe shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

E-mail: busheneva@yandex.ru

RSCI AuthorID: 703044

Для цитирования

Бушенева Ю. И. Стратегическое планирование экономического развития депрессивных регионов России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 5–15. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).5-15.

For citations

Busheneva Yu.I. Strategic planning of economic development of depressed regions of Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 5-15. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).5-15. (in Russian).

ДОМИНИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.Л. Карпов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
3 марта 2023 г.

Дата принятия в печать
15 сентября 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Экспериментальная экономика, поведенческая экономика, ограниченная рациональность, конкуренция, кооперация, альтруизм, информация

Аннотация. В статье представлен эксперимент, который исследует поведение человека в разрезе двух характеристик: (1) выбор между кооперативной, конкурентной и альтруистической стратегией; (2) раскрытие или сокрытие ключевой информации для принятия решения другим человеком, с которым существует конфликт интересов. В данном эксперименте стояла задача определить, как меняется выбор участников при переходе от отложенного к немедленному выбору, а также по мере перехода от спокойного к эмоциональному состоянию. Отложенный выбор участники делали, отвечая на вопросы анкеты, а немедленный выбор они делали в процессе участия в торгах. Результаты эксперимента показали, что большинство людей, которые осуществляют отложенный выбор, в большей мере склонны выбирать кооперативное поведение, рационально рассуждая и понимая, что такое поведение дает наибольшие выгоды. В состоянии немедленного выбора и в эмоционально-возбужденном состоянии поведение резко меняется и большинство участников выбирают конкурентное поведение, затем, после окончания торгов, возвращаясь к отложенному выбору, опять обращаются к кооперативной стратегии поведения. Такая динамика дает основание предполагать, что в сознании человека существует доминанта конкурентного поведения: очаг возбуждения в нервной системе, связанный с необходимостью быстрого и непосредственного принятия решений, порождает готовность к конкуренции при одновременном торможении кооперативного поведения. Также эксперимент показывает, что существует прямая взаимосвязь между выбором конкурентного поведения и желанием скрывать и манипулировать информацией. Раскрытие информации может быть или вынужденным, когда участник сообщает ключевую информацию для того, чтобы показать, что ему некуда уступать в торгах, или добровольным, когда участник сообщает ключевую информацию для того, чтобы послать другой стороне в переговорах доверительный сигнал.

COMPETITIVE BEHAVIOR DOMINATION: EXPERIMENTAL STUDY

A.L. Karpov

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
March 3, 2023

Accepted
September 15, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Experimental economics, behavioral economics, limited rationality, competition, cooperation, altruism, information

Abstract. The article presents an experiment that explores human behavior in terms of two characteristics: (1) the choice between cooperative, competitive and altruistic strategies; (2) the choice between open and close information for another person with whom there is a conflict of interest. In this experiment, the task was to determine how the choice of participants changes when moving from an advance to an immediate choice, and also as they move from a calm to an emotional state. Participants made an advance choice by answering the questions of the questionnaire, and they made an immediate choice in the process of participation in the auction. The results of the experiment showed that the majority of people who make an advance choice are more likely to choose cooperative behavior, rationally reasoning and understanding that such behavior provides the greatest benefits. In a state of immediate choice and in an emotionally excited state, behavior changes dramatically and most participants choose competitive behavior. After the end of the auction and returning to the advance choice, they again return to the cooperative strategy of behavior. Such dynamics gives grounds to assume that in the mind of a person there is a dominant of competitive behavior: a focus of excitation in the nervous system, associated with the need for quick decision-making, generates a readiness for competition while simultaneously inhibiting cooperative behavior. The experiment also shows that there is a direct relationship between the choice of competitive behavior and the desire to hide and manipulate information. And the disclosure of information can be either forced, when the participant provides key information in order to show that he has nowhere to give way in the auction, or voluntary, when the participant provides key information in order to send a trusting signal to the other human in the negotiations.

1. Введение. Предсказание действий других субъектов является основой оптимального принятия решений. Если мы можем предсказать, как принимает решение наш потенциальный клиент, то можем выбрать оптимальную стратегию предложения товара или услуги, и тем самым увеличить объем продаж. Если мы знаем стратегию, которой придерживается наш конкурент, то можем выбрать такой набор действий, который улучшит наше положение, несмотря на противодействие в конкурентном пространстве. Если мы в роли менеджера понимаем мотивацию сотрудника, то можем сформировать оптимальную систему стимулов для достижения необходимых результатов. Если мы представляем какой-либо регулирующий государственный орган, то опять же должны предсказать ответные действия людей, иначе регулирующее воздействие будет неэффективным.

В каждый момент времени выбор конкретного человека и последующие за ним действия являются результатом определенного уникального сочетания предпочтений и потребностей. Это значит, что в том случае, если мы хотим предсказать действия человека, то должны правильно оценить его предпочтения, а также определить их возможную динамику, которая возникает под влиянием меняющихся внешних стимулов. Экономические исследования на эту тему начинают появляться с середины прошлого столетия и строятся на двух предпосылках. Первой предпосылкой является неопределенность будущих исходов и последствий принятых решений и действий. Второй предпосылкой является неопределенность будущих предпочтений.

В качестве теоретической концепции выбора при неопределенности будущих последствий принятых решений выступает теория ограниченной рациональности Г. Саймона [1; 2]. Он формулирует идею о том, что список ограничений на выбор должен включать некоторые свойства человека как обработчика информации. Следовательно, люди разрабатывают процедуры принятия решений, которые будут разумными с учетом этих ограничений, даже если они могут быть неразумными, если ограничения будут сняты. Г. Саймон отмечает, что в действиях человека наблюдаются отклонения от рационального выбора и предлагает использовать для объяснения выбора использовать ступенчатую функцию полезности. Эта функция отражает тот факт, что человек в

процессе сбора информации, ее анализа и принятия решения начинает с желаемого результата и возвращается к набору предшествующих действий, достаточных для его получения.

Концепция ограниченной рациональности Г. Саймона была расширена и преобразована множеством других исследователей. Г. Саймон говорил об индивидуальном человеческом поведении, а ряд исследователей, взяв за основу его представления, распространили их на объяснение действий коммерческих организаций [3], государственных регулирующих структур и общественных институтов [4]. Еще одним важным направлением развития концепции ограниченной рациональности стал переход от описания конкретных проблем применения рациональных моделей к объяснению с ее помощью проблем в области субъективного понимания и восприятия [5–7], а также конфликта интересов между людьми [8; 9]. Наконец, ряд исследователей наоборот пошли по пути упрощения и рассматривали концепцию ограниченной рациональности как частный случай классических моделей рационального поведения или концепции причинно-следственных детерминант действий [10].

Второй предпосылкой в предсказании будущего выбора и действий выступает неопределенность будущих предпочтений человека, принимающего решение. Концепция ограниченной рациональности предполагала то, что предпочтения человека остаются неизменными. Однако поведенческие исследования показали, что предпочтения тоже меняются под влиянием внешних факторов. Отсюда возникает необходимость предсказать будущее изменение вкусов и предпочтений человека и на основе этого предсказать будущий выбор [10].

Теоретическая основа этого подхода во многом была сформирована Д. Канеманом совместно с другими авторами [11; 12]. Самый очевидный способ предсказать будущие предпочтения – это взять за основу текущие предпочтения и затем скорректировать их в соответствии с предполагаемыми изменениями обстоятельств, которые могут поменять стимулы для принятия решения в будущем. Однако такой подход предполагает, что общий вектор предпочтений остается стабильным. Но есть ситуации, когда вектор предпочтений может кардинально измениться. Именно этот случай нас в наибольшей мере интересует в рамках настоящего исследования.

Г. Лёвенштейн и ряд других ученых являются авторами серии исследований, посвященных изучению изменений в предпочтениях людей [13–16]. Он сосредоточился на предпочтениях, которые меняются из-за изменений таких внутренних состояний, как голод, страх, сексуальное возбуждение или усталость. Эти внутренние состояния оказывают сильное влияние на принятие решений человеком, однако они чрезвычайно лабильны и могут радикально поменяться в течение короткого времени (нескольких часов или даже минут). Тем не менее, даже находясь под влиянием таких внутренних состояний, люди, принимают иррациональные решения. Суть такой иррациональности состоит в том, что текущие сиюминутные предпочтения противоречат предпочтениям по отношению к отложенному будущему. При этом человек принимает долгосрочные решения под влиянием текущего внутреннего состояния, и когда последствия наступают, то человек остается не удовлетворен результатом.

Человек имеет предпочтения как в субъектно-объектном пространстве (например, предпочтения в потребительских товарах), так и в субъектно-субъектном пространстве, т. е. в отношении других людей. Интерес, любовь, ненависть и другие чувства в отношении каких-либо неодушевленных предметов (предположим, в отношении различных продуктов питания) важны для самого человека, но мало оказывают влияние на окружающих. Те же самые чувства в отношении других людей приводят к более значимым последствиям для всего общества. Такие предпочтения могут быть предпосылкой сотрудничества и партнерства, а могут быть причиной конфликта или войны.

С нашей точки зрения, основные виды отношений и чувств между людьми, которые взаимодействуют друг с другом, можно сгруппировать в три типа предпочтений: кооперативные, конкурентные и альтруистические предпочтения. Кооперативные предпочтения предполагают доверие в отношении другого человека и выбор взаимовыгодного взаимодействия и сотрудничества с ним. Конкурентные предпочтения основаны на желании доминировать, подавлять, извлекать свою выгоду без учета интересов другого человека. Альтруистические предпочтения предполагают наличие желания отдать другому человеку больше, чем получить от него. Опять же, чаще всего, мы можем наблюдать довольно устой-

чивые и длительные предпочтения между конкретными людьми. Однако человек периодически взвешивает, оценивает свои текущие предпочтения и корректирует их, когда посчитает, что они стали плохи или бесполезны. При этом особый интерес представляет их кардинальное изменение – конверсия предпочтений, такие как переход от кооперативных взаимоотношений к конкурентным и наоборот. Причем в качестве гипотезы можно сделать утверждение о том, что конкурентные предпочтения доминируют и вытесняют кооперативные предпочтения в процессе реальных взаимодействий между людьми, таких как совместная работа или торговля.

2. Эксперимент. Таким образом, необходимо определить и измерить то, как происходит конверсия межсубъектных предпочтений в системе «кооперация-конкуренция» в различных внутренних состояниях выбора человека. Во-первых, может отличаться эмоциональное состояние человека. Резко отличаются выбор и действия человека, который находится в спокойном эмоциональном состоянии, и того же самого человека в состоянии эмоционального возбуждения, которое возникает в процессе переговоров с другими людьми, имеющими противоположные интересы. Во-вторых, может отличаться состояние спокойного долгосрочного планирования и состояние сиюминутного импульсивного принятия решения. Для выявления различий между такими состояниями Г. Лёвенштейн [14] предлагает разделить отложенный и текущий выбор в зависимости от сроков реализации того, о чем принимается решение, а также «холодный» и «горячий» выбор в зависимости от эмоционального состояния человека. Возьмем за основу классификацию внутренних состояний Г. Лёвенштейна для построения данного эксперимента.

Для выявления текущих предпочтений в системе «кооперация-конкуренция» мы использовали наблюдения за поведением участников эксперимента в ходе переговоров в трех традиционно проводимых мною экспериментах: «Рынок» [17], «Изменения на рынке» [18], «Влияние налогов на рынок» [19]. Эти эксперименты проводятся по типу лабораторного эксперимента В. Смита в форме двойного аукциона, где сталкиваются интересы двух групп участников (покупателей и продавцов) и формируется равновесная цена. Чтобы выявить предпочтения и фактический выбор участни-

ков мы ввели в дизайн эксперимента наблюдателей, которые следили за тем, как проходят переговоры, и отмечали важные элементы поведения участников эксперимента.

Для выявления отложенных долгосрочных предпочтений в системе «кооперация-конкуренция» мы предложили участникам эксперимента ответить на три вопроса, которые должны показать их отношение к тому, как они считают правильным решать конфликт интересов.

Первый вопрос.

Представьте ситуацию, когда Вы и другой человек находитесь в ситуации конфликта интересов по поводу раздела определенной суммы денег. Вы и другой человек имеете равные права на эту сумму и должны определить стратегию действий:

- а) выбрать компромисс и поделить сумму поровну (right choice, RC);
- б) повлиять на решение другого человека и получить большую часть суммы (competitive choice, CC);

Первые два вопроса четко увязаны с описанием конфликта интересов, который возникает внутри эксперимента «Рынок». И ответы на вопросы касаются двух важных решений, которые нужно принять в ситуации конкуренции. Первый вопрос отражает выбор внутри дилеммы «компромисс – манипулирование». Компромисс предполагает раздел суммы выигрыша поровну. Манипулирование предполагает влияние на другую сторону с целью неравного распределения выигрыша, при этом участнику дается три варианта ответа на первый вопрос, потому что нельзя исключать возможность альтруистического выбора участников.

Второй вопрос отражает выбор внутри дилеммы «предоставлять информацию – скрывать информацию». Скрытие информации дает больше возможностей для воздействия и манипулирования принятием решения другой стороны в переговорах.

Третий вопрос связывает наше исследование с уже существующими данными опросов по отношению к конкуренции. Чтобы понять насколько наши данные сопоставимы с исследованиями, которые ранее уже проводи-

ли в мире, мы искали какой-либо опрос, в котором респонденты высказывают свое мнение о конкуренции. Полных исследований, которые посвящены исключительно отношению к конкуренции или партнерству, мы не нашли. Однако подходящий по смыслу вопрос был найден в социологических исследованиях ценностей. Формулировку третьего вопроса мы взяли из Исследования европейских ценностей (European Values Study) [20]. Это исследование проводится с конца 70-х гг. и направлено на изучение моральных и социальных ценностей, лежащих в основе европейских социальных и политических институтов и регулирующего поведения [21]. Всего было проведено четыре волны опросов (в 1981, 1990, 1999, 2008 гг.) в форме интервью. В последней волне участвовало 47 европейских стран и регионов.

В) действовать в интересах другого человека и отдать ему большую часть суммы (altruistic choice, AC).

Второй вопрос.

Та же ситуация: Вы и другой человек находитесь в ситуации конфликта интересов по поводу раздела определенной суммы денег. Вы и другой человек имеете равные права на эту сумму. Однако Вы знаете информацию о размере суммы, которую не знает другой человек. Примите решение:

- а) раскрыть информацию о размере суммы (open information, OI);
- б) скрыть информацию о размере суммы (hidden information, HI).

Третий вопрос.

На этой карте вы видите ряд противоположных мнений по отношению к конкуренции. Как бы вы расположили свои взгляды на этой шкале?

Теперь представим общий дизайн эксперимента. Всех участников эксперимента я делю на две группы. Участники первой группы проходят предварительный опрос (отвечают на три описанных выше вопроса), не находясь погруженными в состоянии конкуренции и,

как следствие, конфликта интересов. Таким образом, первая группа находится в эмоционально невозбужденном (то есть «холодном») состоянии разума.

Через неделю я провожу эксперимент «Рынок». В процессе этого эксперимента участники погружаются в процесс конкуренции и несколько раз вынуждены принимать решения о выборе стратегии в рамках переговоров о каждой сделке.

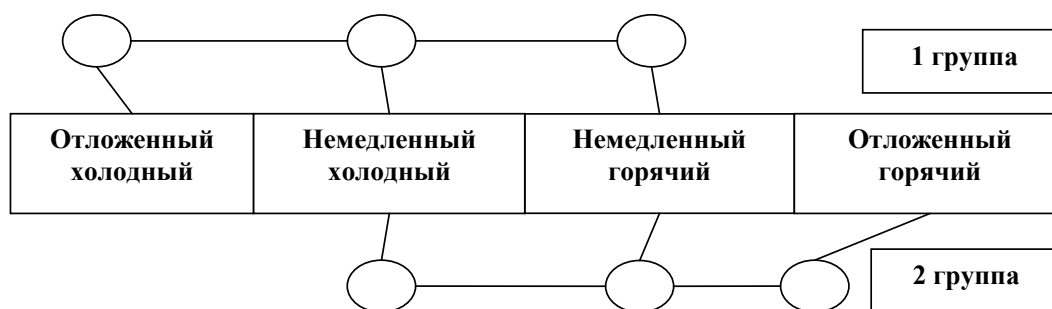

Рис. 1. Схема эксперимента

Fig. 1. Experimental Design

По результатам эксперимента получается четыре типа данных (см. рис. 1).

1. Отложенный «холодный» выбор (advance cold choice ACC), который сделали участники первой группы, отвечая на вопросы за неделю до погружения в состояние конкуренции.

2. Отложенный «горячий» выбор (advance hot choice AHC), который сделали участники второй группы, отвечая на вопросы за неделю сразу после погружения в состояние конкуренции.

3. Немедленный выбор (immediate choice, IC): эти данные формируются в результате реального наблюдения за принятием этих двух решений при заключении сделок в процессе самого эксперимента. Причем здесь тоже можно разделить полученные данные на две части. На первой сделке человек показывает немедленный «холодный» выбор (immediate cold choice, ICC), так как при первой сделке на решение не оказывают влияние эмоции, возникающие по результатам предыдущих сделок.

4. В дальнейшем каждая сделка формирует у участника ощущения удовлетворения или неудовлетворения в зависимости от размера полученного выигрыша и его распределения между сторонами. Наблюдения конку-

Участникам второй группы я не даю эти вопросы до проведения эксперимента. Они отвечают на эти же вопросы сразу после проведения эксперимента «Рынок». Таким образом они отвечают на вопросы после погружения в состояние конкуренции и, как следствие, конфликта интересов. Таким образом, вторая группа находится в эмоционально возбужденном (то есть «горячем») состоянии разума.

рентного поведения при последней сделке отражает немедленный «горячий» выбор (immediate hot choice, IHC)

Сравнение результатов этих четырех наблюдений дает нам возможность сделать выводы о том, как происходит конверсия межсубъектных предпочтений в системе «кооперация-конкуренция» под влиянием эмоций и при переходе от общих рассуждений к немедленным действиям.

3. Результаты. В данном эксперименте нас, прежде всего, интересует динамика конкурентного поведения, которое, как предполагается, должно нарастать в процессе вовлечения человека в активное принятие решений, т. е. при переходе от отложенного к немедленному выбору, а также по мере перехода от «холодного» к «горячему» эмоциональному состоянию. Однако поведение человека происходит в системе «кооперативное – конкурентное – альтруистическое поведение». Выбирая один из вариантов поведения, человек отказывается от другого. Например, выбрав конкурентный тип поведения, человек автоматически отказывается от кооперативного и альтруистического варианта.

В эксперименте участвовало 159 человек, из которых 43 мужчины (27 %) и 116 женщин (73 %).

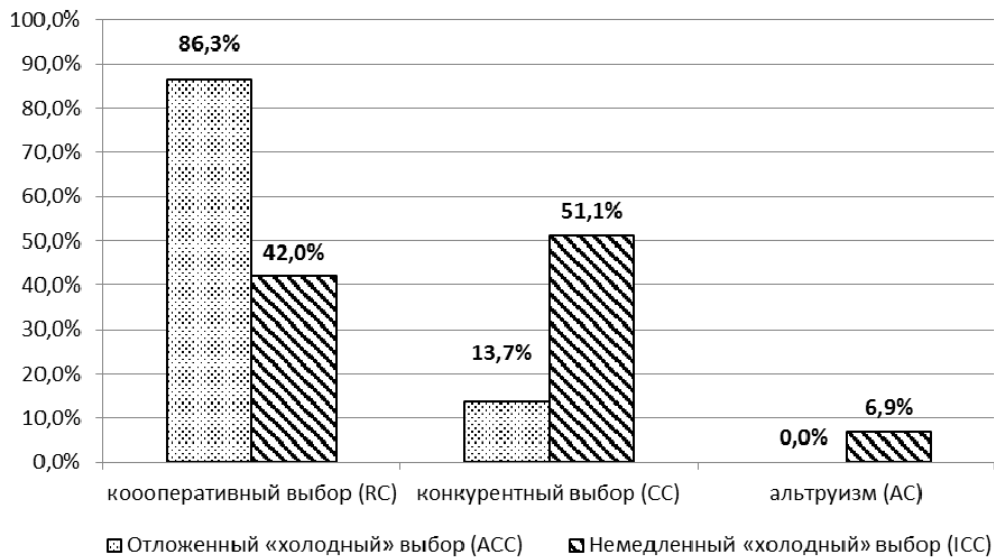

Рис. 2. Выбор стратегии поведения в условиях отложенного «холодного» выбора и немедленного «холодного» выбора

Fig. 2. Behavioral strategy choice under advanced cold and immediate cold conditions

Рис. 2 показывает, что полученные результаты подтверждают нашу гипотезу. В ситуации отложенного выбора 86,3 % участников выбрали кооперативную стратегию честного раздела суммы денег. Однако непосредственно оказавшись в условиях раздела выигрыша от сделки, доля участников, которые попробовали честно и поровну разделить выигрыш, оказалась значительно ниже – 42 %. При этом в ситуации непосредственного выбора существенно выросла доля и тех, кто выбрал конкурентную стратегию и тех, кто выбрал альтруистическую стратегию.

В отложенном «холодном» состоянии свое желание получить большую часть выигрыша высказали только 13,7 % участников. Однако оказавшись в ситуации непосредственной возможности получить больше соперника 51,1 % участников стали активно торговаться. У многих участников возник азарт и желание победить по результатам заключенной сделки. Если это получалось, то эти участники гордились и демонстрировали остальным участникам полученный результат.

Интересна динамика среди участников, которые выбрали альтруистическую стратегию. В состоянии отложенного выбора в нашей группе участников никто не выбрал эту стратегию, т. е. все выбирали только два варианта – или честно поделить, или переиграть соперника. Однако в ситуации непосредствен-

ного выбора 6,9 % участников сделали выбор в пользу другой стороны в сделке. Что является мотивом для таких действий? В основе такого альтруистического выбора обычно лежит или дружеские отношения, или желание оказать влияние на представителя другого пола (чаще всего это парень уступает девушке, хотя бывают и обратные варианты). Это указывает на то, что альтруизм обычно не является системой взглядов, которая формирует устойчивое поведение человека. Альтруистический выбор обычно осуществляется индивидуально по отношению к конкретному лицу: человек хочет сделать приятное или произвести впечатление именно этому лицу. Он предлагает эти особые условия именно этому человеку и не готов давать их всем остальным.

При этом важно отметить два существенных факта. Первый состоит в том, что это одни и те же люди – первая группа участников. Неделю назад без привязки к конкретной ситуации они рассуждали о том, что нужно честно разделить сумму, а теперь, оказавшись в реальной ситуации такого раздела, они стремятся получить больше. Второй факт состоит в том, что в немедленном выборе они пока еще не погружены в процесс конкуренции, так как совершают только первую сделку. Они только получили возможность в результате совершения сделки получить выигрыш больше, чем другой участник.

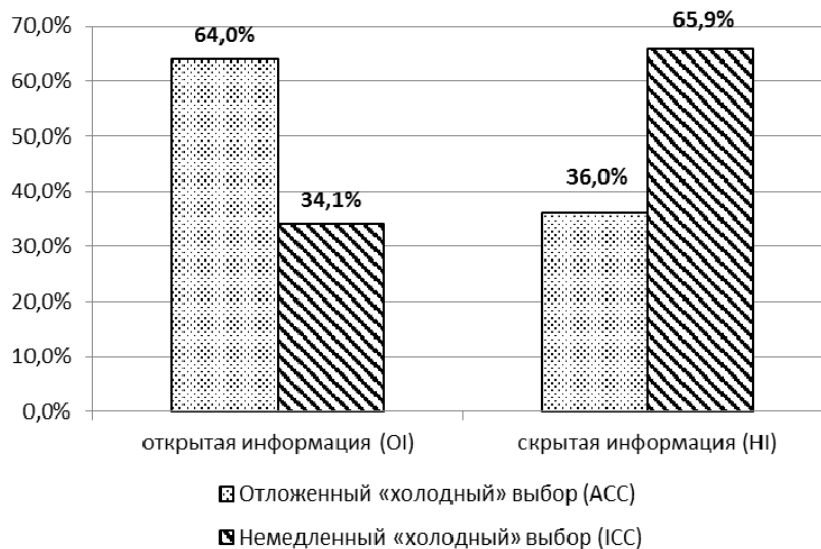

Рис. 3. Выбор стратегии в отношении раскрытия информации в условиях отложенного «холодного» выбора и немедленного «холодного» выбора
Fig. 3. Disclosure strategy choice under advanced cold and immediate cold conditions

Рис. 3 показывает, что в ситуации спокойного «холодного» отложенного выбора 64 % участников выбрали открыто предоставить информацию и 34,1 % сделали выбор скрыть информацию. В ситуации немедленного выбора при заключении сделки расклад резко поменялся. Теперь только 36 % участников в процессе переговоров открыли информацию о своей резервной цене, а 65,9 %

предпочли скрыть эту информацию от другой стороны сделки. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что выбор конкурентной стратегии напрямую связан с манипулированием информацией. Если человек желает переиграть другого участника, то одно из первых его действий – это сокрытие важной информации от того, кого он воспринимает конкурентом.

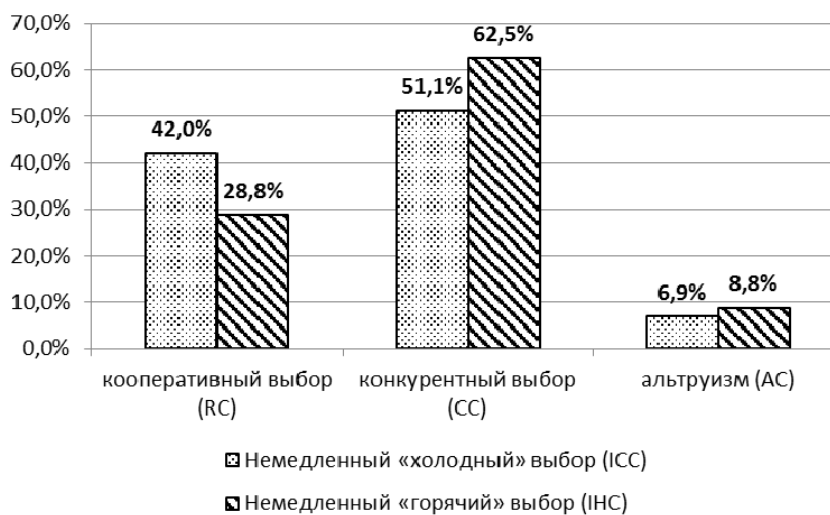

Рис. 4. Выбор стратегии поведения в условиях немедленного «холодного» выбора и немедленного «горячего» выбора

Fig. 4. Behavioral strategy choice under immediate cold and immediate hot conditions

На рис. 2 мы видели, что в ситуации немедленного выбора многие участники поменяли кооперативную стратегию на конкурент-

ную и альтруистическую. Рис. 4 показывает, что в процессе конкуренции эта тенденция продолжает развиваться. В начале торгового

эксперимента (на 1 раунде торговли) в ситуации немедленного «холодного» выбора в двух группах 42 % участников выбрали кооперативную стратегию. В конце торгового эксперимента (на последнем раунде торговли) в ситуации немедленного «горячего» выбора уже только 28,8 % участников выбрали кооперативную стратегию. Доля участников выбирающих альтруистическую стратегию сохра-

няется примерно на прежнем уровне (6,9 % и 8,8 % соответственно). И при этом резко возрастает доля участников, выбирающих конкурентную стратегию с 51,1 % на 1 раунде торгов до 62,5 % на последнем раунде торгов.

Рис. 5 показывает, как меняется выбор участников в отношении раскрытия информации в процессе конкуренции.

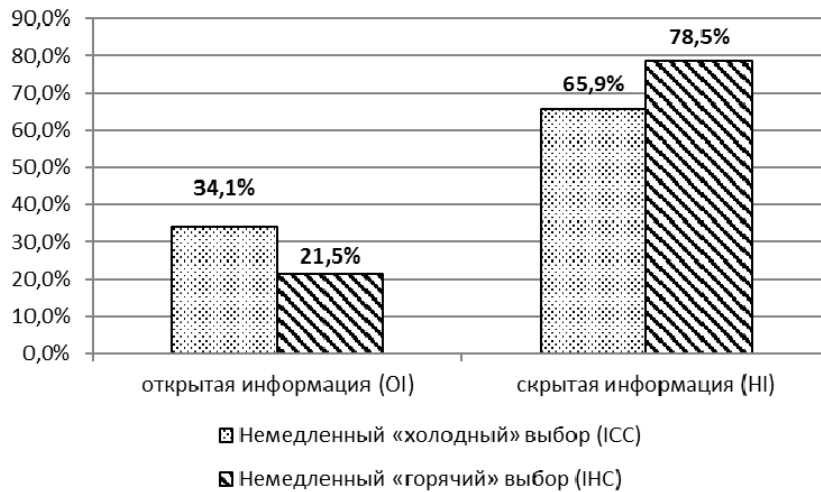

Рис. 5. Выбор стратегии в отношении раскрытия информации в условиях немедленного «холодного» выбора и немедленного «горячего» выбора
Fig. 5. Disclosure strategy choice under immediate cold and immediate hot conditions

Опять же здесь можно наблюдать тенденцию к закрытию ключевой информации. Если в состоянии немедленного «холодного» выбора на первом раунде торгов 34,1 % участников раскрывают и 65,9 % скрывают ин-

формацию о своей резервной цене. То в состоянии немедленного «горячего» выбора на последнем раунде торгов только 21,5 % участников раскрывают и 78,5 % скрывают информацию о своей резервной цене.

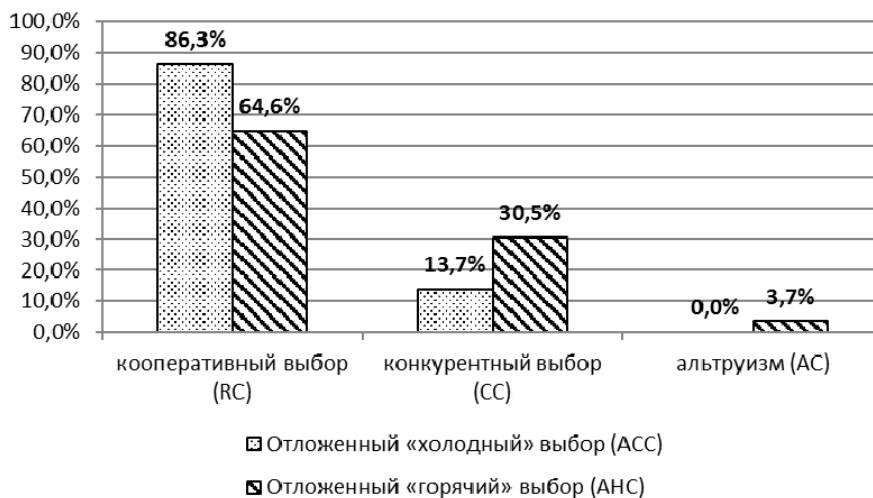

Рис. 6. Выбор стратегии поведения в условиях отложенного «холодного» выбора и отложенного «горячего» выбора
Fig. 6. Behavioral strategy choice under advanced cold and advanced hot conditions

Рис. 6 показывает то, как эмоциональное состояние влияет на долгосрочный отложенный выбор. Здесь мы сравниваем то, как участники выражают свое отношение к конкуренции, отвечая на вопросы. Первая подгруппа участников отвечала на вопросы до участия в торговой игре, а вторая подгруппа – после участия в торговой игре. Результаты также подтверждают нашу гипотезу. Доля участников, которые выбирают кооперативный вариант стратегии, в «холодном» эмоциональном состоянии составляет 86,3 % против 64,6 % участников, которые выбрали этот вариант стратегии в «горячем» эмоциональном состоянии после участия торгов. Ну и естественно, что в «горячем» эмоциональном состоянии больше участников выбрали конкурентную стратегию: 30,5 % участников в «горячем» состоянии против 13,7 % в «холодном» состоянии.

Однако, здесь мы получили и неожиданный для нас результат. Раньше мы отмечали, что большинство людей не рассматривает альтруизм, как устойчивую системную стратегию. И в «холодном» состоянии никто не выбирал альтруистическую стратегию. Тем не менее в «горячем» эмоциональном состоянии 3,7 % выбрали альтруистическую стратегию. Чтобы выяснить, не является ли этот выбор ошибочным или случайным, я индивидуально задал вопросы тем, кто выбрал альтруистическую стратегию. Интересный факт состоит в том, что альтруистический выбор в отложенном долгосрочном периоде они сделали также по результатам участия в конкуренции в торговой игре. Именно в течение игры они, используя альтруистическую стратегию, они приняли для себя решение, что эта стратегия является эффективной и правильной с их точки зрения.

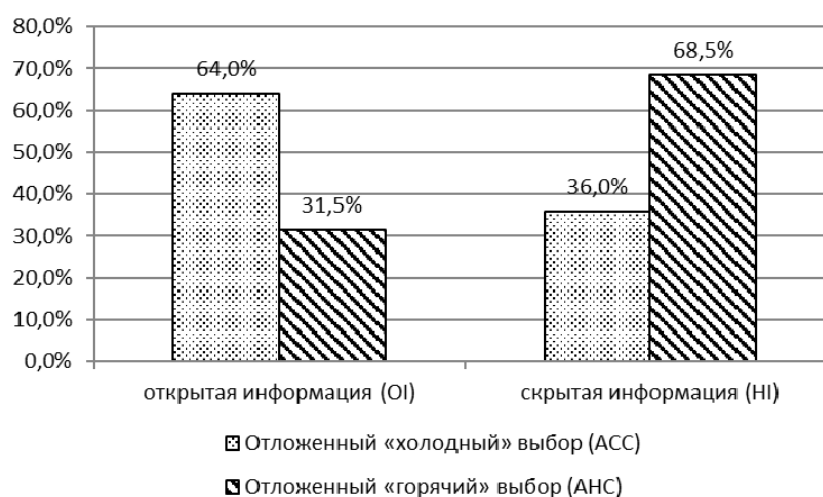

Рис. 7. Выбор стратегии в отношении раскрытия информации в условиях отложенного «холодного» выбора и отложенного «горячего» выбора
Fig. 7. Disclosure strategy choice under advanced cold and advanced hot conditions

Рис. 7 показывает, что в «холодном» эмоциональном состоянии 13,7 % участников выбрали конкурентную стратегию и 31,5 % участников предпочитают скрывать ключевую информацию. В горячем эмоциональном состоянии 30,5 % участников выбирают конкурентную стратегию и 68,5 % предпочитают скрывать информацию.

Другой важной тенденцией является то, что в «горячем» эмоциональном состоянии предпочитают скрывать информацию существенно больше участников, чем в «холодном» эмоциональном состоянии.

4. Выводы. Результаты проведенного эксперимента показывают, что предпочтения в системе «кооперация-конкуренция» могут резко изменяться при различных внутренних состояниях выбора человека, что подтверждает нашу исходную гипотезу. Но при этом характер конверсии предпочтений говорит о том, что здесь действует механизм, который в физиологии называется – доминанта.

Человек, который осуществляет отложенный выбор в большей мере склонен выбирать кооперативное поведение, рационально рассуждая и понимая, что такое поведение дает

наибольшие выгоды. В состоянии немедленного выбора большинство людей резко меняют свои предпочтения и более склонны выбирать конкурентное поведение, когда человек максимизирует выгоды для себя, уменьшая их для других. Резкое изменение от кооперативного к конкурентному поведению, начиная с первого раунда торгов, говорит о том, что в сознании человека заложена некая доминанта конкурентного поведения, которая активизируется при немедленном выборе. Причем для погружения участников эксперимента в «горячее» эмоциональное состояние мы используем торговую игру, которая вводит их в процесс переговоров с другими людьми, имеющими противоположные интересы. При участии человека в торгах возникает некий очаг возбуждения в нервной системе, связанный с необходимостью быстрого и непосредственного принятия решений, который порождает готовность к конкуренции при одновременном торможении кооперативного поведения. При этом опрос, который проводился во второй группе участников, опять же показывает резкое снижение конкурентной мотивации сразу после проведения торгов. Это еще раз подтверждает то, что в состоянии немедленного выбора срабатывает доминанта конкурентного поведения. Как только очаг возбуждения пропадает, конкурентная мотивация снова меняется на кооперативную.

В процессе самих торгов конкурентная мотивация увеличивается, но в меньшей степени. Кроме того, изменении мотивации в процессе самих торгов более четко объясняется причинно-следственными связями в отличие от резкого изменения мотивации в начале торгов и сразу после них. Мотивы усиления конкуренции в процессе торгов следующие:

Во-первых, те участники, которые в первом раунде торгов выбирали кооперативную стратегию в процессе торговли, сталкиваются с ситуацией, когда другая сторона получает больший размер выигрыша. В формате данного эксперимента это выясняется в тот момент, когда происходит регистрация сделки и покупатель и продавец предоставляют информацию о своих резервных ценах регистратору. И в этот момент, если они торговались на основе закрытой информации, становится понятно, что кто-то добился большего результата от сделки. Появляется чувство обиды и зависть. Эти эмоции участники часто проявляют от-

крыто: фразу «Ты меня обманул(а)» часто можно услышать на этапе регистрации сделки. Это наиболее сильный фактор, который подталкивает переходить на конкурентную стратегию в отношении других участников эксперимента.

Во-вторых, те, кто в начале выбирал альтруистическую стратегию, часто начинают выбирать других партнеров для сделки, с которыми они уже не готовы делить выигрыш поровну или на альтруистических условиях. Это еще раз доказывает тот факт, что альтруистическая стратегия обычно представляет собой не устойчивую систему взглядов, а индивидуальное действие в отношении конкретного человека. В отношении остальных участников альтруизма нет.

Также эксперимент показывает, что существует явная взаимосвязь между выбором конкурентного поведения и желанием скрывать и манипулировать информацией. Если человек желает переиграть другого участника, то одно из первых его действий – это сокрытие важной информации от того, кого он воспринимает конкурентом. Стратегию, где проявляется такой связанный выбор можно назвать «Туман войны»: во-первых, такой участник воспринимает другого человека, как конкурента, поэтому желает переиграть его, во-вторых, он скрывает ключевую информацию для принятия решения конкурентом и использует эту асимметрию информации, как инструмент для получения большей части выигрыша.

Выбор кооперативной стратегии и желание равного раздела выигрыша наоборот обычно сопровождается предоставлением открытой информации. Открытая информация выступает в роли сигнала о доверии: «я доверяю тебе и жду в ответ тоже честных действий». Здесь важно, что этот сигнал часто работает даже в том случае, если другая сторона скрывает свою информацию. Ответить на честные и открытые действия одной стороны обманом мешает такое чувство, как стыд.

При этом сильно меняется и мотивация в раскрытии информации в процессе торгов. Если в начале торгов раскрытие информации чаще используется как доверительный сигнал. В последнем раунде торгов уже мало кто использует раскрытие информации как сигнал. Чаще всего информацию о своей резервной цене раскрывают те, у кого она близка или

ниже равновесного уровня. Они раскрывают свою цену, чтобы показать, что не могут уступить в сделке дальше.

Таким образом, на основе анализа динамики раскрытия информации в процессе торгов можно выделить два типа раскрытия информации:

1 тип можно назвать вынужденным раскрытием информации, когда участник сообщает ключевую информацию для того, чтобы показать, что ему некуда уступить.

2 тип можно назвать добровольным раскрытием информации, когда участник сооб-

щает ключевую информацию для того, чтобы послать другой стороне в переговорах доверительный сигнал.

В условиях немедленного «холодного» выбора присутствуют оба типа раскрытия информации. По мере развития торгов остается в основном только вариант вынужденного раскрытия информации. Исходя из данных эксперимента можно видеть, что примерно 20–25 % участников вынуждено раскрывают информацию. И примерно столько же 20–25 % участников используют информацию как доверительный сигнал в начале торгов.

Литература

1. *Simon H. A.* A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*. – 1955. – № 69 (1). – P. 99–118.
2. *Simon H. A.* Rational Choice and the Structure of the Environment // *Psychological Review*. – 1956. – № 63. – P. 129–138.
3. *Williamson O. E.* *Markets and Hierarchies*. – New York : Free Press, 1975.
4. *Steinbruner J. D.* *The Cybernetic Theory of Decision*. – Princeton : Princeton University Press, 1974.
5. *Cyert R. M., De Groot M. H.* An Analysis of Cooperation and Learning in a Duopoly Context // *The American Economic Review*. – 1973. – Vol. 63, no. 1. – P. 24–37.
6. *Porat A. M., Haas J. A.* Information Effects on Decision Making // *Behavioral Science*. – 1969. – Vol. 14. – P. 98–104.
7. *Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S.* Behavioral Decision Theory // *Annual Review of Psychology*. – 1977. – Vol. 28. – P. 1–39.
8. *Carter E. E.* The Behavioral Theory of the Firm and Top-Level Corporate Decisions // *Administrative Science Quarterly*. – 1971. – Vol. 16. – P. 413–429.
9. *Talor R. N.* Psychological Determinants of Bounded Rationality: Implications for Decisionmaking Strategies // *Decision Sciences*. – 1975. – Vol. 6. – P. 409–429.
10. *March J. G.* Bounded rationality, ambiguity, and the engineering of choice // *Bell Journal of Economics*. – 1978. – 9. – P. 587–608.
11. *Kahneman D., Snell J.* Predicting a changing taste: Do people know what they will like? // *Journal of Behavioral Decision Making*. – 1992. – 5. – P. 187–200.
12. *Kahneman D., Wakker P., Sarin R.* Back to Bentham? Explorations of experienced utility // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1997. – 112. – P. 375–406.
13. *Loewenstein G.* Out of control: Visceral influences on behavior // *Organizational behavior and human decision processes*. – 1996. – 65. – P. 272–292.
14. *Loewenstein G., Adler D.* A bias in the prediction of tastes // *Economic Journal*. – 1995. – 105. – P. 929–937.
15. *Loewenstein G., Nagin D., Paternoster R.* The effect of sexual arousal on predictions of sexual forcefulness // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 1997. – 34. – P. 443–473.
16. *Loewenstein G., Prelec D.* Anomalies in intertemporal choice: Evidence and an interpretation // *Quarterly Journal of Economics*. – 1992. – 107. – P. 573–597.
17. *Карпов А. Л.* Конкурентное рыночное равновесие: статический анализ // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2016. – № 2. – С. 45–51.
18. *Карпов А. Л.* Динамическое конкурентное равновесие // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2016. – № 3. – С. 42–50.
19. *Карпов А. Л.* Экспериментальное исследование влияния налогов на конкурентное равновесие // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2018. – № 1. – С. 25–34.

20. European Values Study: Master Questionnaire. – URL : <https://dbk.gesis.org/dbksearch/download.asp?id=69554> (дата обращения: 26.09.2022).
21. European Values Study: Data and Documentation. – URL : <https://europeanvaluesstudy.eu/methodology-data-documentation/survey-2017/joint-evs-wvs/data-and-documentation-joint-evs-wvs/> (дата обращения: 26.09.2022).

References

1. Simon H.A. (1955), A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, No. 69 (1), pp. 99-118.
2. Simon H.A. (1956), Rational Choice and the Structure of the Environment. *Psychological Review*, No. 63, pp. 129-138.
3. Williamson O.E. (1975), *Markets and Hierarchies*. New York, Free Press.
4. Steinbruner J.D. (1974), *The Cybernetic Theory of Decision*. Princeton, Princeton University Press.
5. Cyert R.M., De Groot M.H. (1973), An Analysis of Cooperation and Learning in a Duopoly Context. *The American Economic Review*, Vol. 63, no. 1, pp. 24-37.
6. Porat A.M., Haas J.A. (1969), Information Effects on Decision Making. *Behavioral Science*, Vol. 14, pp. 98-104.
7. Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. (1977), Behavioral Decision Theory. *Annual Review of Psychology*, Vol. 28, pp. 1-39.
8. Carter E.E. (1971), The Behavioral Theory of the Firm and Top-Level Corporate Decisions. *Administrative Science Quarterly*, Vol. 16, pp. 413-429.
9. Talor R.N. (1975), Psychological Determinants of Bounded Rationality: Implications for Decisionmaking Strategies. *Decision Sciences*, Vol. 6, pp. 409-429.
10. March J.G. (1978), Bounded rationality, ambiguity, and the engineering of choice. *Bell Journal of Economics*, 9, pp. 587-608.
11. Kahneman D., Snell J. (1992), Predicting a changing taste: Do people know what they will like? *Journal of Behavioral Decision Making*, 5, pp. 187-200.
12. Kahneman D., Wakker P., Sarin R. (1997), Back to Bentham? Explorations of experienced utility. *The Quarterly Journal of Economics*, 112, pp. 375-406.
13. Loewenstein G. (1996), Out of control: Visceral influences on behavior. *Organizational behavior and human decision processes*, 65, pp. 272-292.
14. Loewenstein G., Adler D. (1995), A bias in the prediction of tastes. *Economic Journal*, 105, pp. 929-937.
15. Loewenstein G., Nagin D., Paternoster R. (1997), The effect of sexual arousal on predictions of sexual forcefulness. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 34, pp. 443-473.
16. Loewenstein G., Prelec D. (1992). Anomalies in intertemporal choice: Evidence and an interpretation. *Quarterly Journal of Economics*, 107, pp. 573-597.
17. Karpov A.L. Konkurentnoe ry'nochnoe ravnovesie: staticheskij analiz [Competitive market equilibrium: static analysis]. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2016, No. 2, pp. 45-51. (in Russian).
18. Karpov A.L. Dinamicheskoe konkurentnoe ravnovesie [Dynamic competitive equilibrium]. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2016, No. 3, pp. 42-50. (in Russian).
19. Karpov A.L. Eksperimental'noye issledovaniye vliyaniya nalogov na konkurentnoye ravnovesiye [Experimental study of the impact of taxes on competitive equilibrium]. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2018, No. 1, pp. 25-34. (in Russian).
20. European Values Study: Master Questionnaire. URL: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/download.asp?id=69554>.
21. European Values Study: Data and Documentation. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/methodology-data-documentation/survey-2017/joint-evs-wvs/data-and-documentation-joint-evs-wvs/>.

Сведения об авторе

Карпов Альберт Леонидович – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: halk.albert@gmail.com

РИНЦ AuthorID: 338985

About the author

Albert L. Karpov – PhD in Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and World Economy

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: halk.albert@gmail.com

RSCI AuthorID: 338985

Для цитирования

Карпов А. Л. Доминирование конкурентного поведения: экспериментальное исследование // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 16–28. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).16-28.

For citations

Karpov A.L. Competitive behavior domination: experimental study. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 16-28. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).16-28. (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ

О.М. Рой

Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
2 мая 2023 г.

Дата принятия в печать
15 июня 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Приграничный регион, экономическая безопасность региона, Сибирский федеральный округ, приграничное сотрудничество

Аннотация. Россия располагает огромной площадью приграничных регионов, которые, с одной стороны, имеют возможности для налаживания делового сотрудничества с соседним государством, но, с другой, вынуждены реагировать на риски пограничного положения. Особую актуальность проблемы приграничного сотрудничества приобретают сегодня для регионов Сибирского федерального округа, поскольку в условиях активизации азиатского направления внешнеэкономической стратегии России возрастает роль сотрудничества сибирских регионов с регионами Казахстана, Монголии и Китая. Целью статьи является оценка характера экономической безопасности приграничных регионов Сибири – Омской и Новосибирской областей, Алтайского края и республик Алтай и Тывы – с точки зрения соответствия ключевым критериям трансграничного положения – населенности, обустроенности границ, структуры товарооборота и пр. В статье выделены основные признаки экономической безопасности приграничного региона, сформулированы ее количественные и качественные характеристики, выделены потенциальные угрозы и риски, требующие формирования специальной системы экономической безопасности приграничного региона. Проведено разделение между потенциальными и актуальными угрозами экономической безопасности, рассмотрены каналы влияния социально-экономического развития приграничных регионов соседней страны на экономическую безопасность сибирских регионов. Также проведен сравнительный анализ приграничных регионов Сибирского федерального округа по ключевым параметрам экономической безопасности, на основе которого выявлены тенденции развития регионов, обозначены проблемные точки. В заключительной части статьи сформулированы перспективные направления налаживания приграничного сотрудничества регионов Сибири с регионами соседних государств в сложившихся условиях, высказаны рекомендации по развитию приграничных регионов.

ECONOMIC SECURITY IN THE BORDER REGIONS OF SIBERIA

O.M. Roy

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received
May 2, 2023

Accepted
June 15, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Border region, economic security of the region, Siberian Federal District, border cooperation

Abstract. Russia has a huge area of border regions, which, on the one hand, have opportunities to establish business cooperation with a neighboring state, but, on the other hand, are forced to respond to the risks of a border location. The problems of cross-border cooperation are of particular relevance today for the regions of the Siberian Federal District, since in the context of the activation of the Asian direction of Russia's foreign economic strategy, the role of cooperation between the Siberian regions with the regions of Kazakhstan, Mongolia and China is increasing. The purpose of the article is to assess the economic security of the border regions of Siberia – the Omsk and Novosibirsk regions, the Altai Territory and the republics of Altai and Tyva – in terms of compliance with the key criteria of cross-border location - population, border facilities, trade turnover structure, etc. The article highlights the main signs of economic security of the border region, formulates its quantitative and qualitative characteristics, identifies potential threats and risks that require the formation of a special system of economic security of the border region. The author makes a division between potential and actual threats to economic security, examines the channels of influence of social and economic development of the border regions of the neighboring country on the economic security of the Siberian regions. The article presents a comparative analysis of the border regions of the Siberian Federal District on key parameters of economic security, on the basis of which trends and problems of regional development were identified. In the final part of the article, the author formulated promising directions for establishing cross-border cooperation between the regions of Siberia and the regions of neighboring states in the current conditions, and made recommendations for the development of border regions.

1. Введение. Резкое усиление напряженности на западных границах России, беспрецедентный объем санкционного давления на страну, мобилизационные меры федерального правительства по противодействию глобальным угрозам, требуют активного участия регионов в разработке специальной политики по защите их территории от негативных последствий, вызванных действиями недружественных государств. В этих условиях становится крайне важным нейтрализовать риски на других участках государственной границы, акцентировав внимание на исполнении обязательств органов региональной власти по поддержке сложившегося уровня материальной обеспеченности людей и их безопасности. Особое значение в современных условиях имеет участок государственной границы, примыкающий к регионам Сибирского федерального округа и охватывающий пространство, разделяемое с такими странами, как КНР, Монголия и Казахстан.

После принятия в 2022 г. Стратегии социально-экономического развития СФО развитие Сибири следует рассматривать в качестве единой сбалансированной системы производств, обеспеченной инженерной и социальной инфраструктурой и приемлемым уровнем социального благополучия¹ [1]. Однако, возникает вопрос: насколько Сибирь сегодня способна проводить комплексную и сбалансированную политику по защите своей территории от влияния разного рода экономических и социальных рисков? Насколько согласуются приоритеты в развитии макрорегиона с новыми вызовами и готовностью регионов к осуществлению мер, направленных на поддержку безопасности их территорий? В конце февраля 2023 г. президентом России В.В. Путиным было заявлено о необходимости развивать региональные сегменты безопасности, в связи с чем руководители регионов получили дополнительные полномочия.

Чтобы проводить сбалансированную политику макрорегион должен иметь цельное представление об объекте регулирования. Интерес к приграничным регионам как к единому комплексу подтверждается непрерывностью государственной границы, ее обеспеченностью материальными и кадровыми ресурсами, относительной однородностью в рассредоточении центров государственного регулирования. Линия государственной границы должна быть непрерывной и дискретной, оди-

наково защищенной и равномерно распределенной между уполномоченными службами, ответственными за безопасность подведомственных территорий.

2. Обзор литературы. Вопросам экономической безопасности регионов посвящено значительное количество научной литературы. Наиболее значимыми результатами исследований в этой сфере выступают: разработка методологии оценки экономической безопасности региона, определение перечня индикаторов, способных произвести такую оценку, выявление базовых рисков, способствующих снижению степени экономической безопасности и пр. Являясь составной частью общей безопасности экономическая безопасность выражает способность региона адекватно реагировать на угрозы, связанные с нарастанием диспропорций и различий в характере ценовых и имущественных тенденций в развитии регионов, прилегающих к государственным границам соседних государств.

Имеются различные подходы к определению экономической безопасности региона. Так в статье Т.В. Усковой и И.А. Кондакова под этим понятием понимается «совокупность условий и факторов, характеризующих стабильность экономики, устойчивость и поступательность её развития, степень независимости и интеграции с экономикой страны, а также способность региональных органов государственной власти создавать механизмы реализации и защиты интересов хозяйствующих субъектов, поддержания социально-экономической стабильности территориального сообщества» [1, с. 39]. По свидетельству М. Полозкова и Н. Епифановой «Чаще всего в число регионов-лидеров по экономической безопасности входят те регионы, в которых относительно диверсифицированная экономика с большой долей торговли в валовом региональном продукте (чаще в сочетании с обрабатывающим сектором), либо экономика с сырьевой направленностью» [2, с. 88]. По мнению М.Н. Руденко, главными признаками безопасности на региональном уровне является устойчивость его экономики, защищенность от внутренних и внешних угроз и ее адаптивность к внешним изменениям [3]. В работах отечественных авторов обращается внимание также на многообразие различных аспектов безопасности регионов и значительном числе разноплановых индикаторов ее оценки [4].

Особую актуальность вопросы экономической безопасности имеют для приграничных регионов, для которых близкое существование территорий с иным правовым режимом и административным управлением становится либо основой для реализации дополнительных возможностей трансграничного сотрудничества, либо источником множества институциональных ограничений. Приграничные субъекты Российской Федерации (а это 45 из 89) занимают 76,6 % территории страны. В них проживает свыше 43 % ее населения [5].

3. Гипотезы и методы исследования.

Главным вопросом, нуждающимся в изучении в рамках настоящего исследования, является вопрос о критериях связности приграничных сибирских регионов в их способности реагировать на возможные риски, вызванные экономическими изменениями на территории прилегающих к государственным границам регионов соседних государств. Результатами исследования должны стать определение сильных и слабых сторон в осуществлении приграничными регионами своего права на осуществление внешнеэкономической деятельности, извлечения преимуществ региона от своего приграничного положения, выработка модели экономически безопасного приграничного региона. Методологической основой в решении этой задачи выступает сравнительный анализ приграничных регионов СФО по ключевым параметрам экономической безопасности с использованием баз региональной статистики.

4. Результаты исследования. Приграничные регионы не являются самостоятельными и обособленными субъектами внешнеэкономической деятельности, но именно они на своей территории принимают и воплощают материальные продукты сотрудничества смежных государств. Они также принимают на себя все возможные риски, которые выпадают на процессы осуществления такого сотрудничества. События 2022 г., связанные с проведением СВО на территории Украины, сделали актуальной проблему безопасности для значительного числа регионов России, находящихся на западных границах российской территории, где вопросы экономической безопасности стали одной составляющих глобальной проблемы. Помимо реальных военных угроз приграничные регионы сталкиваются с разрушением налаженных логистических каналов, пронизывающих пространство этих регионов, прекращением поставок зарубежной продукции, не имеющей аналогов внутри страны, необходимостью адаптации населения этих регионов к ужесточению условий трансграничных перемещений и пр. [6].

Экономическая безопасность призвана обеспечить защиту приграничного региона от угроз двух типов – потенциальных и актуальных.

К потенциальным угрозам экономической безопасности приграничного региона можно отнести:

1. Зависимость от поставок на местные предприятия комплектующих из-за рубежа.
2. Различия в покупательной способности национальной валюты,
3. Коррупцию в таможенных органах,
4. Техногенное или природное разрушение инфраструктурных объектов приграничной зоны.

Актуальные угрозы проявляются в текущем режиме, а их нейтрализация выступает способом оперативного реагирования специальных служб региона на их проявление. К противодействию потенциальных угроз регион готовится заранее, вырабатывая превентивные меры, противодействующие их проявлению, тогда как актуальные угрозы должны отражаться по мере их возникновения. В научной литературе не выделяется каких-либо специфических признаков экономической безопасности приграничных регионов, которые отображают общие тенденции в развитии экономики страны в целом [7; 8]. Однако, изменение условий во взаимоотношениях между странами способно оказывать серьезное влияние на характеристики экономической безопасности в приграничных регионах [9]. Отмечается необходимость увязки оценки экономической безопасности с различными характеристиками угроз, идентифицированных с помощью системы общих, частных и специальных индикаторов.

Среди наиболее значимых характеристик экономической безопасности приграничного региона можно назвать:

- степень вовлеченности региона в систему национального разделения труда, обеспечивающего его цельность и самодостаточность;
- наличие положительного торгового баланса, обеспеченного собственными ресурсами;

- отсутствие признаков отсталости региона относительно других регионов, в том числе и находящихся за пределами государственной границы;

- миграционную устойчивость региона, проявляющуюся в стабильности его численности;

- глубокую интеграцию инженерной и социальной инфраструктуры региона в национальную производственную систему;

- независимость / зависимость местных производственных мощностей от ресурсной базы, формируемой за пределами национальных границ;

- уровень социальной обеспеченности региона, проявляющийся в показателях доли бедного населения и безработицы среди местного населения [10; 11].

Оценить экономическую безопасность приграничного региона можно на основе как количественных показателей, так и качественных, что предполагает выработку комплексного и всестороннего подхода к исследованию данного феномена. Кроме того, далеко не все количественные параметры находят отражение в официальных сводках статистических ведомств. Так, к примеру, важное значение для экономической безопасности региона имеют такие показатели, не всегда отображаемые в официальной статистике регионов, как: доля нерезидентов в структуре занятого населения региона, доля населения, живущего за чертой бедности, индекс цен на жизненно важную продукцию и др.

На основе измерения выделенных характеристик можно выделить несколько ключе-

вых индикаторов экономической безопасности приграничного региона, по которым можно выразить целый ряд его свойств. Причем эти индикаторы могут иметь как чисто экономический, так и социальный характер, проявляющийся в том числе и под влиянием изменения экономических значений. К перечню этих индикаторов следует отнести: показатели демографического прироста / убыли, плотности населения, объема ВРП, инвестиций в основной капитал, структуры торгового баланса и др. Однако, оценить характер экономической безопасности региона по индикаторам невозможно, поскольку значительное влияние на эти процессы оказывают неизмеримые факторы, факторы непрямого действия. Среди этих факторов можно выделить:

- политику государства, реализуемую через руководство федерального округа и действия территориальных подразделений органов федеральной власти,

- степень производственной кооперации предприятия региона с другими регионами страны, включенность их в кластерные объединения,

- степень интеграции региона в транспортную и энергетическую инфраструктуру страны и пр.

- характер обустроенности контрольно-пропускных пунктов, обеспечивающих, с одной стороны, надежную защиту, а с другой – благоприятные условия для делового сотрудничества.

Таким образом, можно представить перечень ключевых показателей экономической безопасности приграничного региона (табл. 1).

Таблица 1. Перечень ключевых показателей экономической безопасности приграничного региона

Table 1. List of key indicators of economic security of the border region

<i>Показатель</i>	<i>Характеристика</i>
Валовый региональный продукт на душу населения	Определяет базовый уровень социально-экономического развития региона, раскрывающий его производственный потенциал и степень социального благополучия.
Естественный и миграционный прирост / убыль	Определяет привлекательность региона для потенциальных мигрантов и условия для воспроизводства населения.
Инвестиции в основной капитал	Выражает экономическую самодостаточность региона, его ориентацию на внутренние источники развития.
Плотность населения	Отображает спрос населения на присвоение пространственного ресурса, наличие производственных возможностей и условий расселения
Среднемесячная заработная плата	Выражает уровень социального благополучия занятого населения, его потребительскую активность.

Окончание табл. 1
The end of Table 1

Показатель	Характеристика
Уровень безработицы	Доля населения, незанятого в производстве и функционально не привязанного к месту своего проживания
Прибыль/убыток местных предприятий	Способность местного бизнеса получать прибыль и обеспечивать работой местное население
Торговое сальдо	Соотношение экспорта и импорта во внешнеэкономической деятельности региона

Примечание. Составлено на основе обзора показателей региональной статистики

Представленные показатели не исчерпывают всего возможного перечня характеристик региона, не являются специфическими именно для приграничных территорий, но служат концептуальной основой для их сопоставления с другими регионами расположенными у государственной границы.

Экономическая безопасность в приграничных регионах СФО

Большое количество сибирских регионов являются приграничными. Только на границе с Казахстаном сосредоточено 4 сибирских региона: Омская, Новосибирская области, Алтайский край и Республика Алтай. Граница с Монголией определяет приграничный статус Республики Тыва. А на участок границы с КНР выходит часть территории Республики Алтай.

Уровень социально-экономического развития выделенных регионов свидетельствует о значительных диспропорциях в их развитии, что затрудняет проводить согласованную политику в сфере их экономической защиты, координировать работу ведомств, ответственных за обеспечение безопасности в них. Регионы проявляют отличающуюся друг от друга готовность участвовать во внешнеэкономической

деятельности, проводить совместные с другими регионами мероприятия, заинтересованность граждан к поездкам в соседнюю страну.

В СФО показатели внешнеэкономической активности слабо коррелируют с приграничным статусом региона. Так, наибольшие значения экспортной экспансии демонстрируют регионы, не являющиеся приграничными – Кемеровская область, Иркутская область и Красноярский край. Так, в 2020 г. на Кемеровскую область приходилось 12,4 млрд долл. товарооборота с зарубежными странами, на Красноярский край – 8,9 млрд долл., на Иркутскую область – 7,28 млрд долл.² [12]. Тогда как приграничная Тыва продемонстрировала в 2021 г. внешнеторговый оборот в размере всего 152,4 млн долл.³

Табл. 2 представляет базовые свойства приграничных регионов СФО, рассмотренные с точки зрения их положения относительно приграничных регионов соседней страны. В перечень этих свойств входят демографические характеристики региона и характеристики регионов по ту сторону границы, показатели их экономического потенциала, а также характеристики пропуска через границу.

Таблица 2. Базовые свойства приграничных регионов СФО, рассмотренные с точки зрения их положения относительно приграничных регионов соседней страны

Table 2. Basic properties of the border regions of the SFD, considered from the point of view of their position relative to the border regions of neighboring countries

	Омская	Новосибирская	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Тыва
Пограничное государство	Казахстан	Казахстан	Казахстан	Казахстан КНР Монголия	Монголия
Длина границы, км	1 020	316,4	843,6	350 50 250	1 313
Численность населения, чел	1 831 881	2 780 200	2 131 019	210 797	332 600

Окончание табл. 2

The end of Table 2

	<i>Омская</i>	<i>Новосибирская</i>	<i>Алтайский край</i>	<i>Республика Алтай</i>	<i>Республика Тыва</i>
Плотность населения, чел./км ²	12,98	15,64	12,68	2,27	2,00
ВРП, млрд руб.	901,6	1 600 000	880,2	64,5	94,2
Приграничные регионы сопредельного государства	Северо-Казахстанская Павлодарская область	Павлодарская	Абайская Восточно-Казахстанская	Восточно-Казахстанская	Увсанурский, Завханский, Ховдский, Баян-Ульгийский аймаки
Количество обустроенных КПП*	3-жд, 7-КПП	1- жд, 2- КПП	1-жд, 8-КПП	–	–
Количество приграничных муниципальных районов	9	4	12	3	5
Соотношение экспорт / импорт, млн долл [*]	996,8 / 414,2	3837,7/3749,6	1148,0/680,9	57,0/6,8	140, 1/12,2
Торговое сальдо	+ 582,6	+ 88,1	+467	+50,2 – за 1 половину 2021 г.	+128,0

Примечание. * Пограничные переходы России. URL: http://bpclub.su/%D0%9F%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8#.D0.9F.D0.BE.D0.B3.D1.80.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.87.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.BF.D0.B5.D1.80.D0.B5.D1.85.D0.BE.D0.B4.D1.8B_.D0.A0.D0.A4_.D0.B8_.D0.9C.D0.BE.D0.BD.D0.B3.D0.BE.D0.BB.D0.B8.D0.B8; Внешнеэкономическая деятельность. Министерство экономического развития Новосибирской области. URL: <https://econom.nso.ru/page/1612?ysclid=lg4z2cwo2o311458576>; Итоги внешнеэкономической деятельности Омской области. URL: <https://guit.omskportal.ru/oiv/mec/etc/extrel/International/Summary>; Внешнеторговый оборот Алтайского края. URL: [https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%20%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%202015-2021\(1\).htm](https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%88%20%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%202015-2021(1).htm); Внешнеэкономическая деятельность. Республика Алтай. URL: https://altai-republic.ru/economy_finances/foreign-economic-activity/?ysclid=lg4zmxvkh30643134; Итоги внешней торговли. Республика Тыва. URL: <https://aves.rtyva.ru/upload/files/f07269fd-679f-4d20-8261-a3c1c13a189e.pdf>.

Таким образом, только три региона СФО имеют прямой выход на соседнее государство через специально оборудованные контрольно-пропускные пункты позволяющие наладить прямое трансграничное взаимодействие с зарубежным государством. Этим государством является Республика Казахстан чья доля в осуществлении внешнеэкономических связей с Россией остается высокой.

Особое значение в контексте экономической безопасности имеет угроза санкционного давления, которая развернута по времени и не имеет строго заданных рамок. В этом смысле санкции выступают, с одной стороны, как потенциальная угроза, степень определенности которой не всегда можно сразу определить, а с другой, – как актуальная, т.е. требующая оперативных мер противодействия.

В апреле 2023 г. ФТС временно остановила публикацию статистики по экспорту и импорту. Последние данные о внешней торговле РФ представлены за январь 2022 г. Поэтому в настоящее время невозможно определить трансформацию внешнеэкономической политики приграничных регионов на основе данных официальной статистики.. Тем не менее уход западных компаний с российского рынка в меньшей степени, чем на западных границах изменил ситуацию, поскольку основная часть экспортных поставок сибирских регионов преимущественно была ориентирована на страны Юго-Восточной Азии, а объемы импорта из западных стран пока не оказали критического влияния на экономику сибирских регионов.

Показатели социально-экономического развития приграничных регионов Республики Казахстан и их влияние на экономическую безопасность сибирских регионов

Летом 2022 г. в Республике Казахстан была проведена административно-территориальная реформа, повлекшая за собой разукрупнение трех из пяти самых больших регионов Казахстана. Цель реформы заключалась в трансформации модели административно-территориального устройства Казахстана, направленной на снижение контрастов между плотностью населения областей, сокращение разницы в их социально-экономическом развитии: донорами республиканского бюджета являются только две области – Мангистауская и Атырауская, а также города республиканского значения Алматы и Астана.

В соответствии с реформой, из Алматинской области была выделена Жетысуская область со столицей в Талдыкоргане, а из Восточно-Казахстанской – Абайская с центром в г. Семей. Таким образом, на территории республики появилось два новых субъекта, примыкающих к российским границам. Одним из главных мотивов такого решения была необходимость усиления северо-восточных областей Казахстана, активизация работы по формированию экономической основы для развития этих регионов, отличающихся невысокой плотностью населения и относительно низкой степенью концентрации производства. Табл. 3 свидетельствует о заметном отставании новых регионов Казахстана от большинства сибирских приграничных областей, а также лидеров республиканской экономики – Атырауской, Западно-Казахстанской областей.

Таблица 3. Социально-экономические показатели приграничных с СФО регионов Казахстана

Table 3. Socio-economic indicators of the border regions of Kazakhstan

	<i>Численность, чел.</i>	<i>Плотность, чел. на кв. км</i>	<i>ВВП на душу, долл. Взятые за 9 мес. 2022 г.</i>	<i>Соотношение экспорт / импорт в Россию тыс. долл</i>
Жетысуская	698 987	5,89	2858,3	59741,1 / 37208,2
Абайская	638 300	3,44	5180,2	447728,7/ 316799,6
Северо-Казахстанская	536, 4	5,66	5838,9	104228,1/ 452269,7
Павлодарская	747, 1	6,01	7438,3	923746,3/ 801780,7
Восточно-Казахстанская	717,1	7,33	8081,7	459749,1/ 1303271,1

Примечание. Составлено по: Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan (by branch): <https://stat.gov.kz/official/industry/139/statistic/6>.

Сравнительный анализ соотношения приграничных регионов России и Казахстана позволяет сделать несколько важных выводов:

1. Плотность населения приграничных районов Казахстана существенно ниже, чем в российских регионах.

2. Показатели ВРП также выше в большинстве приграничных российских регионов, чем в приграничных областях соседней республики.

3. В двух из 5 приграничных областей Казахстана имеет место отрицательное сальдо торгового обмена с Российской Федерацией, а в остальных положительное значение не является высоким.

Одним из возможных направлений повышения экономического потенциала северо-восточных областей Казахстана является развитие в них промышленной сферы, призванной обеспечить переработку сырья и содействовать производству готовой продукции. Открытие новых производств позволит привлечь сюда рабочую силу и стимулировать создание новых поселений. Однако, для достижения этой цели необходимы значительные ресурсы, которые в сложившихся условиях привлечь достаточно сложно.

Экономическая безопасность выступает балансом экономической выгоды и рисков, связанных с осуществлением трансграничных операций (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение выгод и рисков в структуре экономической безопасности региона
Table 4. The benefit-risk balance in the structure of economic security of the region

<i>Выгоды</i>	<i>Риски</i>
Возможности формирования трансграничных кластеров	Разрывы межгосударственных отношений вызывают угрозу на местном уровне
Обмен трудовыми ресурсами	Рост нерегулируемой миграции
Туризм и возможности культурного обмена	Бегство капитала
Приобретение продукции или технологии, отсутствующей у одной из сторон	Перемещение за границу жизненно важной продукции из-за разницы цен
	Проникновение запрещенных товаров и инфицированных животных

Перспективы развития приграничного сотрудничества сибирских регионов и КНР

Особое значение для налаживания приграничного сотрудничества с сибирскими регионами имеет Китайская Народная Республика, которая становится для России ведущим торговым партнером, роль которого будет только увеличиваться. Прокинутые на территорию Китая нитки газопроводов Силы Сибири 1–2 делают актуальной проблему обустройства маршрута прокладки труб, создание дополнительных производств, использующих доступный энергетический ресурс.

Несмотря на то, что длина границы с КНР для сибирских регионов невелика (для Республики Алтай граница составляет всего 50 км), для многих сибирских регионов Китай выходит сегодня на 1-е место по объему товарооборота среди стран дальнего зарубежья. И возможности для сотрудничества могли бы быть более значительными, если бы была налажена соответствующая инфраструктура, обеспечивающая более интенсивный трафик экономических и гуманитарных обменов между странами. Однако, этому препятствует два основных фактора: нехватка КПП и недостаточная обустроенность дорожной и логистической инфраструктуры. К примеру, на участке границы между Республикой Алтай отсутствует отвечающая необходимым требованиям дорога, соединяющая обе страны. Статус проекта приобретает задача возвести в пределах Кош-Агачского района Республики Алтай сухопутный пограничный переход между провинцией Синьцзян и Россией, что должно содействовать увеличению интенсивности торговых отношений между государствами. В настоящее время в Республике Алтай проживает чуть более 212 тыс. чел. что почти в 100 раз меньше населения, чем на территории китайского Синц-

зянского УАР, где проживает 22 млн чел. Выход на Синьцзян позволил бы выйти на всех крупнейших партнеров Юго-Восточной Азии – Монголию, Афганистан, Пакистан и Индию. В Синьцзяне открыто 17 КПП первой государственной категории и 12 КПП второй категории, среди которых самый крупный по товарообороту – Алашанькоу – находится на границе с Казахстаном (Алматинская область)⁴.

Модель экономической безопасности приграничного региона

Исследование проблем экономической безопасности, выполненное на примере приграничных регионов СФО, позволяет определить контуры концептуальной модели экономической безопасности приграничного региона.

Во-первых, теоретический смысл обретает идея выделения в регионе двух сторон – внешней и внутренней. Внутренняя сторона обеспечивает способность приграничного региона к воспроизводству и самоорганизации, тогда как внешняя – к реакции на внешние угрозы и адаптацию к изменениям среды. Границы внутренней стороны устанавливаются юрисдикцией государства в обеспечении условий развития региона и его полномочий в решении актуальных проблем развития подведомственной территории. Соблюдение правил внутренней безопасности способствует созданию резерва прочности экономики региона, его включенности в систему национального разделения труда. Внутренняя сторона экономической безопасности региона является свидетельством его самодостаточности и вовлеченности в процессы кооперации с другими национальными контрагентами. Выражается эта сторона в объемах торговли региона с другими регионами, вхождением местных предприятий в межрегиональные кластеры и соглашения. Внешняя сторона экономической безопасно-

сти обращена на способность региона преодолеть влияние нестабильной и быстроизменяющейся среды. Ключом к оценке внешней безопасности региона выступает его уязвимость / неуязвимость по отношению к тенденциям, происходящим по ту сторону границы приграничного региона. Основой оценки внешней стороны экономической безопасности региона также является его зависимость / независимость от зарубежных источников сырья, эффективная работа таможенных органов и пр. В то же время состояние внутренней стороны выступает условием устойчивости стороны внешней, готовности региона уверенно участвовать в налаживании внешнеэкономических связей с регионами других государств.

Во-вторых, каждая из сторон имеет три степени измерения: *экономическую маневренность, социальную устойчивость и географическую ценность*. Экономическая маневренность выражает способность региона поддерживать стабильный уровень производства товаров и услуг на своей территории, формировать достаточный объем бюджетных и внебюджетных ресурсов на решение актуальных задач (внутренняя сторона), реализовывать собственную продукцию за границу, привлекать инвестиционные средства иностранных инвесторов (внешняя сторона) и пр. Социальная устойчивость воплощается в степени материальной обеспеченности жителей региона, его сравнительных с другими регионами, в том числе и зарубежными, преимуществах в получении доходов, качестве социальных услуг и пр. Географическая ценность проявляется в уникальных характеристиках приграничного региона (социокультурных, событийных), являющихся привлекательными как для жителей других регионов страны, так и представителей других стран. Кроме этого, предметом географической ценности выступают природные достопримечательности, месторождения, вызывающие интерес как у отечественных, так и зарубежных инвесторов.

В-третьих, составной частью модели экономической безопасности приграничного региона выступает качество развития его приграничных муниципальных образований, их вовлеченности в структуру национального разделения труда и в процессы международного сотрудничества.

5. Заключение. Исследование параметров экономической безопасности сибирских приграничных регионов не позволяет рассматривать эти регионы в качестве активных субъектов внешнеэкономической деятельности российского государства. Приграничные регионы, как и внутренние, следуют в общем фарватере федеральной политики России по налаживанию делового и гуманитарного сотрудничества с соседними странами. Географическая близость приграничного региона не раскрывает потенциальных возможностей в экономическом извлечении преимуществ от своего местоположения. В то же время Сибирский федеральный округ пока далек от намерений проведения согласованной макрорегиональной политики взаимодействия с пограничными государствами, не использует имеющиеся у субъектов федерации права на налаживание прямого сотрудничества с регионами соседних стран. В перспективе особую актуальность приобретает разработка специальной государственной программы по развитию приграничных регионов, реализация которой позволила бы повысить качество жизни на приграничных территориях, стимулировать создание производственных и торговых комплексов, в том числе и с участием представителей соседней страны, обустроить контрольно-пропускные пункты на государственной границе, активизировать трансграничное сотрудничество. Такая работа позволила бы государству компенсировать те потери, которые оно понесло вследствие разрывов экономических связей с европейскими странами и сформировать предпосылки для создания перспективной модели делового сотрудничества с азиатскими государствами.

Примечания

¹ Strategy of social and economic development of the Siberian Federal District until 2035. URL: <http://government.ru/docs/all/145780/>.

² Товарооборот Сибирского федерального округа. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2020-2021/RU06/trade?ysclid=lfgabaa0t8213775240>.

³ Итоги внешней торговли Республики Тыва. URL: <https://aves.rtyva.ru/upload/files/1a7abc1f-879b-4139-b685-b75c9ecf861f.pdf>.

⁴ Китай предлагает прорубить прямой торговый переход с Россией через Горный Алтай. URL: <https://gorno-altaisk.ru/news/kitaj-predlagaet-prorubit-pryamoj-torgovyj-perehod-s-rossiej-cherez-gornyj-altaj?ysclid=lf2egrr6hu709741384>.

Литература

1. Ускова Т. В. Кондаков И. А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 37–50.
2. Полозков М., Епифанова Н. Современные угрозы экономической безопасности приграничных территорий // Государственная служба. – 2015. – № 1 (93). – С. 88–92.
3. Руденко М. Н. Теоретические основы понятия «Экономическая безопасность региона» // Экономика и управление. – 2018. – № 2 (148). – С. 22–28.
4. Кораблева А. А. Экономическая безопасность региона в системе видов региональной безопасности: уточнение терминологии // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. – 2017. – № 40. – С. 27–40.
5. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского, С. В. Голунова. – М. ; Волгоград : НОФМО, 2002. – 572 с.
6. Лепеш Г. В. Современные угрозы безопасности границ и устойчивому развитию приграничных территорий // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2018. – № 4 (46). – С. 45–63.
7. Немирова Г. И. Экономическая безопасность приграничного региона // Вестник Оренбургского университета. – 2006. – № 8. – С. 211–217.
8. Угрозы и защищённость экономики России: опыт оценки / отв. ред. С. В. Казанцев, В. В. Карпов. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2016. – 280 с.
9. Волошенко Е. В., Волошенко К. Ю. Оценка и измерение экономической безопасности приграничных регионов России: теория и практика // Балтийский регион. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 96–118.
10. Шубина Н. В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 2. – С. 288–307.
11. Мищенко В. В., Воробьева И. Н. Геоэкономические особенности развития приграничных регионов Сибирского федерального округа // Известия АлтГУ. – 2013. – № 2 (78). – С. 294–300.
12. Суслов В. И., Ковалева Г. Д. Глобальные и национальные факторы влияния на экспорт и импорт регионов на примере Сибирского федерального округа // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 4. – С. 1302–1317. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-18.

References

1. Uskova T.V., Kondakov I.A. Threats to economic security of the region and ways to overcome them. *Economic and social changes: facts, tendencies, prognosis*, 2011, No. 2 (14), pp. 37-50. (in Russian).
2. Polozkov M., Epifanova N. Contemporary threats to the economic security of border territories. *Gosudarstvennaya služba*, 2015, no. 1 (93), pp. 88-92. (in Russian).
3. Rudenko M.N. Theoretical foundations of the concept of "Economic security of the region". *Economy and management*, 2018, No. 2 (148), pp. 22-28. (in Russian).
4. Korableva A.A. Economic security of the region in the system of types of regional security: specification of terminology. *Herald of Tomsk university. Economy*, 2017, No. 40, pp. 27-40. (in Russian).
5. Security and international cooperation in the belt of new borders of Russia, ed. L.B. Vardomskiy, S.V. Golunov. Moscow, Volgograd, NOFMO, 2002. 572 p. (in Russian).
6. Lepesh G.V. Modern threats to the security of borders and sustainable development of border territories. *Technical and technological problems of the service*, 2018, No. 4 (46), pp. 45-63. (in Russian).
7. Nemirova G.I. Economic security of the border region. *Herald of the Orenburg University*, 2006, No. 8, pp. 211-217. (in Russian).
8. Threats and protection of the economy of Russia: experience in assessing / ed. S.V. Kazantsev, V.V. Karpov. Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 2016. 280 p. (in Russian).
9. Voloshenko E.V., Voloshenko K.Yu. Evaluation and measurement of economic security of border regions of Russia: theory and practice. *Baltiyskiy region*, 2018, Vol. 10, no. 3, pp. 96-118. (in Russian).

10. Shubina N.V. Conceptual approaches to understanding the economic security of the region: essence, structure, factors and conditions. *Herald of the UrFU. Series: Economy and management*, 2017, No. 2, pp. 288-307. (in Russian).

11. Mishchenko V.V., Vorobyeva I.N. Goeconomic features of the development of border regions of the Siberian federal district. *Izvestiya AltSU*, 2013, No. 2 (78), pp. 294-300. (in Russian).

12. Suslov V.I., Kovaleva G.D. Global and national factors influencing export and import of regions on the example of the Siberian federal district. *Economy of the region*, 2021, Vol. 17 (4), pp. 1302-1317. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-18. (in Russian).

Сведения об авторе

Рой Олег Михайлович – д-р социол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Адрес для корреспонденции: 620108, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: roi_omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1885-7865
ResearcherID: S-3643-2016
РИНЦ AuthorID: 641793

About the author

Oleg M. Roy – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher
Postal address: 16, Sof'i Kovalevskoi ul., Yekaterinburg, 620108, Russia
E-mail: roi_omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1885-7865
ResearcherID: S-3643-2016
RSCI AuthorID: 641793

Для цитирования

Рой О. М. Экономическая безопасность в приграничных регионах Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 29–39. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).29-39.

For citations

Roy O.M. Economic security in the border regions of Siberia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 29-39. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).29-39. (in Russian).

УДК 331.5.024.5+331.526
JEL: J21
DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(3).40-47

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЕМНОГО ТРУДА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ

С.И. Сотникова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
12 апреля 2023 г.

Дата принятия в печать
15 июня 2023 г.

Тип статьи

Обзорная статья

Ключевые слова

Наемный труд, конверсия наемного труда, деконверсия наемного труда, структура наемного труда, капитализация труда, капитализация рабочих мест, капитализация рабочей силы

Аннотация. Трансформационные процессы в современной России сопряжены с новыми возможностями и рисками наемного труда, влекущими за собой переход от традиционных организационно-правовых способов и условий использования рабочей силы к атипичным. Объяснение происходящих институциональных изменений наемного труда связано с появлением не просто новых парадигм экономического знания, но нового терминологического аппарата. Целью данной статьи является развитие концептуальных основ институциональных трансформаций наемного труда, которые задаются мультипликативным эффектом его конверсии и деконверсии. Методология исследования опирается на теоретический анализ библиографических источников, посвященных современным вызовам макроэкономических изменений наемного труда. Гипотеза исследования состоит в том, что капитализация труда неизбежно сопровождается капитализацией рабочей силы, причем в большей степени, чем капитализацией рабочих мест. Опираясь на синергетический подход, исследованы основы концепта трансформации наемного труда, существенные характеристики и тенденции его конверсии и деконверсии в России. Научная новизна заключается в уточнении и обосновании теоретических императивов конверсии и деконверсии наемного труда в Российской Федерации. Исследование мультипликативного эффекта конверсии и деконверсии сферы труда становится самостоятельной научной проблемой при разработке теоретических и прикладных основ экономической политики государства, региона, организации.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS OF WAGE LABOR: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL IMPERATIVES

S.I. Sotnikova

Novosibirsk State University of Economy and Management (Novosibirsk, Russia)

Article info

Received
April 12, 2023

Accepted
June 15, 2023

Type paper

Review

Keywords

Wage labor, wage labor conversion, wage labor deconversion, wage labor structure, labor capitalization, job capitalization, labor force capitalization

Abstract. Transformation in modern Russia is associated with new opportunities and risks of wage labor, entailing a transition from traditional organizational and legal methods and conditions for the use of labor to atypical ones. The explanation of the ongoing institutional changes in wage labor is associated with the emergence of not just new paradigms of economic knowledge, but a new terminological apparatus. The purpose of this article is to develop the conceptual foundations of institutional transformations of wage labor, which are set by the multiplicative effect of its conversion and deconversion. The methodology of the research is based on a theoretical analysis of bibliographic sources about modern macroeconomic challenges for wage labor. The hypothesis of the study is that the capitalization of labor is inevitably accompanied by the capitalization of labor, and to a greater extent than the capitalization of jobs. Based on the synergetic approach, the article examines the basics of the concept of transformation of wage labor, the essential characteristics and trends of its conversion and deconversion in Russia. The scientific novelty consists in clarifying and substantiating the theoretical imperatives of conversion and reconversion of wage labor in the Russian Federation. The study of the multiplicative effect of conversion and reconversion of the sphere of labor becomes an independent scientific problem in the development of theoretical and applied foundations of economic policy of the state, region, and organization.

1. Введение в проблему исследования.

Структурная перестройка бизнес-партнерства, научно-технический прогресс, достижения в цифровой и технической областях в современной России сопряжены с принципиальными трансформациями наемного труда. Эти трансформации создают новые возможности для обеспечения социальной справедливости и устойчивости для настоящих и будущих поколений граждан России, обретения экономической свободы субъектами рынка труда, роста производительности труда, повышения роли интеллектуального и творческого труда, расширения мобильности рабочей силы, усиления гибкости трудовых отношений, стирания границы между стандартной и нестандартной занятостью.

В то же время новые институциональные форматы наемного труда, их трансформирующийся функционал влекут за собой социальную напряженность и неравенство. Об этом свидетельствует расслоение населения по уровню доходов, структурная безработица из-за несоответствия рабочей силы имеющимся рабочим местам, доминирование интересов работодателя над интересами наемных работников в трудовых отношениях, отчуждение наемных работников от процесса и результатов труда, др. Это создает серьезные угрозы устойчивости трудовых отношений, усиливает турбулентность в сфере труда. Как следствие, «интенсивность и продолжительность труда растет, формируя у людей перманентный стресс, связанный с зависимостью от неустойчивого характера труда» [1, с. 89].

В этом смысле современные трансформации наемного труда связаны «с ранее невиданными проблемами, вытекающими из факта беспрецедентных, преобразующих перемен в сфере труда – перемен, в равной мере вдохновляющих и пугающих, но, во всяком случае, объединяющих нас в осознании того, что настало время для глубоких раздумий о будущем сферы труда» [2]. Это создает объективную потребность развития фундаментальных идей, сопряженных с организационно-нормативной системой привлечения рабочей силы к наемному труду и формальными ограничениями повышения эффективности ее использования. Как следствие, возрастает необходимость познания общего характера и глубинных причин, источников, движущих сил институциональных трансформаций наемного труда в современной России.

В этой связи *целью исследования* является развитие концептуальных основ институциональных трансформаций наемного труда в РФ. *Задачи исследования* заключаются в формировании научного понимания сущностных характеристик институциональных преобразований наемного труда, осмысления их тенденций и приоритетов, рисков и перспектив.

Гипотеза исследования состоит в том, что институциональная трансформация наемного труда определяет логическую композицию и устойчивые, регулярные социально-экономические взаимосвязи ее функциональных активов – конверсии и деконверсии труда.

Научная новизна статьи заключается в уточнении и обосновании теоретических императивов конверсии и деконверсии наемного труда, позволяющих объяснить происходящие институциональные изменения наемного труда связано не только с позиций новых парадигм экономического знания, но и нового терминологического аппарата.

При написании статьи использованы *методы научного познания*: аналитическое абстрагирование, интерпретация, классификация и типологизация, сравнение. Исследование опирается на теоретический анализ библиографических источников, посвященных современным вызовам профессиональной устойчивости человеческих ресурсов.

Объектом наблюдения выступает трансформирующаяся сфера труда РФ.

Предметом исследования являются устойчивые и регулярные социально-экономические взаимосвязи, обнаруживающиеся в организационно-нормативной трансформации наемного труда.

2. Концептологические основания исследования. Трансформация труда в процессе рыночных реформ в РФ сопряжена с ориентацией на преобразование масштабов и структуры рабочей силы в соответствии с современными требованиями к капитализации наемного труда, достигаемой путем увеличения занятости трудоспособного населения, уровня дохода от занятости и производительности труда. Открывающиеся в связи с этим перспективы преобразования неденежных активов наемного труда в денежные диктуют необходимость познания и грамотной организации его конверсии и деконверсии.

Применительно к наемному труду термин «конверсия» (от лат. *conversio* – превращение,

изменение) впервые в российской практике стал использоваться в последнее десятилетие XX в. [3, с. 7; 4, с. 28–34; 5, с. 56–61]. В соответствии с российским законодательством этого периода под конверсией труда понималась частичная или полная переориентация ранее задействованных в оборонном производстве трудовых ресурсов «на выпуск продукции гражданского назначения на основе наиболее эффективного использования производственных мощностей, научно-технического потенциала и трудовых ресурсов конверсируемых организаций» (О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 13 апреля 1998 г. № 60-ФЗ; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401/). Целевая ориентация конверсии труда была связана с принципиальными изменениями приоритетов национальной экономической политики, сопряженных с приведением численности и структуры рабочей силы российской экономики в соответствие с требованиями к экономическому обеспечению защищенности национальных интересов. В этом смысле конверсия наемного труда предполагала реализацию широкого комплекса финансовых и других мероприятий по частичному или полному перепрофилированию трудовых ресурсов военной экономики на мирное использование, изменение пропорций распределения трудовых ресурсов между армейской и гражданской сферами в пользу последней.

Дальнейшая структурная перестройка национальной экономики сопровождалась, с одной стороны, сокращением численности работающих в результате свертывания и перепрофилирования объективно недееспособных предприятий и отдельных отраслей; с другой – дополнительным спросом на рабочую силу вследствие возникновения и развития новых современных отраслей и видов производств, возможностей для освоения ранее необжитых территорий, новых потребностей в труде. В конечном счете, развитие национальной экономики под влиянием научно-технического прогресса наполнило новым социально-экономическим содержанием понятие «конверсия труда».

В условиях усиления ориентации национальной экономики на повышение наукоемкости, эффективности и конкурентоспособности концептуальную основу конверсии наемного труда призвано составлять полное или час-

точное перепрофилирование рабочей силы, позволяющее достичь наиболее полного ее соответствия материально-вещественной структуре рынка. Объективная необходимость перепрофилирования рабочей силы обусловлена с точки зрения процессов формирования, распределения (перераспределения) и использования рабочих мест с учетом демографической и профессионально-квалификационной структуры рабочей силы, режимов воспроизводства трудоспособного населения, его размещения по территории страны и т. п.

Рабочая сила как объект подобного перепрофилирования предстает в форме гомогенного сообщества индивидуальных сил (наемных работников) с некоторой совокупностью усредненных духовных и физических способностей. Восприятие рабочей силы как гомогенного множества способностей к труду, определяющего ее социальную целостность и эгалитаризм в системе разделения труда, позволяет обеспечить наиболее полную укомплектованность рабочих мест, стабильность занятости, гарантированность труда и, как следствие, лояльность рабочей силы к интересам организации в условиях неопределенности параметров внешней среды во времени. Конверсия наемного труда предстает как институциональное преобразование наемного труда, ориентированное на капитализацию рабочих мест, благодаря реализации широкого комплекса организационно-правовых способов, условий по обеспечению соответствия динамики и структуры стабильных и достойных рабочих мест динамике и структуре нуждающихся в занятости и желающих работать. В этом смысле эта конверсия предполагает изменение организационно-нормативных способов и условий трудоустройства, которые предоставляют объективную возможность всем нуждающимся в занятости и желающим работать участвовать в общественно полезном труде.

Впервые термин деконверсии применительно к труду был использован Р. Кастелем (R. Castel), под которым понимался процесс «институционального отказа и/или спонтанного расшатывания организационно-нормативной и культурной структуры труда, уже не отвечающей вызовам времени» [6]. Основу этой идеи Р. Кастеля составили теоретические взгляды Болтански (L. Boltanski) [7], Б. Геремек (B. Geremek) [8]. П. Рифф (P. Rieff) [9] на место и роль социального государства, кото-

рое позволяет «нащупать отгадку своей сплоченности и стремится предотвратить риск своего раздробления» [10, с. 130].

Концептуальную основу деконверсии наемного труда формирует то, что структура рабочих мест и структура рабочей силы в каждый момент должна соответствовать потребностям рынка в товарах и услугах, или, наоборот, состояние потребности рынка в различных товарах и услугах должно в каждый момент соответствовать материально-вещественной структуре производства и структуре занятости рабочей силы. Деконверсия предполагает полное или частичное преобразование структуры рабочей силы, позволяющей в наибольшей степени удовлетворить потребности рынка в материальных и духовных благах и услугах с наименьшими экономическими, экологическими и социальными издержками. В этом смысле деконверсия наемного труда сопряжена с преобразованием организационно-нормативных способов, материально-технических и социально-экономических условий трудоустройства, ориентированных не столько на содействие занятости всех нуждающихся в ней и желающих работать на стабильных и достойных рабочих местах, сколько на получение выгод от применения действующих организационно-нормативных правил использования рабочей силы. Деконверсия предполагает такое преобразование наемного труда, которое создает возможность в каждый момент времени получать наибольший прирост материальных и духовных благ на основе повышения трудовой отдачи, производительности труда, более полного проявления способностей к труду.

Таким образом, деконверсия наемного труда осуществляются в той мере, в какой это экономически целесообразно для приращения дохода экономического субъекта от экономической результативности рабочей силы, т. е. для капитализации рабочей силы. Это достигается благодаря выбору и использованию организационно-нормативных способов и условий трудоустройства, приносящих экономическому субъекту достойный доход на основе роста его производительности труда и конкурентоспособности на рынке.

Рабочая сила как объект деконверсии труда предстает как гетерогенное множество с различными индивидуальными и групповыми характеристиками и свойствами, выходящими за рамки закона о равных возможностях и соз-

дающими ей шанс повышения экономической полезности и социальной ценности на рынке труда. «Носитель компетенций, соответствующих специфике конкретной работы, больше не представляется в виде определенного типа личности, а наоборот, его компетенции и образование являются элементом уникальной комбинации характеристик индивидуальности» [11, с. 91]. Возрастает осознание стратегической ценности конкурентных и уязвимых различий рабочей силы под воздействием развития технико-технологических и организационных условий рыночной экономики. Это предполагает поиск наиболее ценных для бизнеса наемных работников, отдача от которых в управленческой или профессиональной деятельности значительно больше, чем от других, поддержку и содействие повышению эффективности их труда, воспитание у них чувства приверженности, лояльности к организации.

Итак, трансформация наемного труда с целью его капитализации связана с переходом «от состояния социальной целостности и чрезмерного эгалитаризма к демонстративному социальному неравенству» [12, с. 236]. Функциональными активами трансформации наемного труда являются его конверсия и деконверсия. Конверсия наемного труда – это преобразование организационно-нормативной структуры труда в соответствии с установленными правилами, нормами и их саморегуляцией, ориентированное на капитализацию рабочих мест, а деконверсия – на капитализацию рабочей силы. В этом контексте капитализация наемного труда выступает как диалектическое единство и взаимопроникновение процессов капитализации рабочих мест и капитализации рабочей силы.

3. Постановка проблемы. Трансформация наемного труда в условиях стремительного распространения информационно-коммуникационных технологий, прогресса в области автоматизации и компьютеризации, развития новых отраслей экономики предстает как результат взаимодействия конверсии и деконверсии.

В стремлении снизить зависимость бизнеса от наемного труда конверсия предполагает развертывание устойчивой организационно-нормативной структуры рабочих мест, сохраняющей незыблемой рыночную основу и позволяющей *обеспечить занятость всем нуждающимся в ней и желающим работать на стабильных и достойных рабочих местах* (табл.).

Сравнительная характеристика конверсии и деконверсии наемного труда
Comparative characteristics of conversion and deconversion of wage labor

<i>Критерии сравнения</i>	<i>Конверсия наемного труда</i>	<i>Деконверсия наемного труда</i>
Цель трудоиспользования	Обеспечение занятости всех нуждающихся в ней и желающих работать	Повышение качества трудовой жизни
Средство достижения цели	Увеличение количества и качества рабочих мест	Совершенствование конкурентных различий рабочей силы
Организационно-нормативная структура наемного труда	Устойчивая	Нестабильная
Нормы регулирования наемного труда	Стабильность	Гибкость
Структура наемного труда	Рациональная	Эффективная
Объект перепрофилирования (преобразования) наемного труда	Структура рабочих мест	Структура рабочей силы

Устойчивость структуры рабочих мест обеспечивается благодаря замкнутости локальных рынков труда, институциональным ограничениям возможностей трудоспособного населения беспрепятственно изменять свое положение в системе занятости, гарантированности труда, стабильности занятости, рациональной структуре рабочей силы. Это способствует достижению предельно высокого уровня занятости населения, низкого уровня или полного отсутствия безработицы, низкой вероятности потери работы для занятых трудоспособных индивидов.

В то же время основными спутниками организационно-нормативной устойчивости структуры рабочих мест являются относительно низкая производительность труда, наличие неэффективных рабочих мест и целых предприятий, существование социальных требований усредненности уровня жизни населения. Иначе говоря, способы и условия обеспечения занятости всем нуждающимся в ней и желающим работать противодействуют повышению качества трудовой жизни, материального благополучия рабочей силы, ее конкурентоспособности на рынке труда и, как следствие, экономическому росту экономического субъекта. «Взыскательным гражданам, которые считали ту или иную работу непрестижной и низкооплачиваемой, придется пересмотреть карьерные планы. Накоплений, как правило, у наших граждан немного, роль заработной платы становится предельно важной. Замещение иностранной рабочей силы, в том числе на неквалифицированных специальностях, неизбежно. Для Москвы это будет заметно в меньшей степени, для Петербурга – ощутимо, а для регио-

нов – во всей красе» (Слабый рубль выгоняет мигрантов, <https://www.fontanka.ru/2014/12/18/175/>). И так, конверсия наемного труда способствует сохранению устойчивой организационно-нормативной структуры рабочих мест, позволяющей сформировать, сохранить и повысить капитализацию рабочих мест путем увеличения занятости всех нуждающихся в ней на стабильных и достойных рабочих местах.

Деконверсия в стремлении снизить зависимость бизнеса от наемного труда предполагает поиск и выбор наиболее эффективных способов и условий участия рабочей силы в труде, не противоречащих законодательству, приносящих ей достойный доход от трудовой деятельности, сохраняющих ее физическое и психическое здоровье, повышающих образовательный и профессиональный уровень на основе роста производительности и конкурентоспособности на рынке труда. Это с неизбежностью ориентировано на ослабление устойчивости (стабильности) организационно-нормативной структуры рабочей силы (см. табл.).

Формирование неустойчивой структуры рабочей силы достигается за счет *гибкости организационно-правовых способов и условий трудоиспользования*, предполагающих:

– использование *добавочных или альтернативных источников рабочей силы* (неполный рабочий день, временные работники, краткосрочные контракты, наем на конкретную работу),

– *гибкость во времени*, т. е. изменения модели рабочего времени занятых работников (изменение числа и видов рабочих смен, переработка, гибкий график, годовой фонд рабочего времени, контракт на «нулевое время»),

– распространение так называемой *самостоятельной (поддерживающей) организационной структуры*, являющейся практической формой неорганизации, предоставляющей наемным работникам возможность осуществлять свою индивидуальную деятельность самостоятельно, т. е. в условиях полного или частичного отсутствия ее координации и контроля,

– расширение сферы *многофункционально ориентированной трудовой деятельности* за счет выполнения «работником функционально разнородных по своему содержанию работ, относящихся к различным профессиям узкой профессиональной специализации, итогом которой является достижение более высокого уровня кооперации труда, организационной синхронизации коллективного трудового процесса и, как следствие, более высоких конечных результатов труда» [13, с. 190].

Неустойчивая (гибкая) структура рабочей силы создает для работодателей определенное превосходство в расширении возможностей для привлечения и использования квалифицированных наемных работников, повышении их индивидуальной ответственности за выполнение работы, росте производительности труда, более полном использовании производственных фондов, др. Кроме того, меняется организационная структура предприятий: центры ответственности перераспределяются, все больше прав делегируется нижестоящим звеньям, которые становятся автономнее. Границы между подразделениями в организации и между самими организациями в этой связи «размываются». Подобная структура рабочей силы «позволяет корпорациям не иметь в собственности ничего, кроме электронного приложения и контактов «армии» прекаризированных работников» [1, с. 89]. В этой связи получают распространение такие организационные формы деконверсии наемного труда как различные консультационные организации, профессиональные объединения, инновационные центры, технопарки, научные и учебные учреждения, информационные структуры и т. д.

В свою очередь, гибкость организационно-правовых способов и условий трудоустройства создает для наемного работника определенное превосходство над конкурентами на рынке труда благодаря расширению возможностей получения достойного дохода на основе дополнительной (устойчивой, полуустойчивой и неустойчивой) занятости у ряда рабо-

тодателей, выполнению трудовых обязательств сверх законодательно установленной нормы продолжительности рабочего дня, более высокой трудовой нагрузке, совмещению нескольких видов работ одним человеком, созданию рабочих мест с нечетко прописанными обязанностями и др.

Не трудно заметить, что, деконверсия труда с неотвратимостью предполагает ужесточение конкуренции, проявлениями которого являются интенсификация труда, поляризация занятых по уровню доходов, дифференциация возможностей рабочей силы в удовлетворении потребностей в определенных благах посредством труда и занятости, рост уязвимости и несостоятельности отдельных групп населения, нарастание индивидуалистических тенденций в сфере труда, подрыв доверия к работодателю и, как следствие, усиление нестабильности занятости, распространение так называемых атипичных форм занятости, появление новых способов оформления трудовых отношений, дезинтеграцией рынка труда. «Труд станет более изолированным, незащищенным, непредсказуемым, негарантированным» [14].

Итак, трансформация наемного труда есть не что иное, как форма разрешения противоречий между конверсией и деконверсией наемного труда, между капитализацией рабочих мест и капитализацией рабочей силы, между увеличением количества достойных стабильных рабочих мест и расширением возможностей к труду человека. В этой связи возможно развертывание ситуации, при которой количество и качество рабочих мест не обязательно означает капитализацию труда, поскольку последняя зависит не только от темпов изменения количества стабильных и достойных рабочих мест, но и от того, насколько эффективно используются эти рабочие места. И наоборот, совершенствование конкурентных способностей к труду не всегда означает капитализацию труда, поскольку она зависит не только от конкурентного превосходства рабочей силы на рынке, но и от используемых материально-вещественных условий производства, возможностей рабочих мест, расстановки работников с ярко выраженными конкурентными преимуществами по рабочим местам.

4. Заключение. В современных условиях качество и эффективность наемного труда обусловлены его организационно-нормативной структурой, которая влияет на экономиче-

ский рост, устойчивость экономики, благосостояние человека труда. Это на фоне (де)глобализации и структурной перестройки российского бизнес-партнерства с необходимостью обуславливает проявление комплиментарных процессов конверсии труда и его деконверсии, причем в большей степени деконверсии, чем конверсии. Как следствие, капитализация труда неизбежно сопровождается в большей степени капитализацией рабочей силы, чем капитализацией рабочих мест.

Отсутствие комплексных исследований трансформации организационно-нормативной

структуры наемного труда, сложность и пространственное разнообразие институциональных преобразований наемного труда в России определяют необходимость углубления теории, методологии и совершенствования институционального обеспечения наемного труда. В этой связи следует признать, что исследования трансформации наемного труда, его организационно-нормативной структуры становится самостоятельной научной проблемой при разработке теоретических основ экономической политики государства, региона, организации.

Литература

1. *Пряхин А. Ю.* Проблемы наемных работников в условиях трансформации сферы труда и досуга // *Labour and leisure = Труд и досуг*: сб. тез. VIII Междунар. конф. 2019. – С. 88–89.
2. Address by Mr Guy Ryder, Director-General upon his re-election by the ILO Governing Body for a second five-year term starting in October 2017. – URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/statements-and-speeches/WCMS_534305/lang--en/index.htm.
3. *Валуйскова Е. Р.* Денежная культура современной семьи: социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Майкоп, 2013. – 22 с.
4. *Гасанов Э. А., Гасанова Н. В., Красота Т. Г.* Теоретические аспекты инновационной конверсии и критические технологии, оказывающие мультипликативное влияние на развитие экономики // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. – 2022. – № 2 (109). – С. 28–34.
5. *Колесов П. С.* Конверсия военной экономики: содержание, направления современного развития // *Гуманитарные исследования в военном вузе: материалы вуз. студ. науч.-практ. конф.* – Краснодар, 2021. – С. 56–61.
6. *Castel R.* Problematization: a way of Reading History // *J. Goldsthein (ed.). Foucault and the Writting of History today*. – Cambridge : Basil Blackwell, 1994.
7. *Boltanski L.* Les cadres, la formation d'un groupe social. – P. : Eds. De Minuit, 1982.
8. *Geremek B.* Les marginax parisiens aux XIV et XV siecles. – P. : Fiammarion, 1976.
9. *Rieff P.* The Triumph of Therapeutic: The Uses of Faith after Freud. – N. Y. : Harper and Row, 1968.
10. *Бочаров В. Ю.* Проблематизация социального государства Кастель Р. // *Журнал исследований социальной политики*. – 2011. – Т. 9, № 1. – С. 129–137.
11. *Легнерова К., Федорова А. Э.* Диверсификационный менеджмент: рекомендации по управлению разнородностью персонала // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2015. – № 2. – С. 90–96.
12. *Щербакова Л. И.* Социоструктурная динамика наемного труда в России // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2012. – № 2. – С. 234–239.
13. *Экономика и управление персоналом: энциклопедический словарь / под ред. С. И. Сотниковой*. – 2-е изд., перераб. и допол. – М. : ИЦ РИОР, 2016. – 468 с.
14. The future of work centenary initiative, Report I, International Labour Conference, 104th Session, Geneva, 2015 (Geneva). – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_369026.pdf.

References

1. *Pryakhin A.Yu.* Problemy naemnykh rabotnikov v usloviyakh transformatsii sfery truda i dosuga. *Labour and leisure = Trud i dosug*. Sbornik tezisev VIII Mezhdunarodnoi konferentsii, 2019, pp. 88-89.

2. Address by Mr Guy Ryder, Director-General upon his re-election by the ILO Governing Body for a second five-year term starting in October 2017, available at: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/statements-and-speeches/WCMS_534305/lang--en/index.htm.
3. Valuisikova E.R. Denezhnaya kul'tura sovremennoi sem'i: sotsiokul'turnyi analiz: avtoref. ... kand. sotsiol. nauk. Maikop, 2013. 22 p.
4. Gasanov E.A., Gasanova N.V., Krasota T.G. Teoreticheskie aspekty innovatsionnoi konversii i kriticheskie tekhnologii, okazyvayushchie mul'tiplikativnoe vliyanie na razvitie ekonomiki. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2022, No. 2 (109), pp. 28-34.
5. Kolesov P.S. Konversiya voennoi ekonomiki: sodержanie, napravleniya sovremennogo razvitiya. *Gumanitarnye issledovaniya v voennom vuze*. Materialy vuzovskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar, 2021, pp. 56-61.
6. Castel R. Problematization: a way of Reading History. J. Goldstein (Ed.). Foucault and the Writing of History today. Cambridge, Basil Blackwell, 1994.
7. Boltanski L. Les cadres, la formation d'un groupe social. P., Eds. De Minuit, 1982.
8. Geremek B. Les marginax parisiens aux XIV et XV siecles. P., Flammarion, 1976.
9. Rieff P. The Triumph of Therapeutic: The Uses of Faith after Freud. N. Y., Harper and Row, 1968.
10. Bocharov V.Yu. Problematizatsiya sotsial'nogo gosudarstva Kastel' R. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2011, Vol. 9, no. 1, pp. 129-137.
11. Legnerova K., Fedorova A.E. Diversifikatsionnyi menedzhment: rekomendatsii po upravleniyu raznorodnost'yu personala. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»*, 2015, No. 2, pp. 90-96.
12. Shcherbakova L.I. Cotsiostrukturnaya dinamika naemnogo truda v Hossii. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2012, No. 2, pp. 234-239.
13. *Ekonomika i upravlenie personalom: entsiklopedicheskii slovar' / pod red. S.I. Sotnikovoi*, 2-e izd., pererab. i dopol. Moscow, ITs RIOR, 2016. 468 p.
14. The future of work centenary initiative, Report I, International Labour Conference, 104th Session, Geneva, 2015 (Geneva), available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_369026.pdf.

Сведения об авторе

Сотникова Светлана Ивановна – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом
Адрес для корреспонденции: 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56
E mail: s.i.sotnikova@nsuem.ru
ORCID: 0000-0003-1723-9387
ResearcherID: G-2829-2013
ПИНЦ AuthorID: 628272

About the author

Svetlana I. Sotnikova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Labor Economy and Personnel Management
Postal address: 56, Kamenskaya ul., Novosibirsk, 630099, Russia
E mail: s.i.sotnikova@nsuem.ru
ORCID: 0000-0003-1723-9387
ResearcherID: G-2829-2013
RSCI AuthorID: 628272

Для цитирования

Сотникова С. И. Институциональные трансформации наемного труда: теоретико-методологические императивы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 40–47. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).40-47.

For citations

Sotnikova S.I. Institutional transformations of wage labor: theoretical and methodological imperatives. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 40-47. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).40-47. (in Russian).

УДК 331.108.4

JEL: I24, J44, M59

DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(3).48-58

УПРАВЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С.Ю. Патутина

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления

17 августа 2023 г.

Дата принятия в печать

15 сентября 2023 г.

Тип статьи

Обзорная статья

Ключевые слова

Научно-исследовательские компетенции, научно-исследовательская деятельность, вовлеченность, эффективность вовлечения в науку, управление вовлеченностью в науку

Аннотация. Рассматривается эффективность вовлеченности молодежи в научно-исследовательскую деятельность на разных уровнях (школа, профессиональное образование, аспирантура и докторантура). Результаты работы основываются на актуальных подходах, отраженных в публикациях авторов из реферативной базы eLIBRARY за 2018–2023 гг., к определению понятия эффективности вовлечения молодежи в научно-исследовательскую деятельность. На основании обобщения мнений составлена классификация показателей, которая легла в основу авторской модели управления эффективностью организации научно-исследовательской работы студентов и авторской типовой системы оценки эффективности вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу, которые можно адаптировать к любой организации.

EFFECTIVENESS OF YOUTH INVOLVEMENT IN RESEARCH ACTIVITIES

S.Yu. Patutina

Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received

August 17, 2023

Accepted

September 15, 2023

Type paper

Review

Keywords

Research competencies, research activities, involvement, effectiveness of involvement in science, management of involvement in science

Abstract. Research skills are important and relevant for management, because they allow to make informed decisions. The involvement of young people in science is very relevant in our country today and requires a set of activities with initiatives and projects of talented heroes in the field of research and development. The management of the process of organizing research activities begins with the support of the country's leadership, which, increasing the level of popularization of scientific activity, announced the next period 2022-2031, the decade of science and technology in Russia. Therefore, in his article, the author examines the effectiveness of youth involvement in research activities at different levels, starting from school, obtaining professional education, admission to postgraduate and doctoral studies. The results of the work are based on the relevant approaches reflected in the authors' publications published in the abstract database eLIBRARY for 2018-2023, to the definition of the concept of the effectiveness of youth involvement in research activities. Summarizing the opinions of scientists, the author compiled a classification of indicators, which formed the basis of the author's model of managing the effectiveness of the organization of research work of students and the author's standard system for evaluating the effectiveness of student involvement in research work, can be adapted to any organization (scientific, educational or industrial), correcting the proposed or adding their own criteria and assessments.

1. Введение. В современных условиях конкурентоспособность на рынке труда зависит от профессиональных и надпрофессиональных компетенций работников, в том числе и научно-исследовательских [1–5]. Совокупность навыков работников влияет на высокую эффективность предприятий и организаций [6; 7]. В требованиях работодателей к соискателям все чаще прослеживается потребность в высоком уровне развития исследовательских навыков и компетенций, которые находят свое отражение в профессиональных стандартах (<https://profstandart.rosmintrud.ru/>) [8; 9].

Для эффективного развития научно-исследовательских компетенций (НИК) сегодня в России существует целая система управления научно-исследовательской деятельностью (НИД) с правовым регулированием и нормативно-правовой базой [10], основными образовательными стандартами, научными и научно-производственными подразделениями в организациях и предприятиях регионов. Российский бизнес выработал свои правила и подходы управления научно-исследовательским потенциалом работников [11], а Правительство РФ осуществляет поддержку и инвестирует финансовые средства в науку [12].

Подготовка к будущей профессиональной деятельности происходит на разных уровнях образования. Еще в школе учащиеся погружаются в научно-исследовательскую работу (НИР), в высшем учебном заведении бакалавры и магистранты приобретают знания, навыки и опыт в НИД, участвуя в научных мероприятиях [13].

Вовлечению молодежи в НИД уделяют внимание большое количество российских и зарубежных авторов [14–17]. Так, например, авторы О.Е. Алпатова [18], С. Schoor и А. Schütz [19] пишут о важности формирования у молодежи позитивного понимания об имидже науки за счет пропаганды передового опыта. О.И. Ильина, К.Н. Ховард, Э.К. Стэптон, А.А. Нелмс говорят о необходимости вовлечения студентов в исследования и на кафедрах вузов, и за их пределами (в научных и производственных организациях) [14; 20]. Мы поддерживаем данные идеи, потому что тесное взаимодействие вузов с подобными площадками позволяет привлечь ведущих исследователей и связать программы обучения с интересами работодателей. Среди множества способов вовлечения в научную деятельность

Лапин П.М. перечисляет взаимодействие студентов с остепененными опытными преподавателями, причастность к проведению исследования для реального заказчика, выплата стипендий и участие в научных конкурсах [15]. Тем самым отмечая высокую роль преподавателей в развитии НИД и формировании исследовательской культуры студентов.

В своих предыдущих работах мы рассмотрели вопросы НИР молодежи с акцентом на этапность и ступени научной жизни при наличии сквозного и системного характера научно-исследовательской работы студентов (НИРС) [17, с. 221], а также на формирование мотивации к НИД и классификации мотивов с учетом работы: обязательной, внеаудиторной и по желанию [16, с. 122].

На наш взгляд, при формировании и развитии НИК в образовательной системе необходимо уделять внимание уровню и эффективности вовлеченности студентов в НИД. Изучив работы многих ученых, мы пришли к выводу, что оценить эффективность вовлеченности молодежи можно 3 способами.

Первый способ – социологический метод (опрос, анкетирование, интервью) встречается в работах авторов: И.П. Степановой, О.В. Атавиной и др. [22]; А.В. Пеши, М.Н. Шавровской и М.А. Николаевой [17]; Н.А. Сунцовой, И.И. Окуловой и О.Б. Ждановой [23]; Т.А. Хановой и А.В. Башировой [24]; И.В. Цветковой и Д.Н. Горбунковой [13] и др.

Второй способ – количественные показатели эффективности (количество публикаций и цитирований, грантов и их уровней, участия в научных мероприятиях), которые описывают авторы: Р.К. Ускенбаева, А.Н. Молдагулова и Р.Ж. Сатыбалдиева [4]; И.А. Данилов и Р.И. Егорова [10]; П.М. Лапин [15]; А.В. Пеша, М.Н. Шавровская и М.А. Николаева [17] и др.

Третий способ – качественные показатели эффективности взаимодействия студентов, вузов и работодателей в рамках мероприятий по созданию возможностей для развития научного потенциала молодежи, описаны группой авторов: А.В. Пеша, М.А. Николаева, Н.В. Шрамко, Т.А. Камарова [9]; Р.Р. Толстяков и В.П. Николашин [25]; Н.А. Иглина, Н.В. Василенкова, Т.В. Лунева и Е.А. Орлова [12].

Цель нашей работы – провести анализ существующих подходов к определению показателей оценки эффективности управления НИР

молодежи в вузах, выделяемых и аргументируемых различными авторами.

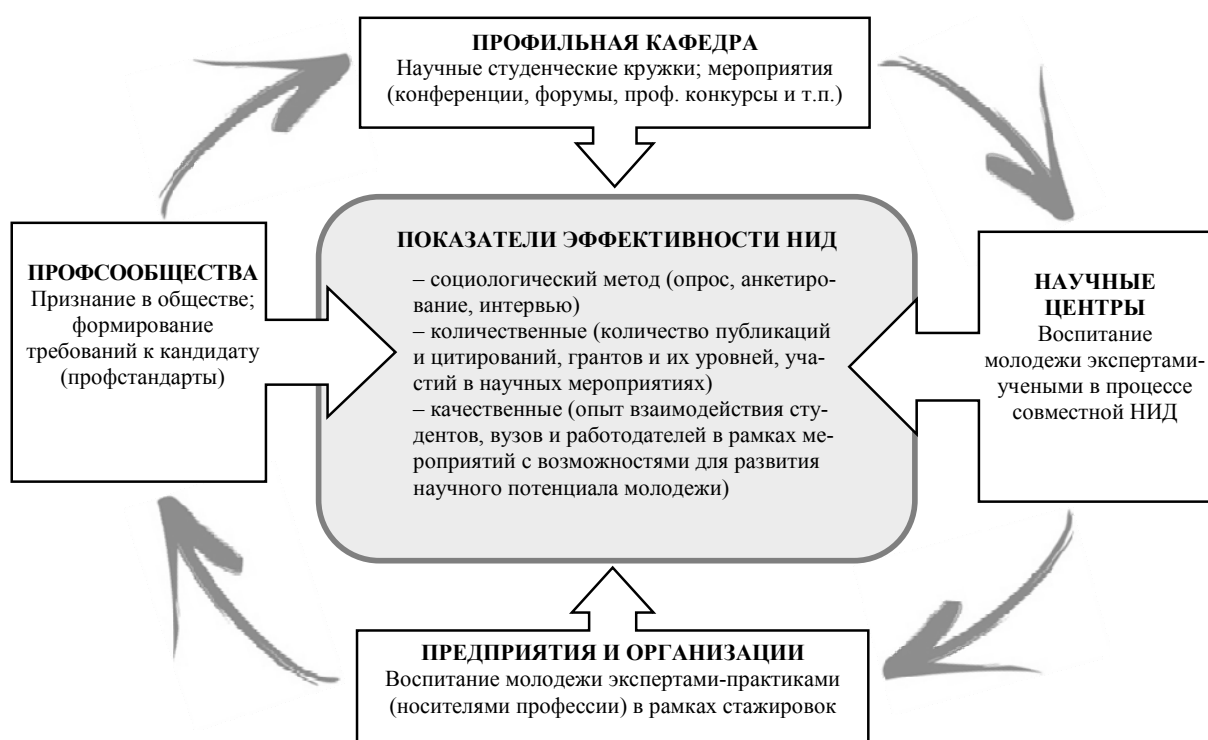
2. Методика проведения исследования.

Основным методом сбора данных в исследовании является системный анализ публикаций реферативной базы ELibrary (РИНЦ) за 2018–2023 гг. по теме управления вовлеченностью молодежи в НИД. Также нами были проанализированы требования профессиональных стандартов к развитию НИК и возможности функционирования системы электронного портфолио студентов как инструмента организации и контроля вовлечения студентов в НИР. Всего нами проанализирована 141 публикация с по-

исковым запросом «вовлечённость студентов в научную деятельность» и «эффективность вовлечения молодежи в науку», из которых в итоговый список литературы вошло 44.

3. Результаты исследования.

Процесс управления вовлеченностью молодежи в НИД имеет сложный механизм. В этом мы убедились, изучая бизнес-процессы НИД, результаты опросов молодежи, а также показатели НИД в вузах. По мнению автора, эффективность взаимодействия участников НИД благотворно влияют на процесс вовлечения молодежи в науку, что можно представить в виде рисунка.

Управление вовлеченностью молодежи в НИР при эффективном взаимодействии участников НИД

Managing the involvement of young people in research with effective interaction of research activities participants

Из рисунка видно, что эффективность НИД складывается из слаженной работы нескольких участников: предприятия с их ведущими экспертами-наставниками (практиками); научные центры с их экспертами-учеными и профильная кафедра. Высокая вовлеченность студента будет зависеть от уровня практиков и научных деятелей, тесной и системной связи кафедры с экспертами профессиональных сообществ и студентами, методических рекомендаций и инструкций по осуществлению НИД.

В своем исследовании М.Н. Степанова и Н.В. Кузнецова отмечают важную роль в фор-

мировании научной карьеры студента играет профильная кафедра с информационно-методическим сопровождением, обеспечением непрерывного наставничества, высокой научной активностью преподавателей и реализацией совместной НИР студента и преподавателя [26].

Мы согласны с мнением авторов и считаем, что на управление эффективностью вовлечения молодежи в НИД влияет грамотная организация НИРС на кафедре (при поддержке профсообществ, научных центров и предприятий с организациями), которая включает в себя:

1. Процессы и четкое описание алгоритма действий студента по участию в НИРС с учетом курса и уровня обучения, начиная от поиска идеи до оформления патента, а также своевременное доведение информации о научных мероприятиях.

2. Ресурсы. Наличие научной лаборатории при кафедре, оснащения рабочих мест компьютерами и оргтехникой, инструментами (интернет и социальные сети), финансовой поддержки (гранты, хозяйственный договор и т. п.), а также базы контактов (работодателей, экспертов науки, научной молодежи).

3. Программа НИРС и ее формирование кафедрой на учебный год, в которой важно предусмотреть тематики научных студенче-

ских кружков, руководителя кружка из числа студентов, наставника кружка из числа преподавателей и наставников в области науки и практики.

4. Научно-исследовательские площадки – поле с информационными, техническими, человеческими ресурсами. Предоставление мест практики и стажировки для студента или преподавателя является неоценимым вкладом в науку при поддержке и тесном взаимодействии представителей профсообществ, научных центров и предприятий с организациями.

По каждому из данных элементов организации НИД мы разработали систему возможных критериев оценки, представленных в таблице.

Типовая система критериев оценки эффективности вовлечения молодежи в НИР

A typical system of criteria for evaluating the effectiveness of youth involvement in research

<i>Элементы организации НИД</i>	<i>Критерии</i>	<i>Возможные показатели эффективности</i>
Процессы	Разработка и соблюдение алгоритма действий	<p>1. На уровне вуза:</p> <ul style="list-style-type: none"> – утверждение Положения о НИРС; – описание процессов и форм участия студентов в НИРС; – формирование шкалы баллов для назначения стипендий студентам в науку и при оценке работы кафедры по НИРС в соответствие эффективному контракту. <p>2. На уровне кафедры:</p> <ul style="list-style-type: none"> – разработка четкого алгоритма действий студента по участию в НИРС с учетом направления обучения (управление персоналом), курса (1, 2, 3, 4) и уровня (колледж / бакалавриат / специалитет / магистратура / аспирантура), начиная от поиска идеи до оформления патента; – организация обучения по алгоритму НИД и шкале баллов студентам всех курсов 1 раз в год с трансляцией научного опыта студентов и выпускников. <p>3. Контроль выполнения шкалы баллов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – студентами (кандидаты в стипендиаты); – кафедрами (отчет о НИРС); – вузом (отчет о деятельности научного подразделения, института и кафедры)
	Своевременное доведение информации	<p>1. Систематизация информации о научных мероприятиях для студентов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – получение информации о мероприятии и внесение его источника в базу данных вуза и кафедры; – классификация научных мероприятий по профильным направлениям. <p>2. Информация о возможностях участия в НИД доводится до студентов разных курсов в течение 3 дней с момента поступления:</p> <ul style="list-style-type: none"> – обработка анонсов мероприятий и размещение их на сайтах вуза (в том числе научного отдела и научно-студенческой организации) и кафедры (в том числе партнеров и работодателей), а также в социальных сетях вуза и кафедры; – ведение и актуализация «научного календаря» со сроками и анонсами мероприятий [27]; – рассылка анонсов мероприятий по базам вуза и кафедры

Продолжение табл.
The continuation of Table

Элементы организации НИД	Критерии	Возможные показатели эффективности
Ресурсы	Оснащение	1. Помещения кафедр оборудованы столами, стульями, компьютерами и оргтехникой с выходом в Интернет и кафедральными собраниями книг. 2. Наличие при кафедре отдельных помещений (научных лабораторий) для ведения НИР с компьютерами и оргтехникой (предназначенных только для ведения НИР), зоной для обсуждения и генерации идей
	Инструменты	Наличие инструментов для проведения исследований: 1. Системное взаимодействие с библиотеками города, предприятий и организаций, научных лабораторий и кафедр. 2. Использование Интернета и социальных сетей [28] для посещения научных электронных библиотек, коллекций книг и журналов, баз данных различных отраслей. 3. База с презентациями моделей и программ, сборниками бизнес-кейсов для успешной реализации профильной и научной деятельности за счет мастер-классов и тренингов, программ практики и стажировки. 4. Пакет программного обеспечения для обработки и анализа исследовательских данных (R, SPSS и др.)
	Поддержка	Оказание исследованиям любой поддержки: 1. Преподавателей – научных наставников и менторов. 2. Финансовой (гранты, хозяйственный договор, патенты и т. п.). 3. Партнерской и информационной со стороны работодателей и партнеров (совместное участие в исследованиях, предоставление площадки для исследований, практики и стажировки). 4. Семейной со стороны родных и близких, так как семейное благополучие помогает повысить уровень социализации и дисциплинированности [29, с. 62]
	База контактов	Налаживание контактов с: 1. Вузами и научными организациями. 2. Научными студенческими обществами других университетов [27]. 3. Работодателями и научной молодежью
Программа НИРС	Формирование кафедральной программы НИРС на учебный год	Ежегодное формирование кафедральной программы НИРС, где важно предусмотреть: 1. Актуальные и интересные формы научных мероприятий в рамках профиля обучения. 2. Тематики научных школ / кружков / проектов по направлениям исследований с учетом интересов студентов, преподавателей и работодателей. 3. Руководителя школы / кружка / проекта из числа студентов. 4. Наставника школы / кружка / проекта из числа преподавателей. 5. Наставника школы / кружка / проекта из области науки и практики.
	Внедрение инновационных форм организации научных мероприятий	1. Экскурсии с целью знакомства со сферой деятельности и будущей профессией, и повышения академической мобильности между вузами, на предприятия других регионов с переездом и сменой места проживания. 2. Научный стендап – свои проекты молодежь презентует в оригинальном и интересном формате. В течение ограниченного времени должны быть раскрыты проблема, цель, задачи и гипотеза исследовательского проекта, а также кратко и креативно переданы результаты эмпирического исследования и решения упомянутой проблемы [30, с. 26].

Окончание табл.
The end of Table

Элементы организации НИД	Критерии	Возможные показатели эффективности
		3. Ярмарки, кубки, челленджи и марафоны – публичные научные мероприятия развлекательного характера. 4. Онлайн мероприятия с целью оптимизации времени, пространства и финансов на участие
	Популяризация научной деятельности	Повышение вовлеченности молодежи за счет популяризации НИД среди студентов: 1. Участие в исследовании и подготовка научных проектов и статей совместно с преподавателем. 2. Система научного наставничества позволяет опытным студентам продвигать результаты НИД, начинающим – развить идеи своих будущих научных исследований. 3. Научные школы / кружки / проекты помогают сформировать не только научно-исследовательские способности, но и лидерские, коммуникативные, организаторские, проектные и т. п. 4. Привлечение к участию в научных мероприятиях позволяет молодежи обмениваться опытом по организации научной работы и научной среды [27]
Научно-исследовательские площадки	Ведение базы потенциальных площадок	1. Формирование и актуализация базы с потенциальными площадками (название организации, ФИО и контакты ответственного лица, профиль деятельности и предложения). 2. Новые знакомства и их регулярная поддержка с представителями власти, бизнеса, образования и студенческой молодежи посредством посещения научных мероприятий вуза, региона, страны, мира
	Поддержка и тесное взаимодействие с представителями профсообществ, научных центров, вузов и предприятий с организациями	1. Организация совместных научных мероприятий ведет к: 2. Повышению востребованности и спроса на результаты НИД у бизнеса (хоз. договор, совместная научная статья, организация научных мероприятий). 3. Увеличению обеспечения студентов или преподавателей местами практики и стажировки с различными ресурсами. 4. Росту академической мобильности между вузами, на предприятия других регионов с возможностью переезда и смены места проживания

По данным таблицы можно сделать вывод, что предложенные разными учеными, дополненные и сгруппированные нами элементы организации НИД с их ключевыми критериями и показателями, помогут в практике управления вовлеченностью молодежи в НИР на любом этапе. При этом, типовые критерии и показатели можно адаптировать по реалии своей организации (производственной или непроизводственной, образовательной или научной).

4. Обсуждение результатов. Система показателей строилась исходя из опыта авторов данной статьи и мнений различных ученых. Развитие научно-исследовательского потенциала реализуется благодаря активному участию молодежи в НИД, эффективность мероприятий которой можно определить по уров-

ню организации площадок и уровню вовлеченности в них студентов [31].

Изучая мотивацию к участию в НИР у молодежи, мы видим зависимость от ключевой роли преподавателя («харизматичного» научного руководителя [32]) и подготовки совместных научных публикаций, информационного и материального обеспечения НИД, материального и нематериального поощрений, доступной организации научной работы на кафедрах [33]. Оснащенные современным оборудованием научные лаборатории и взаимодействие с научными центрами для обмена передовым опытом повышают и вовлеченность в НИД, и успеваемость студентов [34, 35]. Однозначно, активное и результативное участие в мероприятиях науки формирует широкий спектр про-

фессиональных компетенций, а умение самостоятельно ставить и решать задачи в НИР повышает востребованность молодежи на рынке труда [32].

Детальная оценка эффективности вовлечения молодежи в НИД позволяет получить представление о текущем состоянии системы или процесса организации НИРС; определить, что мешает успешной совместной работе или затрудняет взаимодействию участников НИД (см.рис.1); разработать решения по оптимизации управления вовлеченностью молодежи в НИД.

5. Основные результаты. В результате настоящего исследования мы пришли к выводу, что провести оценку эффективности вовлечения молодежи в НИР можно тремя способами; разработали авторскую модель эффективной организации НИРС за счет слаженной работы нескольких участников при грамотной организации НИРС на профильной кафедре;

предложили авторскую типовую систему оценки эффективности вовлечения студентов в НИР.

И модель, и система оценки эффективности вовлечения молодежи в НИР могут быть адаптированы под управление НИД любой организации (научной, образовательной или производственной).

Сегодня важно вузам обеспечить запросы рынка труда исходя из интересов и задач бизнеса, которые в процессе управления персоналом уделяют внимание подбору сотрудников с высоким уровнем НИК. Поэтому в планах дальнейших исследований предполагается разработка системы показателей эффективности вовлечения студентов в НИР, связанных с производственными показателями деятельности выпускников вузов для обоснования значимости усиления внимания в высшем образовании к развитию НИК и вовлечения студентов в науку во время обучения.

Литература

1. Карашева А. Г., Карсакова Г. А., Насипов А. Ж. Довузовская подготовка: цели, задачи, принципы // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 3 (33). – С. 117–123.
2. Нагорная А. Г. Воспитательное пространство вуза как инструмент профессионального становления будущего выпускника // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 1 (41). – С. 334–345.
3. Delventhal R., Steinhauer J. (2020). On the basis of a bachelor's course research paper on the study of neurodegeneration in *Drosophila melanogaster*, students are taught to think, communicate and act like scientists. PLoS ONE 15 (4): e0230912. – DOI: 10.1371/journal.pone.0230912.
4. Oliver Kh., Keeton C., Chalkley R., Bowman E. (2021). Vanderbilt Virtual Summer Science Academy highlighted the opportunity to influence the professional knowledge of the first STEM students through storytelling. PLoS ONE 16 (11): e0258660. – 2021. – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258660>.
5. Scheifele L. Z., Tsotakos N., Wolyniak M. J. (2021) Preprints of articles as a tool for teaching data analysis and scientific communication. PLoS ONE 16 (12): e0261622. – DOI: 10.1371/journal.pone.0261622.
6. Артеменко С. И., Булавко О. А. Проблемы и перспективы развития бенчмаркинга в цифровой экономике // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 1 (54). – С. 71–75. – DOI: 10.25683/VOLBI.2021.54.156.
7. Рубан О. В. Совершенствование ключевых компетенций коммерческой деятельности, формирующих инновационный потенциал персонала торговой организации // Управление устойчивым развитием. – 2020. – № 2 (27). – С. 38–42.
8. Камарова Т. А. Необходимые компетенции студентов и выпускников вузов для успешного трудоустройства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – № 4 (47). – С. 25–35. – DOI: 10.18323/2221-5689-2021-4-25-35.
9. Пеша А. В., Шавровская М. Н., Николаева М. А. [и др.] Технология формирования над-профессиональных компетенций студентов в условиях неопределенности будущего мира профессий. – Казань : ООО «Бук», 2022. – 240 с.
10. Путило Н. В., Шуплецова Ю. И. Правовое регулирование научной деятельности в Российской Федерации: общие тенденции через призму частных проблем // Управление наукой: теория и практика. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 96–109. – DOI: 10.19181/sntp.2019.1.1.3.

11. *Позолотина Е. И.* Методика формирования модели компетенций для крупного предприятия // *Управленец*. – 2018. – Т. 9, № 6. – С. 68–77. – DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-7.
12. *Иглина Н. А., Василенкова Н. В., Лулева Т. В., Орлова Е. А.* Управление научно-инновационной деятельностью в системе высшего образования России // *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. – 2019. – № 4. – С. 68–76. – DOI: 10.24143/2073-5537-2019-4-68-76.
13. *Цветкова И. В., Горбункова Д. Н.* Эффективность научно-исследовательской деятельности студентов в контексте реформирования высшего образования // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2016. – № 6 (июнь).
14. *Ильина О. И.* Вариативные формы организации научно-исследовательской деятельности студентов // *Человек и образование*. – 2018. – № 1 (54). – С. 135–140.
15. *Латин П. М.* Способы вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу в вузе // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. – 2020. – № 1 (4). – С. 319–325.
16. *Патутина С. Ю.* Формирование мотивации к научно-исследовательской деятельности у студентов вузов // *Кадровик*. – 2021. – № 12. – С. 117–124.
17. *Алпатова О. Е.* Вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность // *Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: материалы XIII науч.-метод. конф. с междунар. участием (Ярославль, 22–23 марта 2018 г.)*. – Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2018. – С. 225–226.
18. *Пеша А. В., Шавровская М. Н., Николаева М. А.* [и др.] Развитие и оценка надпрофессиональных компетенций студентов университетов: теоретико-методологические основы. – Казань : ООО «Бук», 2020. – 248 с.
19. *Schoor C, Schütz A* (2021). Ассоциации «Наука-полезность» и «Наука-доверие» и их отношение к знаниям о том, как работает наука. *PLoS ONE* 16(12): e0260586. DOI: 10.1371/journal.pone.0260586.
20. *Ховардью К. Н., Стэплтон Э. К., Нелмс А. А., Райан К. С., Сегура-Тоттен М.* (2021). Взгляд на мотивацию и проблемы студентов-биологов при чтении и анализе первичной литературы. *PLoS ONE* 16(5): e0251275. – DOI: 10.1371/journal.pone.0251275.
21. *Пеша А. В.* Факторы построения и развития академической карьеры: системный теоретический анализ // *Высшее образование в России*. – 2023. – Т. 32, № 7. – С. 9–34. – DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-9-34.
22. *Степанова И. П., Атавина О. В., Мугак В. В.* [и др.]. Пути повышения качества естественно-научной подготовки в медицинском вузе на основе анализа самоорганизации студентов // *Современные проблемы науки и образования*. – 2020. – № 1. – С. 20. – DOI: 10.17513/spno.29515.
23. *Сунцова Н. А., Окулова И. И., Жданова О. Б.* [и др.]. Студенческие научные конференции как метод познавательной деятельности студентов // *Научный Балтийский гуманитарный журнал*. – 2021. – Т. 10, № 3 (36). – С. 91–96. – DOI: 10.26140/bgj3-2021-1003-0021oe обозрение.
24. *Ханов Т. А., Баширов А. В.* Научно-исследовательская работа студентов в вузе: причины снижения активности // *Современные наукоемкие технологии*. – 2021. – № 6-1. – С. 209–214. – DOI: 10.17513/snt.38724.
25. *Толстяков Р. Р., Николашин В. П.* Оценка эффективности научной деятельности молодых ученых Тамбовского региона как фактор становления экономики знаний // *Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского*. – 2018. – № 1 (67). – С. 96–102. – DOI: 10.17277/вопросы.2018.01.стр.096-102.
26. *Степанова М. Н., Кузнецова Н. В.* Роль кафедры в вовлечении обучающихся в научно-исследовательскую деятельность.
27. *Громова М. В., Райхлина А. В., Яманова М. В.* Направления развития научных студенческих обществ вузов в современных условиях (на примере НСО Ярославского филиала Финиунверситета) // *Бизнес. Образование. Право*. – 2023. – № 1 (62). – С. 413–418. – DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.569.
28. *Лабзина И. А.* Перспективы вовлеченности современной студенческой молодежи в научно-исследовательскую деятельность (на материалах Тульской области) // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2018. – Т. 10, № 6-1. – С. 158–165. – DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-158-165.

29. Филиппов А. А. Внутренние и внешние факторы эффективности института образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 4 (64). – С. 58–67. – DOI: 10.21685/2072-3016-2022-4-5.
30. Васильева Е. Е. Роль научного стендапа в исследовательской деятельности учащейся молодежи // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 4 (41). – С. 23–27. – DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-23-27.
31. Охотина А. С., Белоногова Л. Н. Вовлечение студентов педагогического вуза в научно-исследовательскую деятельность: оценка уровня эффективности // Поволжский педагогический поиск. – 2021. – № 4 (38). – С. 59–67. – DOI: 10.33065/2307-1052-2021-4-38-59-67.
32. Савинова О. В. Апробация экспертного семинара по теме «Вовлеченность студентов в научно-исследовательскую работу во время обучения» // Инженерное образование. – 2021. – № 29. – С. 34–44. – DOI: 10.54835/18102883_2021_29_3.
33. Боровкова М. Г., Краснов М. В., Николаева Л. А., Григорьева М. Н. Отношение студентов медицинских специальностей к научно-исследовательской деятельности // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 4. – С. 2. – DOI: 10.17513/spno.31851.
34. Маклакова И. Ю., Гребнев Д. Ю., Попугайло М. В. [и др.] Анализ деятельности студенческого научного общества на кафедре патологической физиологии за период с 2016 по 2018 гг. // Вестник УГМУ. – 2019. – № 2. – С. 21–23.
35. Ярусова С. Б., Иваненко Н. В. Участие студентов в научно-исследовательской деятельности по разработке природоохранных технологий: практика вуза // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 20–30. – DOI: 10.24866/BVCY/2073-3984/2022-2/020-030.

References

1. Karasheva A.G., Nasipov A.Zh. Pre-university training: goals, objectives, principles. *Prospects of science and education*, 2018, No. 3 (33), pp. 117-123.
2. Nagornaya A.G. Educational space of the university as a tool of professional formation of the future graduate. *Proceedings of the Smolensk State University*, 2018, No. 1 (41), pp. 334-345.
3. Delventhal R., Steinhauer J. (2020), On the basis of a bachelor's course research paper on the study of neurodegeneration in *Drosophila melanogaster*, students are taught to think, communicate and act like scientists. *PLoS ONE* 15(4): e0230912. DOI: 10.1371/journal.pone.0230912.
4. Oliver K.H., Keeton C., Chalkley R., Bowman E. (2021), Vanderbilt Virtual Summer Science Academy highlighted the opportunity to influence the professional knowledge of the first STEM students through storytelling. *PLoS ONE* 16(11): e0258660. DOI: 10.1371/journal.pone.0258660.
5. Scheifele L.Z., Tsotakos N., Wolyniak M.J. (2021), Preprints of articles as a tool for teaching data analysis and scientific communication. *PLoS ONE* 16(12): e0261622. DOI: 10.1371/journal.pone.0261622.
6. Artemenko S.I., Bulavko O.A. Problems and prospects of benchmarking development in the digital economy. *Business. Education. The right*, 2021, No. 1 (54), pp. 71-75. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.54.156.
7. Ruban O.V. Improving the key competencies of commercial activities that form the innovative potential of the staff of a trade organization. *Management of sustainable development*, 2020, No. 2 (27), pp. 38-42.
8. Kamarova T.A. Necessary competencies of students and graduates of universities for successful employment. *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, 2021, No. 4 (47), pp. 25-35. DOI: 10.18323/2221-5689-2021-4-25-35.
9. Pesha A.V., Shavrovskaya M.N., Nikolaeva M.A. [et al.] Technology of formation of students' supra-professional competencies in the conditions of uncertainty of the future world of professions. Kazan, Limited Liability Company "Buk", 2022. 240 p.
10. Putilo N.V., Shupletsova Yu.I. Legal regulation of scientific activity in the Russian Federation: general trends through the prism of particular problems. *Management of science: theory and practice*, 2019, Vol. 1, no. 1, pp. 96-109. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.1.3.
11. Pozolotina E.I. Methodology of forming a competence model for a large enterprise. *Manager*, 2018, Vol. 9, no. 6, pp. 68-77. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-7.

12. Iglina N.A., Vasilenkova N.V., Luneva T.V., Orlova E.A. Management of scientific and innovative activity in the higher education system of Russia. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 2019, No. 4, pp. 68-76. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-4-68-76.
13. Tsvetkova I.V., Gorbunkova D.N. Effectiveness of students' research activities in the context of higher education reform. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 2016, No. 6 (June), p. 1.
14. Ilyina O.I. Variable forms of organization of research activities of students. *Man and education*, 2018, No. 1 (54), pp. 135-140.
15. Lapin P.M. Ways of involving students in research work at the university. *Social and humanitarian sciences: theory and practice*, 2020, No. 1 (4), pp. 319-325.
16. Patutina S.Yu. Formation of motivation for research activities among university students. *Kadrovik*, 2021, No. 12, pp. 117-124.
17. Alpatova O.E. Involvement of students in research activities // Actual problems of improving higher education: Materials of the XIII Scientific and Methodological Conference with international participation, Yaroslavl, March 22-23, 2018. Yaroslavl, P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2018, pp. 225-226.
18. Pesha A.V., Shavrovskaya M.N., Nikolaeva M.A. [et al.] Development and evaluation of supra-professional competencies of university students: theoretical and methodological foundations. Kazan, Limited Liability Company "Buk", 2020. 248 p.
19. Schoor C., Schütz A. (2021), Associations "Science-Utility" and "Science-Trust" and their relationship to knowledge about how science works. *PLoS ONE* 16(12): e0260586. DOI: 10.1371/journal.pone.0260586.
20. Howard K.N., Stapleton E.K., Nelms A.A., Ryan K.S., Segura-Totten M. (2021), A look at the motivation and problems of biology students in reading and analyzing primary literature. *PLoS ONE* 16(5): e0251275. DOI: 10.1371/journal.pone.0251275.
21. Pesha A.V. Factors of building and developing an academic career: a systematic theoretical analysis. *Higher education in Russia*, 2023, Vol. 32, no. 7, pp. 9-34. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-9-34.
22. Stepanova I.P., Atavina O.V., Mugak V.V. [et al.]. Ways to improve the quality of natural science training at a medical university based on the analysis of students' self-organization. *Modern problems of science and education*, 2020, No. 1, p. 20. DOI: 10.17513/spno.29515.
23. Suntsova N.A., Okulova I.I., Zhdanova O.B. [et al.]. Student scientific conferences as a method of cognitive activity of students. *Scientific Baltic Humanitarian Journal*, 2021, Vol. 10, no. 3 (36), pp. 91-96. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0021.
24. Khanov T.A., Bashirov A.V. Research work of students at the university: the reasons for the decrease in activity. *Modern high-tech technologies*, 2021, No. 6-1, pp. 209-214. DOI: 10.17513/snt.38724.
25. Tolstyakov R.R., Nikolashin V.P. Evaluation of the effectiveness of scientific activity of young scientists of the Tambov region as a factor in the formation of the knowledge economy. *Issues of modern science and practice*. V.I. Vernadsky University, 2018, No. 1 (67), pp. 96-102. DOI: 10.17277/questions.2018.01.pages096-102.
26. Stepanova M.N., Kuznetsova N.V. The role of the department in involving students in research activities.
27. Gromova M.V., Raikhlin A.V., Yamanova M.V. Directions of development of scientific student societies of universities in modern conditions (on the example of the NSOs of the Yaroslavl branch of the Financial University). *Business. Education. The right*, 2023, No. 1 (62), pp. 413-418. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.569.
28. Labzina I.A. Prospects for the involvement of modern student youth in research activities (based on the materials of the Tula region). *Historical and socio-educational thought*, 2018, Vol. 10, no. 6-1, pp. 158-165. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-158-165.
29. Filippov A.A. Internal and external factors of the effectiveness of the Institute of Education. News of higher educational institutions. *Volga region. Social sciences*, 2022, No. 4 (64), pp. 58-67. DOI: 10.21685/2072-3016-2022-4-5.

30. Vasilyeva E.E. The role of scientific stand-up in the research activities of students. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2019, No. 4 (41), pp. 23-27. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-4-23-27.

31. Okhotina A.S., Belonogova L.N. Involvement of pedagogical university students in research activities: assessment of the level of effectiveness. *Volga Pedagogical search*, 2021, No. 4 (38), pp. 59-67. DOI: 10.33065/2307-1052-2021-4-38-59-67.

32. Savinova O.V. Approbation of an expert seminar on the topic "Involvement of students in research work during training". *Engineering education*, 2021, No. 29, pp. 34-44. DOI: 10.54835/18102883_2021_29_3.

33. Borovkova M.G., Krasnov M.V., Nikolaeva L.A., Grigorieva M.N. The attitude of students of medical specialties to research activities. *Modern problems of science and education*, 2022, No. 4, p. 2. DOI: 10.17513/spno.31851.

34. Maklakova I.Yu., Grebnev D.Yu., Popugailo M.V. [et al.]. Analysis of the activity of the student scientific society at the Department of Pathological Physiology for the period from 2016 to 2018. *Bulletin of UGMU*, 2019, No. 2, pp. 21-23.

35. Yarusova S.B., Ivanenko N.V. Participation of students in research activities on the development of environmental technologies: university practice. The territory of new opportunities. *Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 2022, Vol. 14, no. 2, pp. 20-30. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/020-030.

Сведения об авторе

Патутина Светлана Юрьевна – старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной воли, 62/45

E-mail: psu99@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5881-0159

РИНЦ AuthorID: 148833

About the author

Svetlana Yu. Patutina – senior lecturer of the Department of Labor Economics and Personnel Management

Postal address: 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: psu99@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5881-0159

RSCI AuthorID: 148833

Для цитирования

Патутина С. Ю. Управление эффективностью вовлечения молодежи в научно-исследовательскую деятельность // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 48–58. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).48-58.

For citations

Patutina S.Yu. Effectiveness of youth involvement in research activities. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 48-58. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).48-58. (in Russian).

УДК 378.4
JEL: A22
DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(3).59-68

ИССЛЕДОВАНИЕ СФОРМИРОВАННОСТИ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПЕРВОГО ГОДА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Н.В. Сербина, М.В. Чудиновских

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
27 июля 2023 г.

Дата принятия в печать
15 сентября 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Надпрофессиональные компетенции, soft skills, студенты, экономика, лидерство, тестирование, анализ

Аннотация. Статья посвящена оценке сформированности надпрофессиональных компетенций студентов экономических специальностей первого года обучения в высшем учебном заведении. Исследование проведено на базе Уральского государственного экономического университета на платформе АНО «Россия – страна возможностей». В тестировании приняли участие 554 первокурсника в возрасте от 17 лет до 23 лет, проживающих в г. Екатеринбурге и Свердловской области. Результаты переведены в трехуровневую шкалу – начальный, средний и высокий уровни проявленности компетенций. Результаты исследования показали, что наиболее развитыми компетенциями у первокурсников оказались «клиентоориентированность», «партнерство» и «эмоциональный интеллект». Самыми проблемными компетенциями с начальным уровнем проявленности, оказались «лидерство», «анализ информации» и «пассивный словарный запас». Результаты тестирования сопоставлены с запросами работодателей, а также ФГОС ВО по направлению «Экономика». По результатам проведенного исследования сформированы рекомендации, направленные на совершенствование подготовки студентов по направлению «Экономика».

EXPLORING THE ACQUISITION OF SUPRA-PROFESSIONAL SKILLS AMONG FIRST-YEAR ECONOMICS STUDENTS AT UNIVERSITY

N.V. Serbina, M.V. Chudinovskikh

Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received
July 27, 2023

Accepted
September 15, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Supra-professional competencies, soft skills, students, economics, leadership, testing, analysis

Abstract. The article evaluates the formation of supra-professional competencies of first-year students of economic specialties at a higher educational institution. The study was conducted on the basis of the Ural State Economic University on the platform of the ANO "Russia is a country of opportunities". A total of 554 first-year students aged 17 to 23 years old, living in Yekaterinburg and the Sverdlovsk region, took part in the testing. The results are translated into a three-level scale - initial, intermediate and high levels of manifestation of competencies. The results of the study showed that the most developed competencies of the first-year students were "customer orientation", "partnership" and "emotional intelligence". The most problematic competencies with the initial level of manifestation were "leadership", "information analysis" and "passive vocabulary". The test results are compared with the requests of employers, as well as the Federal State Educational Standard in the direction of "Economics". Based on the results of the study, the authors have formed recommendations aimed at improving the training of students in the direction of "Economics".

1. Введение. Динамика трансформаций в экономике и социально-трудовых отношениях повышают уровень требований рынка труда к соискателям работы. Профессиональные навыки или *hard skills* уже не являются единственным определяющим критерием оценки сотрудника: на первый план выходят надпрофессиональные компетенции или *soft skills*. Исследования подтверждают, что именно надпрофессиональные компетенции помогают добиваться профессиональных целей: от них зависит до 85 % успеха в работе [1]. Надпрофессиональные компетенции в большинстве своем связаны с социально-психологическими качествами человека, личностными характеристиками. Их довольно трудно измерить, закладываются они в детстве и развиваются в течение всей жизни.

Современный компетентностный подход в образовании, ориентированный на свободное развитие, самостоятельность и творческую инициативу, направлен сделать старшеклассников более социально-адаптированными, развивая навыки принятия самостоятельных решений и предприимчивость. Актуальность исследования заключается в необходимости оценки успешности данного подхода на уровне школьного образования и определения наиболее «проседающих» компетенций у старшеклассников для расстановки правильных акцентов в выстраивании их дальнейшей образовательной траектории в вузе.

Цель исследования – моделирование профиля надпрофессиональных компетенций выпускников школ – студентов первого года обучения вуза экономического профиля.

Задачи:

– провести тестирование студентов первого года обучения – вчерашних выпускников школ на степень проявленности у них ряда надпрофессиональных компетенций;

– проанализировать полученные результаты и сравнить их с требованиями рынка труда;

– с учетом выявленной проблематики предложить рекомендации по совершенствованию образовательной траектории студентов первокурсников, обучающихся в вузе по экономическим специальностям.

2. Степень разработанности темы. Среди первых публикаций, посвященных вопросам надпрофессиональных компетенций, необходимо отметить работы В.В. Дудукалова [2], Н.А. Антроповой [3], Ш. Каххарова [4]. За последние десять лет количество исследований

по данному вопросу неуклонно растет. Надпрофессиональные компетенции составляют основу «профессиональной успешности выпускника» [5], реализации «карьерного потенциала» [6]. Надпрофессиональные компетенции являются условием формирования «профессиональной зрелости» [7]. Надпрофессиональные компетенции относят к компетенциям будущего [8]. Следует отметить, что вопрос формирования надпрофессиональных компетенций актуален не только для высшего образования, но также для сферы дополнительного образования [9], СПО и профессионалитета [10].

Дискуссионным остается вопрос о соотношении понятия «надпрофессиональные компетенции» и понятия *soft skills* [11]. Данное исследование не направлено на формирование доктринальных понятий, поэтому надпрофессиональные компетенции рассматриваются как научные синонимы к понятиям *soft skills*, а также «мягким» или «гибким» навыкам. Требования к сформированности компетенций студентов, обучающихся по направлению «Экономика», определены во ФГОС ВО (Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. № 954 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 "Экономика"»).

Надпрофессиональные компетенции рассматриваются в рамках концепции, предложенной А.А. Пеша как «широкий набор навыков и моделей поведения, особенностей межличностных отношений и качеств личности, которые позволяют человеку быстро ориентироваться и адаптироваться к задачам и вызовам окружающей среды, налаживать отношения и устанавливать контакты, показывать высокую эффективность труда и достигать поставленных целей и задач» [12]. Как отмечает А.В. Пеша, «Ключевая разница в изучении надпрофессиональных компетенций, от существующих подходов к изучению нетехнических компетенций заключается в том, что модели надпрофессиональных компетенций будут отличаться не только в зависимости от уровня должности, занимаемой сотрудником, но и от сферы деятельности» [13]. Надпрофессиональные компетенции экономистов имеют свои особенности и отличаются, к примеру, от компетенций, которые формируются при подготовке юри-

стов, педагогов или инженеров. При анализе научной литературы выявлено, что наиболее изученным является вопрос об оценке сформированности надпрофессиональных компетенций педагогов. Вопросам исследования надпрофессиональных компетенций студентов, обучающихся по экономическим специальностям посвящено сравнительно небольшое количество публикаций. Основное внимание в этих публикациях уделяется не столько методологическим вопросам оценки, а процессам формирования необходимых навыков [14; 15]. На основании проведенного библиографического анализа можно сделать вывод о том, что исследование сформированности надпрофессиональных компетенций студентов первого года обучения вуза экономических специальностей обладает элементами научной новизны.

3. Гипотеза. Формирование профиля надпрофессиональных компетенций первокурсников выявит степень развития их надпрофессиональных компетенций, обретенных за время обучения в школе и позволит уже на старте обучения в вузе скорректировать образовательную траекторию, уделив особое внимание зонам личностного роста. Подобный подход позволит максимально эффективно подготовить будущих молодых специалистов к выходу на рынок труда, повысит их конкурентоспособность среди прочих соискателей работы, а также придаст уверенности в своих силах.

4. Методика. Исследование проводилось эмпирическим методом на базе Центра компетенций Уральского государственного экономического университета, города Екатеринбурга.

В октябре 2022 г. был запущен проект тестирования студентов 1-го курса на платформе автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей», созданной в 2018 г. по инициативе Президента России Владимира Путина. Это открытое информационное пространство для обучения и обмена опытом широкой целевой аудитории объединяет более 120 вузов и более 500 среднепрофессиональных образовательных организаций по всей Российской Федерации.

Одной из ключевых задач проекта по тестированию было формирование индивидуальных компетентностных профилей первокурсников и разработка персональных рекомендаций по формированию образовательных треков на время обучения в Уральском государственном экономическом университете. В тестировании приняли участие 554 первокурсника в возрасте от 17 лет до 23 лет, проживающие в городе Екатеринбурга и Свердловской области. Суммарное время прохождения тестирования составило 3 ч 30 мин.

В структуре теста содержалось десять базовых инструментов диагностики когнитивных способностей и личностного потенциала: пять базовых (рис. 1) и пять дополнительных (см. рис. 2). База методологии – «конструктор компетенций», оценка производилась по индикаторам, использовалась шкала т-баллов, где 200 – минимальный, 500 – средний, а 800 – теоретически максимальный т-балл. Результаты переводились в трехуровневую шкалу – начальный, средний и высокий уровни проявления компетенций.

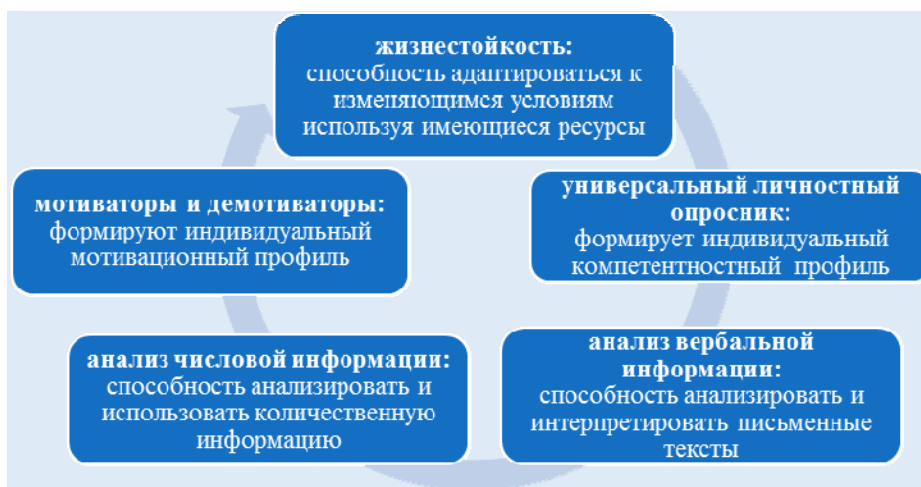

Рис. 1. Базовые инструменты диагностики
(сост. на основе материалов платформы АНО «Россия страна возможностей»)

Fig. 1. Basic diagnostic tools

Рис. 2. Дополнительные инструменты диагностики
(сост. на основе материалов платформы АНО «Россия страна возможностей»)

Fig. 2. Additional diagnostic tools

Ряд затруднений при прохождении тестирования был связан с нестабильностью работы платформы и неудобным интерфейсом ее мобильной версии. После тестирования результаты в формате индивидуальных отчетов приходилось ожидать до 6 недель (вместо 1–2 дней, заявленных разработчиками). В целом, тестирование прошло успешно и большинство респондентов прошли оценку и по всем базовым

(428 чел.) и по всем дополнительным (390 чел.) компетенциям.

При интерпретации результатов тестирования было учтено некоторое расхождение в составе компетенций, предусмотренных ФГОС ВО по направлению «Экономика» и методологического инструментария платформы АНО «Россия – страна возможностей». Данные сравнительного анализа наборов компетенций представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика наборов компетенций

Table 1. Comparative characteristics of sets of competencies

Платформа «Россия – страна возможностей»	ФГОС ВО «Экономика»
1. Саморазвитие	1. Системное и критическое мышление
2. Планирование и организация	2. Разработка и реализация проектов
3. Ориентация на результат	3. Командная работа и лидерство
4. Коммуникативность	4. Коммуникация
5. Анализ информации	5. Межкультурное взаимодействие
6. Эмоциональный интеллект	6. Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)
7. Следование правилам	7. Безопасность жизнедеятельности
8. Стрессоустойчивость	8. Инклюзивная компетентность
9. Партнерство / сотрудничество	9. Экономическая культура, в том числе финансовая грамотность
10. Пассивный словарный запас	10. Гражданская позиция
11. Лидерство	
12. Клиентоориентированность	

Примечание. Сост. по материалам платформы АНО «Россия страна возможностей» и Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования направления «Экономика».

Представленные данные показывают, что ряд компетенций действительно имеет общие черты. ФГОС ВО формулирует универсальные

компетенции более точно применительно к области профессиональной деятельности «Экономика». Однако во ФГОС некоторые компе-

тенции сформированы избыточно, что определяется не столько запросами рынка труда, сколько общими законодательными требованиями (например, в части формирования инклюзивной компетентности).

5. Полученные результаты. Оценка по общему уровню проявленности компетенций.

Чуть менее половины респондентов продемонстрировали средний уровень проявленности компетенций, остальные равномерно распределились по крайним значениям низкого и высокого уровней. Соотношение количества участников по уровням проявленности компетенций представлено на рис. 3.

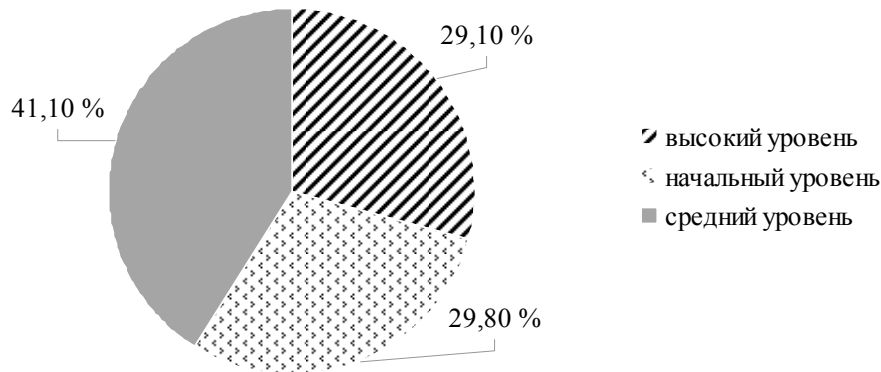

Рис. 3. Соотношение количества участников по уровням проявленности компетенций (сост. по данным центра компетенций УрГЭУ, Екатеринбург, 2023)

Fig. 3. Ratio of the number of participants by levels of competency manifestation

Наиболее развитой компетенцией у первокурсников оказалась «клиентоориентированность»: у 45 % респондентов зафиксирован высокий уровень ее проявленности (190 чел.). Второе место разделили компетенции «партнерство» и «эмоциональный интеллект» – по 23,8 % респондентов (112 чел). Самыми про-

blemными компетенциями с начальным уровнем проявленности оказались: «лидерство» (41 % – 177 чел), «анализ информации» и «пассивный словарный запас» (по 24 % – 106 и 97 чел). Сводные результаты представлены на рис. 4.

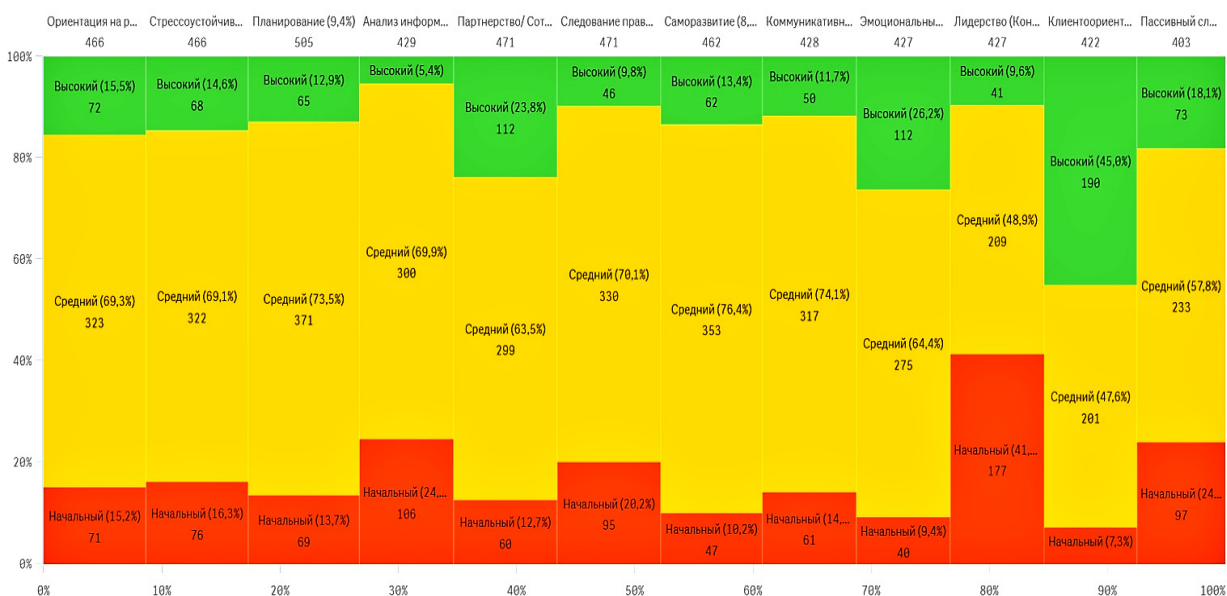

Рис. 4. Процент всех участников по уровням проявленности компетенций (сост. по результатам тестирования в Центре компетенций УрГЭУ, Екатеринбург, 2023)

Fig. 4. Percentage of all participants by level of competency manifestation

В ведущей возрастной группе 18–19 лет, помимо вышеуказанных, на начальном уровне проявленности оказались такие компетенции как «следование правилам» (22 % – 59 чел.) и «анализ информации» (28 % – 56 чел.); а в число развитых компетенций с высоким уровнем проявленности добавился «эмоциональный интеллект» (46 % – 53 чел.). Сопоставляя представленные данные с требованиями ФГОС ВО по направлению «Экономика», важно акцентировать внимание на том, что аналитические способности крайне важны для этой предметной сферы. Их формированию способствует большинство предметов профессионального цикла. Представляется перспективным проведение дальнейших замеров по мере освоения студентами экономических специальностей профильных дисциплин.

По гендерному признаку компетенции ранжируются следующим образом. У девушек

наиболее развиты «клиентоориентированность» (51,3% – 39 чел.), «партнерство» (29,9 % – 26 чел.) и «эмоциональный интеллект» (28,0 % – 21 чел.), слабо развиты – «лидерство» (37 % – 29 чел.), «следование правилам» (21,8 % – 19 чел.) и «пассивный словарный запас» (20 % – 18 чел.).

У юношей высокий уровень проявленности по компетенциям – «клиентоориентированность» (40,4 % – 59 чел.), «партнерство» (21,4 % – 36 чел.) и «стрессоустойчивость» (21,6 % – 36 чел.), низкий уровень по «лидерству» (42 % – 63 чел.), «пассивному словарному запасу» (34 % – 49 чел.), «анализу информации» (28 % – 44 чел.).

Сводный рейтинг проявленности компетенций на среднем уровне с учетом гендерного разделения представлен в табл. 2.

Таблица 2. Ранжирование компетенций на среднем уровне проявленности

Table 2. Ranking of competencies at the average level of manifestation

	Проявленность компетенций на среднем уровне, %	
	Юноши	Девушки
Саморазвитие	73,7	85,4
Планирование и организация	69,4	72,0
Ориентация на результат	68,9	64,0
Коммуникативность	67,8	75,6
Анализ информации	66,0	75,0
Эмоциональный интеллект	63,9	61,3
Следование правилам	63,1	65,5
Стрессоустойчивость	62,3	65,1
Партнерство/сотрудничество	61,9	56,3
Пассивный словарный запас	49,0	53,0
Лидерство	48,0	50,0
Клиентоориентированность	46,6	39,5

Примечание. Сост. по результатам тестирования в Центре компетенций УрГЭУ, Екатеринбург, 2023

Рассматривая среднюю степень выраженности компетенций в лидеры рейтинга вышла компетенция «саморазвитие», что неудивительно в свете доминирующей концепции «непрерывного образования в течение всей жизни». Второе место заняли «планирование и организация» и «коммуникативность», а третье, соответственно, «ориентация на результат» и «анализ информации».

Для сравнения полученных результатов с требованиями рынка труда обратимся к исследованию,

проведенному в июне 2021 г. Департаментом оценки и методологии АНО «Россия – страна возможностей», которое было посвящено изучению требований, предъявляемых к молодым специалистам работодателями. К числу важных были отнесены компетенции «клиентоориентированность» и «ориентация на результат»: поскольку качественное удовлетворение потребностей клиента повышает прибыль и способствует росту компании (табл. 3).

Таблица 3. Ключевые компетенции по данным опросам работодателей [16]

Table 3. Key competencies according to employer surveys

<i>Компетенции</i>	<i>Востребованность работодателями, %</i>
Партнерство / сотрудничество	94
Ориентация на результат	94
Планирование и организация	92
Саморазвитие	92
Коммуникативная грамотность	91
Клиентоориентированность	89
Анализ информации и выработка решений	86

Интересно, что «лидерство» оказалась невостребованной компетенцией у работодателей: при отборе кандидатов на начальные позиции в компании лидерские качества молодых специалистов являются скорее недостатком, нежели преимуществом. Лидерские качества обретают большую важность на следующем этапе их карьерного пути, уже после того как они проявят и разовьют свои профессиональные навыки и будут претендовать на вхождение в кадровый резерв компании. На начальном этапе гораздо важнее для молодых специалистов умение коммуницировать и самоорганизация, другими словами компетенции «партнерство/сотрудничество», «ориентация на результат» и «планирование и организация». По нашему мнению, формирование лидерского потенциала представляет собой важную задачу, ее реализацию можно включить в подготовку по программам магистратуры либо для студентов выпускных курсов.

Еще один важный методологический аспект связан с сущностным делением компетенций на профессиональные и надпрофессиональные. Для студентов экономических специальностей компетенции, связанные с анализом и принятием решений, скорее следует относить к профессиональным. ФГОС ВО. В то же время и работодатели, и платформа АНО «Россия – страна возможностей» в числе ключевых компетенций выделяют клиентоориентированность, но во ФГОС ВО по направлению «Экономика» она не представлена. Исходя из этого можно сделать вывод о перспективности дальнейших методологических исследований о соотношении профессиональных и надпрофессиональных компетенций, коррекции стандартов подготовки студентов экономических специальностей с учетом запросов рынка труда и потребностей работодателей.

6. Заключение. Сравнительный анализ результатов проведенного тестирования студентов первого года обучения с требованиями рынка труда позволяет сделать вывод о наиболее проблемной компетенции бывших старшеклассников. Это компетенция «партнерство / сотрудничество». Особую ценность в глазах работодателя ей придает способность выступать эффективным инструментом, помогающим добиваться желаемых результатов и компании, и отдельным сотрудникам с их карьерными целями. Несформированность данной компетенции может быть основной причиной отсутствия желаемых изменений в компании или ухудшения социально-психологического климата в коллективе, так как командная работа предполагает взаимное доверие и раскрытие возможностей каждого члена команды.

Низкий уровень сформированности данной компетенции на уровне школьного образования может быть обусловлен как спецификой индивидуального подхода к оцениванию учащихся, так и с трудностями реализации проектной групповой деятельности в школе. В любом случае, развитие навыков сотрудничества становится актуальной задачей образования в высшей профессиональной школе.

С методологической точки зрения представляется необходимым проводить постоянный анализ и коррекцию набора надпрофессиональных компетенций студентов экономических специальностей. Так, интересной и важной представляется точка зрения Н.М. Кузнецовой, которая относит к компетенциям будущего креативность [17]. В Уральском государственном экономическом университете разработана образовательная программа «Креативный менеджмент». На примере данной программы можно констатировать, что компетенция (или их совокупность) могут формировать

профиль образовательной программы и обеспечивать ее востребованность и на рынке труда, и у абитуриентов.

В условиях цифровой экономики также возникает вопрос о формировании надпрофессиональных цифровых компетенций [18]. Более того, современные исследователи выделяют около 30 видов новых надпрофессиональных компетенций [19]. Среди многочисленных надпрофессиональных компетенций в образовательном процессе важно выделять порядка 10 основных, на которые будет ориентирован образовательный процесс.

Для совершенствования индивидуальных образовательных траекторий студентов первого года обучения рекомендуется:

– включить прохождение дополнительного обучения навыкам коммуникации, со-

трудничества и командной работы (вебинары и мастер-классы, образовательные программы и тренинги и т. п.);

– наращивать указанные компетенции в рамках учебной деятельности посредством организации групповой командной работы и участия студентов в развивающих формах взаимодействия в профессиональных сообществах;

– мотивировать студентов на участие во внеучебной социально-ориентированной деятельности.

Использование такого подхода позволит создать условия для формирования сбалансированного компетентностного профиля молодого специалиста, наделяя его владельца высоким уровнем конкуренции на рынке труда.

Литература

1. Загородний В. Д. Проблемы формирования надпрофессиональных навыков молодежью Иркутска и Иркутской области в контексте развития молодежной политики и сферы образования // Социология. – 2021. – № 3. – С. 79–94.
2. Дудукалов В. В. Надпрофессиональные компетенции выпускника вуза в новых стандартах высшего профессионального образования // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 6. – С. 24–25.
3. Антропова Н. А. Надпрофессиональные компетенции как фактор успеха в профессиональной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 3. – С. 157–158.
4. Каххаров Ш. Над-профессиональные компетенции и управление ими // Организационная психология. – 2014. – Т. 4, № 4. – С. 102–120.
5. Касьяник Е. Л. Надпрофессиональные компетенции личности как основа профессиональной успешности специалистов // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2022. – № 4 (48). – С. 69–77. – DOI: 10.54509/22203036_2022_4_69.
6. Мхеидзе Л. Р. Развитие надпрофессиональных компетенций как условие реализации карьерного потенциала молодых специалистов // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 3 (92). – С. 185–192. – DOI: 10.22394/1818-4049-2020-92-3-185-192.
7. Михайлова С. В. Надпрофессиональные компетенции как одно из условий формирования профессиональной зрелости // Педагогическое образование. – 2022. – Т. 3, № 9. – С. 46–48.
8. Михайлова С. В. Надпрофессиональные компетенции как компетенции специалиста будущего // Перспективы науки. – 2022. – № 2 (149). – С. 176–178.
9. Копытова С. М. Надпрофессиональные компетенции как условие профессионализма специалиста и их формирование в системе дополнительного образования взрослых // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2 (279). – С. 77–81.
10. Коновалов А. А., Лыжин А. И. Компетентностный портрет мастера 2.0 как основа развития кадрового потенциала Профессионалитета // Вестник Мининского университета. – 2022. – Т. 10, № 2 (39). – DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2-2.
11. Бабина Ю. В. Надпрофессиональные компетенции: операционализация понятия в контексте парадигмы современного образования // Профессиональное образование в современном мире. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 528–538. – DOI: 10.20913/2618-7515-2022-3-15.
12. Пеша А. В., Шавровская М. Н., Николаева М. А. [и др.] Развитие и оценка надпрофессиональных компетенций студентов университетов: теоретико-методологические основы / под общ. ред. А. В. Пеша. – Казань : Бук, 2020. – 248 с.

13. Пеша А. В., Евлова Е. В. Надпрофессиональные компетенции педагога XXI века // Педагогика и просвещение. – 2020. – № 3. – С. 29–46. – DOI: 10.7256/2454-0676.2020.3.33247.
14. Кольга В. В., Полежаева Г. Т. Повышение уровня профессиональной подготовки бакалавров-менеджеров посредством сочетания интерактивных учебных и внеучебных форм работы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2018. – № 1 (43). – С. 68–81.
15. Азарова С. П. Повышение компетенций бакалавров экономики с учетом требований рынка труда // Российское предпринимательство. – 2014. – № 22 (268). – С. 96–104.
16. Степанюшина Е. А., Суходоев А. К., Гужеля Д. Ю. Исследование профиля надпрофессиональных компетенций, востребованных ведущими работодателями при приеме на работу студентов и выпускников университетов и молодых специалистов. – М. : НИУ ВШЭ, 2022. – 32 с.
17. Кузнецова Н. М. Креативность как компетенция будущего // Общество в поисках баланса: материалы XII Международной социологической Грушинской конференции (Москва, 23–27 мая 2022 г.) / отв. ред. А. В. Кулешова. – М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2022. – С. 88–90.
18. Кротенко Т. Ю., Жернакова М. Б. Компетенции менеджера эпохи цифровой революции // Вестник университета. – 2019. – № 5. – С. 23–26. – DOI: 10.26425/1816-4277-2019-5-23-26.
19. Пеша А. В., Шавровская М. Н., Николаева М. А. Азбука надпрофессиональных компетенций. Фреймворк / под ред. А. В. Пеша. – Казань : Бук, 2022. – 92 с.

References

1. Zagorodnii V.D. Problemy formirovaniya nadprofessional'nykh navykov molodezh'yu Irkutskoi oblasti v kontekste razvitiya molodezhnoi politiki i sfery obrazovaniya. *Sociologiya*, 2021, No. 3, pp. 79-94.
2. Dudukalov B.B. Nadprofessional'nye kompetentsii vypusknika vuza v novykh standartakh vysshego professional'nogo obrazovaniya. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2008, No. 6, pp. 24-25.
3. Antropova N.A. Nadprofessional'nye kompetentsii kak faktor uspekha v professional'noi deyatelnosti. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2011, No. 3, pp. 157-158.
4. Kakhkharov Sh. Nad-professional'nye kompetentsii i upravlenie imi. *Organizacionnaya psikhologiya*, 2014, Vol. 4, no. 4, pp. 102-120.
5. Kas'yanik E.L. Nadprofessional'nye kompetentsii lichnosti kak osnova professional'noi uspekhnosti spetsialistov. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2022, No. 4 (48), pp. 69-77. DOI: 10.54509/22203036_2022_4_69.
6. Mheidze L.R. Razvitie nadprofessional'nykh kompetentsii kak uslovie realizatsii kar'ernogo potentsiala molodykh spetsialistov. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2020, No. 3 (92), pp. 185-192. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-92-3-185-192.
7. Mihailova S.V. Nadprofessional'nye kompetentsii kak odno iz uslovii formirovaniya professional'noi zrelosti. *Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2022, Vol. 3, no. 9, pp. 46-48.
8. Mihailova S.V. Nadprofessional'nye kompetentsii kak kompetentsii spetsialista budushchego. *Perspektivy nauki*, 2022, No. 2 (149), pp. 176-178.
9. Kopytova S.M. Nadprofessional'nye kompetentsii kak uslovie professionalizma spetsialista i ikh formirovanie v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya vzroslykh. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, No. 2 (279), pp. 77-81.
10. Konovalov A.A., Lyzhin A.I. Kompetentnostnyi portret mastera 2.0 kak osnova razvitiya kadrovogo potentsiala Professionaliteta. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2022, Vol. 10, no. 2 (39). DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2-2.
11. Babina Yu.V. Nadprofessional'nye kompetentsii: operatsionalizatsiya ponyatiya v kontekste paradigmy sovremennogo obrazovaniya. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, 2022, Vol. 12, no. 3, pp. 528-538. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-3-15.
12. Pesh A.V., Shavrovskaya M.N., Nikolaeva M.A. [i dr.]. Razvitie i otsenka nadprofessional'nykh kompetentsii studentov universitetov: teoretiko-metodologicheskie osnovy / pod obshch. red. A.V. Pesh A. Kazan', Buk, 2020. 248 p.

13. Pesh A.V., Evplova E.V. Nadprofessional'nye kompetentsii pedagoga XXI veka. *Pedagogika i prosveshchenie*, 2020, No. 3, pp. 29-46. DOI: 10.7256/2454-0676.2020.3.33247.

14. Kol'ga V.V., Polezhaeva G.T. Povyshenie urovnya professional'noi podgotovki bakalavrov-menedzherov posredstvom sochetaniya interaktivnykh uchebnykh i vneuchebnykh formraboty. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 2018, No. 1 (43), pp. 68-81.

15. Azarova S.P. Povyshenie kompetentsii bakalavrov ekonomiki s uchetom trebovaniy rynka truda. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2014, No. 22 (268), pp. 96-104.

16. Stepashkina E.A., Suhodoev A.K., Guzhelya D.Yu. Issledovanie profilya nadprofessional'nykh kompetentsii, vostrebovannykh vedushchimi rabotodatelyami pri prieme na rabotu studentov i vypusknikov universitetov i molodykh spetsialistov. Moscow, NIU VSHE, 2022. 32 p.

17. Kuznecova N.M. Kreativnost' kak kompetentsiya budushchego. Obshchestvo v poiskakh balansa: Materialy XII mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii, Moscow, 23-27 maya 2022 goda / otv. red. A.V. Kuleshova. Moscow, Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya, 2022, pp. 88-90.

18. Krotenko T.Yu., Zhernakova M.B. Kompetentsii menedzhera epokhi tsifrovoi revolyutsii. *Vestnik universiteta*, 2019, No. 5, pp. 23-26. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-5-23-26.

19. Pesh A.V., Shavrovskaya M.N., Nikolaeva M.A. Azbuka nadprofessional'nykh kompetentsii. Freimvork, pod red. A.V. Pesh. Kazan', Buk, 2022. 92 p.

Сведения об авторах

Сербина Наталия Витальевна – канд. искусствоведения, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: serbina_nv@usue.ru

SPIN-код РИНЦ: 7539-1080; AuthorID: 716345

Чудиновских Марина Вячеславовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом

Адрес для корреспонденции: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: chud-marina@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 7770-6453; AuthorID: 581890

Вклад авторов

Сербина Н.В. – планирование исследования, постановка целей и задач, методики исследования, представление и анализ результатов исследования.

Чудиновских М.В. – проведение библиографического анализа, анализ и представление результатов тестирования.

Для цитирования

Сербина Н. В., Чудиновских М. В. Исследование сформированности надпрофессиональных компетенций студентов экономических специальностей первого года обучения в вузе // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 59–68. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).59-68.

About the authors

Natalia V. Serbina – PhD in Art History, Associate Professor of the Department of Labor Economics and Human Resources Management

Postal address: 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: serbina_nv@usue.ru

RSCI SPIN-code: 7539-1080; AuthorID: 716345

Marina V. Chudinovskikh – PhD in Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Economics and Human Resources Management

Postal address: 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: chud-marina@mail.ru

RSCI SPIN-code: 7770-6453; AuthorID: 581890

Authors' contributions

Serbina N.V. – research planning, setting goals and objectives, research methods, presentation and analysis of research results.

Chudinovskikh M.V. – bibliographic analysis, analysis and presentation of test results.

For citations

Serbina N.V., Chudinovskikh M.V. Exploring the acquisition of supra-professional skills among first-year economics students at university. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 59-68. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).59-68. (in Russian).

УДК 331.104

JEL: M12

DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(3).69-77

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ ВНЕДРЕНИЯ HR-АНАЛИТИКИ В ПРАКТИКУ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПАНИИ: КЕЙС-СТАДИ

А.Э. Федорова, А.А. Хороших

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
3 августа 2023 г.

Дата принятия в печать
15 сентября 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Управление человеческими ресурсами, данные о людях, HR-аналитика, HR-метрики, дашборд

Аннотация. Представленное в статье исследование посвящено вопросам внедрения технологий HR-аналитики в практику российской телекоммуникационной компании, на примере которой рассматриваются проблемы разработки и встраивания в систему управления человеческими ресурсами методов и инструментов аналитики HR-данных. Научная новизна исследования заключается в авторском подходе к интерпретации и уточнению понятия HR-аналитики. Авторская трактовка исследуемого понятия предложена на основе обзора и обобщения научных и аналитических публикаций исследователей, посвященных общим и частным вопросам развития российской аналитики данных о людях. Практическая значимость исследования обусловлена результатами анализа эмпирических данных, полученных авторами в ходе экспертного интервью и анкетирования персонала исследуемой компании, а также разработкой отдельных элементов подсистемы HR-аналитики и алгоритмов их внедрения в организацию. На этапе экспертного интервьюирования, проведенного с руководителем отдела управления персоналом, авторами получена информация, необходимая для выявления существующих ограничений и потенциальных возможностей для построения процессов HR-аналитики в компании. Этап анкетирования сотрудников реализован в феврале 2023 г. с привлечением 57 специалистов разных структурных подразделений, которым было предложено ответить на 17 закрытых и открытых вопросов разработанной авторами по итогам интервью анкеты. Результаты опроса позволили сделать выводы о сильных и слабых сторонах кадровой работы в компании и определить направления первоочередной работы по разработке и внедрению методов и инструментов аналитики HR-данных в компании. Данное кейс-исследование вносит как теоретический, так и практический вклад в систему знаний о феномене HR-аналитики.

ASSESSMENT OF THE POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF HR ANALYTICS IMPLEMENTATION IN THE PERSONNEL MANAGEMENT OF A TELECOMMUNICATIONS COMPANY: CASE STUDY

A.E. Fedorova, A.A. Khoroshikh

Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received
August 3, 2023

Accepted
September 15, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Human resource management, people data, HR analytics, HR metrics, dashboard

Abstract. The article presents a study of the introduction of HR analytics technologies into the practice of a Russian telecommunications company, which examines the problems of developing and embedding HR data analytics methods and tools into the human resource management system. The scientific novelty of the research lies in the author's approach to the interpretation and refinement of the concept of HR analytics. The author's interpretation of HR analytics is proposed based on a review and generalization of scientific and analytical publications of researchers devoted to general and particular issues of the development of Russian human data analytics. The practical significance of the study is due to the results of the analysis of empirical data obtained by the authors during expert interviews and personnel questionnaires, as well as the development of individual elements of the HR analytics subsystem and algorithms for their implementation in the organization.

1. Введение. Статистические данные о количественном и качественном составе персонала, показателях движения кадров, эффективности использования человеческих ресурсов традиционно анализируются в системе управления персоналом организаций. При этом в большинстве российских компаний ограничиваются применением определенного набора показателей деятельности трудового коллектива за прошедший и плановый период, часто без учета тенденций в их динамике, причинно-следственных связей между результатами и факторами, оказывающими на них влияние, а также прогнозов развития. Несмотря на появление современных методов обработки и исследования информации в бизнесе, определивших современную архитектуру анализа данных, до настоящего времени отсутствует единое понимание понятия «HR-аналитика». Обобщение большого разнообразия подходов позволило авторам пред-

ложить собственную интерпретацию, рассматривающую HR-аналитику как систему информации о количественных и качественных характеристиках персонала компании, регулярно обновляемой и анализируемой с использованием специальных методов и инструментов, и позволяющей принимать эмпирически обоснованные управленческие решения, а также оценивать эффективность ранее принятых решений [1].

Многие российские компании традиционно хранят большое количество данных о сотрудниках (демографические характеристики, образование, квалификация, трудовой стаж), из которых можно извлечь максимальную пользу для перехода на более высокий уровень управления человеческими ресурсами организации на основе аналитики HR-данных. Тем не менее, уровень развития применяемых в разных организациях инструментов и методов HR-аналитики отражает эволюцию ее видов (рис.).

*Эволюция видов HR-аналитики (сост. на основе анализа [2])
Evolution of the HR analytics types (comp. based on the analysis of [2])*

Уровень развития подсистемы HR-аналитики также определяется наличием в компании совокупности ее элементов. Эксперты сегодня выделяют следующие уровни аналитики: 1) оперативный (фрагментарная отчетность, ситуационные решения, множество несвязанных данных, отсутствие системного анализа), 2) превентивный (сбор данных на регулярной основе, разработанный перечень HR-метрик, наличие профессиональных специалистов-аналитиков, использование сложных аналитических инструментов); 3) углубленный (стратегический анализ, бизнес-процессы и управ-

ление персоналом реализуются на основе аналитики данных, построение моделей, исследование параметров моделей для выявления тенденций и взаимосвязей) и 4) прогнозный (интегрированность в бизнес, разработка прогнозных моделей и сценариев, анализ рисков, планирование трудовых ресурсов на долгосрочную перспективу) [3].

Очевидно, что в настоящее время преобладает описательная аналитика данных о людях, инструментами которой являются отчеты, метрики и визуализация данных. Трудности внедрения HR-аналитики в практику россий-

ских компаний чаще всего связаны с человеческим фактором: ошибки и погрешности часто возникают вследствие неорганизованного сбора информации без учета аналитических методов, недостаточной подготовки исходных данных, нехватки знаний персонала в области анализа данных. Кроме того, HR-аналитика требует значительных инвестиций в программные продукты и обучение специалистов, не имеющие быстрой окупаемости.

Представленное в статье исследование нацелено на изучение современных подходов к встраиванию подсистемы HR-аналитики и данных о людях в систему управления человеческими ресурсами организации и выявление возможностей и ограничений внедрения методов и инструментов HR-аналитики в практику управления персоналом телекоммуникационной компании.

2. Обзор литературы. HR-аналитика, как относительно новое направление в сфере управления персоналом, достаточно широко обсуждается отечественными авторами в прикладных и научно-теоретических изданиях. Так, например, вопросы цифровизации HR-технологий и HR-аналитики, как одном из цифровых трендов в управлении человеческими ресурсами, рассматриваются в работах А.Р. Алудовой-Краус [4], О.П. Свиридовой [5], О.Л. Чулановой [2] и др. Функционал HR-аналитики и потенциальные возможности для бизнеса исследуют С.В. Алиева [6], Н.В. Зунина [7], Н.В. Ребрикова и О.А. Шальнова [8], А.И. Тихонов [9] и др. Перспективам и проблемам развития HR-аналитики посвящены труды В. Бузник и Л. Грабовской [10], С.В. Семеновой (в соавторстве) [11], Ю.Г. Маноловой [12], И.Е. Мартынишин [13] и др.

Несмотря на возрастающий интерес специалистов к технологиям HR-аналитики, продвижение в вопросах их внедрения в практику управления персоналом организаций происходит медленно, о чем говорят некоторые исследования [14]. На российском рынке лишь четверть (25 %) работодателей заявили, что у них есть глубокое понимание принципов HR-аналитики. Многие компании видят в HR-аналитике скорее перспективное направление развития, нежели уже готовый и работающий инструмент.

Среди причин недостаточного темпа развития применения HR-аналитики в российских компаниях эксперты обозначают следующие проблемы [15]:

– комплексные автоматизированные системы управления персоналом не используются или не имеют модулей, позволяющих анализировать большие данные. Существующие информационные системы управления персоналом часто не поддерживают прогностическую аналитику и стратегическое планирование человеческих ресурсов;

– системы хранения и анализа данных (независимые ERP-системы, информационные системы управления персоналом, системы управления компенсациями и льготами и т. д.) часто не связаны между собой, а некоторые из необходимых данных невозможно получить в организации;

– имеющиеся в организации данные не всегда отвечают необходимым требованиям (полнота, надежность, актуальность);

– недостаточный объем инвестиций в развитие HR-аналитики и принятия решений на основе больших данных;

– обучение HR-менеджеров аналитике с использованием технологий больших данных в организации недостаточно или отсутствует.

Становится очевидным, что, для повышения скорости и эффективности встраивания подсистемы HR-аналитики в систему управления человеческими ресурсами компании необходимо совершенствовать организационную и цифровую инфраструктуру, оптимизировать процессы управления людьми, развивать требуемые компетенции HR-специалистов, и использовать аналитику HR-данных для принятия управленческих решений.

3. Гипотезы и методы исследования. Одной из целей представленного кейс исследования является выявление возможностей и ограничений встраивания подсистемы HR-аналитики в систему управления человеческими ресурсами телекоммуникационной компании. Программа исследования включала следующие этапы:

1) анализ фактического состояния процесса управления персоналом компании на основе данных о людях методом экспертного интервью руководителя отдела персонала, которое было направлено на выяснение таких аспектов как: оценка степени понимания руководством терминологии HR-аналитика, уточнение степени актуальности внедрения аналитики HR-данных в компанию, идентификация параметров и показателей HR-аналитики, анализ сильных и слабых сторон, а также возмож-

ных рисков применения HR-аналитики в практике управления персоналом компании;

2) анализ ограничений и возможностей внедрения HR-аналитики с целью оптимизации процессов управления персоналом методом анкетирования сотрудников телекоммуникационной компании. Анкета содержит 17 закрытых и открытых вопросов, нацеленных на выявление степени осведомленности сотрудников о необходимых данных о персонале, оценку эффективности методов и инструментов HR-аналитики, определение слабых сторон и рисков в системе анализа данных о людях.

В ходе интервьюирования выяснилось, что руководство компании заинтересовано во внедрении HR-аналитики в систему управления человеческими ресурсами, поскольку видит возможности для развития бизнеса и улучшения итоговых показателей компании. Авторами определены HR-метрики, имеющих первостепенное значение для телекоммуникационной компании, определяемые руководством как параметры, с которых необходимо начать внедрение HR-аналитики: общая численность штата компании и отдельных структурных подразделений, демографические характеристики сотрудников (возраст, пол, уровень образования, стаж работы), текучесть персонала, в том числе во время испытательного срока, удовлетворенность сотрудника процессом адаптации. В дальнейшем перечень метрик должен быть расширен и включать: уровень благополучия сотрудника, показатели качества работы сотрудника, динамику изменений в заработной плате, причины увольнения и т. д.

Среди текущих ограничений для эффективного применения методов и инструментов HR-аналитики следует прежде всего назвать неумение работников пользоваться данными о людях (например, большинство руководителей компании не представляет, как интерпретировать коэффициент текучести персонала), поэтому обучение руководящего состава компании становится первостепенной задачей.

В целом, на основе интервьюирования можно выделить следующие возможности и ограничения внедрения HR-аналитики в компанию:

– возможности: руководство понимает, что такое HR-аналитика, какие изменения и способы внедрения необходимы. Важно отметить, что на данный момент в компании уже ведется работа по мониторингу данных по работающим и уволившимся: фамилия, имя, отчество;

отдел, локация; дата приема, дата увольнения; причины увольнения (по собственному желанию или по инициативе руководства);

– ограничения: неготовность руководящего состава компании принимать решения на основе данных о людях вследствие отсутствия необходимых знаний и компетенций, отсутствие системных данных прошлых периодов для сравнительного анализа и выявления тенденций. Упускается важная информация о персонале, делаются необоснованные выводы и плохо обдуманые кадровые решения.

На основе полученной в ходе интервьюирования информация авторам сформулировать следующие гипотезы:

– кейс исследование ограничений и возможностей применения методов и инструментов HR-аналитики на примере отдельной компании позволит выявить как частные, так и общие проблемы развития российской аналитики HR-данных и определить возможные решения для их преодоления;

– эффективность разработки и внедрения подсистемы HR-аналитики в систему управления человеческими ресурсами компании напрямую зависит от профессиональной и психологической готовности руководящего состава компании использовать данные о людях в процессе принятия кадровых решений.

4. Результаты исследования. В анкетировании персонала телекоммуникационной компании, проведенного авторами в феврале 2023 г., приняли участие специалисты разных структурных подразделений численностью 57 человек возрастных групп 18–24 года (35,1 %), 25–35 лет (40,3 %) и 36–45 лет (24,6 %), среди которых 35 мужчин (61,4 %) и 22 женщины (38,6 %).

Обработка результатов опроса сотрудников компании позволила выявить ряд следующих фактов. Так, например две трети опрошенных считают, что HR-аналитика позволит решить проблему высокой текучести персонала. Немногим менее половины респондентов указали на HR-аналитику как полезный инструмент для процессов профессионального развития работников, планирования численности, а также управления вовлеченностью и удовлетворенностью трудом. Меньше всего респонденты верят в возможности аналитики данных о людях решать вопросы здоровья и безопасности на рабочем месте, как и эффективности рекрутинга (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, для каких подсистем управления персоналом HR-аналитика наиболее полезна?», февраль 2023 г.

Table 1. Rating of respondents' answers to the question "In your opinion, which subsystems of HR management is HR analytics most useful for?", February 2023

Рейтинг	Подсистемы управления персоналом	Количество ответов	% от числа опрошенных
1	Управление текучестью персонала	37	64,9
2	Обучение и развитие персонала	26	45,6
2	Планирование численности персонала	26	45,6
3	Управление вовлеченностью и удовлетворенность	24	42,1
4	Организация и нормирование труда	13	22,8
5	Материальное стимулирование	11	19,3
6	Найм и увольнение	10	17,5
7	Стратегическое планирование трудовых ресурсов	7	12,3
8	Здоровье работников и безопасность труда	4	7,0
9	Оценка эффективности процесса рекрутинга	3	5,3

Следует отметить, что почти половина опрошенных (47,4 %) считают, что в компании данные по перечисленным в таблице подсистемам управления персоналом отсутствуют. Четверть респондентов (25,0 %) указали, что данные есть, но они требуют дополнения. Кроме того, треть опрошенных специалистов (63,0 %)

вообще не знакомы с тем, как именно в компании собираются и анализируются данные о сотрудниках. Больше половины респондентов (56,1 %) считают, что более эффективному сбору и анализу HR-данных в компании препятствует наличие устоявшихся практик, привычных и работающих алгоритмов (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг ответов респондентов на вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, препятствует более эффективному сбору и анализу HR-данных?», февраль 2023 г.

Table 2. Rating of respondents' answers to the question "What factors, in your opinion, prevent more effective collection and analysis of HR data?", February 2023

Рейтинг	Факторы снижения эффективности использования данных о людях	Количество ответов	% от числа опрошенных
1	Наличие устоявшихся практик, привычных и работающих алгоритмов	32	56,1
2	Отсутствие или нехватка необходимой информации	13	22,8
3	Нехватка навыка в области работы с данными	11	19,3
3	Длительный процесс сбора данных	11	19,3
4	Отсутствие поддержки руководства	8	14,0
5	Отсутствие удобного программного обеспечения для обработки и анализа данных	7	12,3
6	Отсутствие бюджета на HR-аналитику	6	10,5
6	Сложность процесса сбора данных	6	10,5
7	Отсутствие или недостаток интеграции ИТ-систем	5	8,8
8	Сложность интерпретации данных	1	1,8

Значительная доля опрошенных сотрудников (71,9 %) считают, что в штат компании необходимо вводить должность HR-аналитика, что говорит о готовности персонала к изменениям. Среди наиболее актуальных задач HR-аналитики респонденты назвали: выбор лучших HR-метрик (43,9 %), выявление факторов эффективной адаптации персонала (35,1 %), выявление факторов повышения вовлеченно-

сти работников (33,3 %) и оценка эффективности обучения (26,3 %). Причем, сотрудники хотели бы видеть информацию по показателям HR-аналитики на корпоративном портале (80,7 %).

Респондентам также было предложено оценить риски внедрения HR-аналитики в практику управления человеческими ресурсами компании (табл. 3).

Таблица 3. Рейтинг ответов респондентов на вопрос: «Какие риски внедрения HR-аналитики в практику управления человеческими ресурсами компании Вы видите?», февраль 2023 г.

Table 3. Rating of respondents' answers to the question "What risks do you see when implementing HR analytics into the company's human resource management practice?", February 2023

Рейтинг	Факторы снижения эффективности использования данных о людях	Количество ответов	% от числа опрошенных
1	Недостаточная компетентность HR-аналитика	38	66,7
2	Сложности с доступом и предоставлением информации для участников трудовых отношений	19	33,3
3	Сложность сбора информации (отсутствие необходимых ресурсов)	12	21,1
4	Недостоверность информации	6	10,5
4	Субъективность принятия решений	6	10,5
5	Несоблюдение требований законодательства о защите персональных данных участниками	1	1,8
5	Угрозы для конфиденциальности данных сотрудников (кибератаки)	1	1,8

В целом, результаты анкетирования специалистов структурных подразделений позволяют идентифицировать возможности и ограничения встраивания подсистемы HR-аналитики в систему управления человеческими ресурсами телекоммуникационной компании. В качестве возможностей следует отметить понимание работниками своевременности и необходимости применения методов и инструментов HR-аналитики, а также их готовность к соответствующим изменениям. Указанные сотрудниками риски позволяют определить фокус необходимых управленческих решений для их нейтрализации. Основным ограничением здесь является низкая осведомленность опрошенных работников о методах, инструментах и процессах управления персоналом на основе данных о людях, что также может быть преодолено с помощью целенаправленного обучения.

5. Заключение. Практическая значимость проведенного эмпирического исследования заключается в определении ключевых направлений деятельности по разработке подсистемы HR-аналитики и встраиванию ее в систему управления человеческими ресурсами исследуемой компании. На первом этапе, с учетом организационных целей и возможностей, разработан алгоритм внедрения подсистемы HR-аналитики, включающий следующие блоки:

- идентификация проблем, задач управления человеческими ресурсами;
- определение перечня необходимых HR-метрик;
- сбор данных по определенным проблемам, задачам;
- обработка и анализ собранных данных;
- подготовка отчетности, визуализация данных;

– организация мониторинга данных, оптимизация процесса аналитики данных (при необходимости).

На этапе внедрения также необходимо решить ряд вопросов. Прежде всего, следует обеспечить единообразие, точность, согласованность и полноту данных, а также предоставить стандартный доступ к данным, осуществить автоматизацию сбора, обработки и анализа данных с функцией выявления их несоответствия. С этой целью создается программа управления данными, которая определяет, кто несет ответственность за различные составляющие HR-данных и принятие решений.

Следующий этап предполагает организацию деятельности по сбору информации по HR-метрикам и разработку дашбордов. В связи с тем, что в исследуемой компании отсутствуют системные данные о людях, принято решение о создании дашборда «Общие характеристики персонала». Построение любого дашборда начинается со сбора данных, первоначально формирующих таблицы плоского вида, на основе которых строятся сводные таблицы для дашборда. Для указанного дашборда собрана информация по таким показателям, как общая численность сотрудников, численность сотрудников по отделам, стаж, возраст, пол и образование. Сводная таблица по каждому показателю используется в дальнейшем для визуализации HR-данных. Для «оживления» дашборда в сводные таблицы вставлен срез (графический элемент в виде кнопки для представления интерактивного фильтра таблиц и диаграмм), позволяющий перестраивать дашборд в зависимости от выбранного фильтра (например, структурное подразделение).

Как отмечалось выше, в исследуемой компании имеет место проблемы высокой текучести персонала, поэтому необходимость дашборда «Причины увольнений сотрудников» не вызывает сомнений. Информационные блоки этого дашборда включают: численность уволившихся, численность уволившихся в период

адаптации, причина увольнения, стаж работы. Предварительно внедряется анкета для увольняющихся. Исследование показало, что больше половины сотрудников увольняются в адаптационный период, следовательно, необходим дашборд «Адаптация персонала» (табл. 4).

Таблица 4. Информационные блоки дашборда «Адаптация персонала» (пример)

Table 4. Information blocks of the dashboard "Personnel adaptation" (example)

<i>HR-метрики</i>	<i>Описание</i>
Продолжительность адаптационного периода	Определенный период
Наличие наставника	Наличие или отсутствие наставника
Сложности адаптационного периода	Перечень трудностей, с которыми столкнулся работник
Обучение в учебном центре	Численность сотрудников, прошедших обучение в учебном центре
Осведомленность о программе адаптации	Численность сотрудников, ознакомившихся с программой адаптации
Частота встреч с руководителем	Количество встреч с руководителем в период адаптации
Факторы эффективности процесса адаптации	Перечень факторов, способствующих эффективной адаптации сотрудника

Апробация дашборда «Адаптация персонала» позволила выявить ряд проблем: обучение в учебном центре проходили только сотрудники отдела поддержки пользователей; у сотрудников, имевших наставника, продолжительность адаптации была меньше, чем у сотрудников без наставников; больше половины сотрудников в качестве основной сложности назвали отсутствие достаточной информации о компании; почти половина сотрудников ни разу не встречалась с руководителем отдела в период адаптации. Становится очевидной необходимость разработки программы наставничества.

Дальнейшие шаги по встраиванию подсистемы HR-аналитики в систему управления человеческими ресурсами телекоммуникационной компании связаны с расширением перечня HR-метрик в следующих областях:

- рекрутинг: стоимость найма, время закрытия вакансий, источники притока кандидатов;
- экономическая эффективность управления персоналом: соответствие средней зарплаты среднерыночному уровню; объем и частота сверхурочной работы; выполнение бюджета;

- обучение: количество обученных и расходы на обучение, количество получивших повышение работников, затраты на аттестацию, доля прошедших оценку сотрудников;

- вовлеченность и удовлетворенность: уровень удовлетворенности трудом, индекс лояльности, факторы повышения вовлеченности сотрудников, факторы повышения удовлетворенности трудом.

Таким образом, представленное кейс исследование, позволяет обобщить опыт российской компании и разработать лучшие практики управления человеческими ресурсами. Уже первые результаты апробации разработанных авторами практических решений подтверждают выдвинутые гипотезы. HR-аналитика может не только дать значительные выгоды, такие как увеличение производительности и снижение затрат на управление персоналом, но и способствовать развитию культуры инноваций в организации, повысить психологическую и профессиональную готовность работников к изменениям.

Литература

1. Хороших А. А., Федорова А. Э. HR-аналитика как ключевой тренд управления человеческими ресурсами // *Еромен. Global*. – 2023. – № S34. – С. 440–449.
2. Чуланова О. Л. Классификация данных и показателей для HR-аналитики // *Материалы Афанасьевских чтений*. – 2020. – № 2 (31). – С. 26–35.
3. Леонова Л. И. Управление человеческими ресурсами и HR аналитика // *Международная молодежная конференция по HR-аналитике (Москва, 24–25 апреля 2019 г.)*. Т. 1. – М. : ИНФРА-М, 2020. – С. 61–76.

4. Алудова-Краус А. Р. HR-аналитика и её значение в сфере управления персоналом // Меридиан. – 2019. – С. 249–252.
5. Свиридова О. П., Чуланова О. Л. Программа реализации HR-аналитики как цифрового тренда // Материалы Афанасьевских чтений. – 2020. – № 3 (32). – С. 34–41.
6. Алиева Г. И., Семина В. Д. Автоматизация работы HR-специалиста // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2022. – № 4. – С. 140–146.
7. Зунина Н. В. HR аналитика: как превращать данные в бизнес-решения // Человек. Социум. Общество. – 2021. – № 1. – С. 51–56.
8. Ребрикова Н. В., Шальнова О. А. HR-аналитика как инструмент оптимизации процессов управления персоналом компании // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 5. – С. 769–782.
9. Тихонов А. И. Основные задачи российских компаний, решаемые с помощью HR-аналитики // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 2 (28). – С. 262–266.
10. Бузник В., Грабовская Л. HR-аналитика как один из трендов в управлении персоналом // Материалы международной научно-практической конференции. Московский авиационный институт. – М., 2021. – С. 196–198.
11. Семенова С. В., Ворошилова И. С., Вукович Г. Г., Никитина А. В. Экономика устойчивого развития // Экономика. – 2021. – № 4. – С. 234–239.
12. Манолова Ю. Г. HR-аналитика для управления персоналом в будущем // ВУЗ и реальный бизнес. – 2020. – Т. 1. – С. 139–145.
13. Мартынишин И. Е. HR-аналитика как один из трендов в управлении персоналом // Экономика труда и управление персоналом. – 2021. – С. 196–198.
14. Озерникова Т. Г., Борисова А. А., Наганетян К. В. Некоторые тенденции трансформации HR-процессов в условиях удаленной работы // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 1(50). – С. 145–159.
15. Мугаева Е. В. Цифровая трансформация технологий управления человеческими ресурсами // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 51. – С. 200–204.

References

1. Horoshikh A.A., Fedorova A. Je. HR-analitika kak klyuchevoi trend upravleniya chelovecheskimi resursami [HR analytics as a key trend in human resource management]. *Epomen. Global*, 2023, No. S34, pp. 440-449.
2. Chulanova O.L. Klassifikatsiya dannykh i pokazatelei dlya HR-analitiki [Data and metrics classification for HR analytics]. *Materialy Afanas'evskikh chtenii*, 2020, No. 2 (31), pp. 26-35.
3. Leonova L.I. Upravlenie chelovecheskimi resursami i HR analitika [Human resource management and HR analytics]. *Mezhdunarodnaya molodezhnaya konferentsiya po HR-analitike (Moskva, 24-25 aprelya 2019 goda)*. Vol. 1. Moscow, INFRA-M, 2020, pp. 61-76.
4. Aludova-Kraus A.R. HR-analitika i eyo znachenie v sfere upravleniya personalom [HR analytics and its importance in the field of personnel management]. *Meridian*, 2019, pp. 249-252
5. Sviridova O.P., Chulanova O.L. Programma realizatsii HR-analitiki kak tsifrovogo trenda [Implementation program for HR analytics as a digital trend]. *Materialy Afanas'evskikh chtenii*, 2020, No. 3 (32), pp. 34-41.
6. Alieva G.I., Semina V.D. Avtomatizatsiya raboty HR-specialista [Automation of HR-specialist work]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2022, No. 4, pp. 140-146.
7. Zunina N.V. HR analitika: kak prevrashchat' dannye v biznes-resheniya [HR analytics: how to turn data into business decisions]. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*, 2021, No. 1, pp. 51-56.
8. Rebrikova N.V., Shalnova O.A. HR-analitika kak instrument optimizatsii protsessov upravleniya personalom kompanii [HR analytics as a tool for optimizing the company's personnel management processes]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2021, No. 5 (130), pp. 769-782.
9. Tikhonov A. I. Osnovnye zadachi rossiiskikh kompanii, reshaemye s pomoshch'yu HR-analitiki [The main tasks of Russian companies solved using HR analytics]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2020, No. 28 (2), pp. 262-266.

10. Buznik V., Grabovskaya L. HR-analitika kak odin iz trendov v upravlenii personalom [HR analytics as one of the trends in personnel management]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskovskii aviatsionnyi institut. Moscow, 2021, pp. 196-198.*
11. Semenova S.V., Voroshilova I.S., Vukovich G.G., Nikitina A.V. Ekonomika ustoichivogo razvitiya [Economics of sustainable development]. *Ekonomika*, 2021, No. 4 (48), pp. 234-239.
12. Manolova Ju.G. HR-analitika dlya upravleniya personalom v budushchem [HR analytics for future HR management]. *VUZ i real'nyi biznes*, 2020, Vol. 1, pp. 139-145.
13. Martynishin I.E. HR-analitika kak odin iz trendov v upravlenii personalom [HR analytics as one of the trends in personnel management]. *Ekonomika Truda I upravlenie personalom*, 2021, pp. 196-198.
14. Ozernikova T.G., Borisova A.A., Nagapetyan K.V. Nekotorye tendentsii transformatsii HR-protsessov v usloviyakh udalenoj raboty [Some trends in the transformation of HR processes in the context of remote work]. *Social'no-trudovye issledovaniya*, 2023, No. 1 (50), pp. 145-159.
15. Mugaeva E.V. Tsifrovaya transformatsiya tekhnologii upravleniya chelovecheskimi resursami [Digital transformation of human resource management technologies]. *Vestnik Akademii znaniy*, 2022, No. 51, pp. 200-204.

Сведения об авторах

Федорова Алена Эдуардовна – PhD in Management, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом и психологии
 Адрес для корреспонденции: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
 E-mail: a.e.fedorova@urfu.ru
 ORCID: 0000-0002-4600-6489
 Scopus AuthorID: 57008834300
 ResearcherID: E-5944-2013
 SPIN-код РИНЦ: 3766-9720

Хороших Арина Алексеевна – магистрант кафедры управления персоналом и психологии
 Адрес для корреспонденции: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
 E-mail: axoroshix@mail.ru
 SPIN-код РИНЦ: 5995-6271

Вклад авторов

Федорова А.Э. – постановка целей и задач, руководство проведением исследования, проверка результатов исследования, подготовка метаданных, перевод статьи на иностранный язык, корреспонденция с журналом.
Хороших А.А. – планирование исследования, разработка методики исследования, сбор информации, анализ данных, визуализация и представление данных.

Для цитирования

Федорова А. Э., Хороших А. А. Оценка возможностей и ограничений внедрения HR-аналитики в практику управления персоналом телекоммуникационной компании: кейс-стади // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 69–77. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).69-77.

About the authors

Alena E. Fedorova – PhD in Management, Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Psychology
 Postal address: 19, Mira ul., Yekaterinburg, 620002, Russia
 E-mail: a.e.fedorova@urfu.ru
 ORCID: 0000-0002-4600-6489
 Scopus AuthorID: 57008834300
 ResearcherID: E-5944-2013
 RSCI SPIN-code: 3766-9720

Arina A. Khoroshikh – master's student of the Department of Personnel Management and Psychology
 Postal address: 19, Mira ul., Yekaterinburg, 620002, Russia
 E-mail: axoroshix@mail.ru
 RSCI SPIN-code: 5995-6271

Authors' contributions

Fedorova A.E. – setting goals and objectives, supervising the conduct of the study, verification of research results, preparation of metadata, translation of an article into a foreign language, journal correspondence.
Khoroshikh A.A. – study planning, development of research methodology, collection of information, data analysis, visualization and presentation of data.

For citations

Fedorova A.E., Khoroshikh A.A. Assessment of the possibilities and limitations of HR analytics implementation in the personnel management of a telecommunications company: case study. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 69-77. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).69-77. (in Russian).

ТЕХНОПАРК КАК ИНСТИТУТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

А.В. Шастин

ООО «Рэдиум Инвестиции» (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
31 марта 2023 г.

Дата принятия в печать
11 мая 2023 г.

Тип статьи

Обзорная статья

Ключевые слова

Технопарк, гомеостат, территория, инновация, инновационная инфраструктура

Аннотация. Технопарк – инструмент территориального развития. Hightech и highhuman отдельно не функционируют, но в статье выявлено, что только совместно они дают наибольший эффект. Исторически целью технопарка являлось формирование инновационных прорывов или развитие территории. Однако в России инновационного прорыва не происходит, несмотря на вложение существенных средств и приложение усилий. Причиной этого является недостаточное внимание к инновациям гуманистической и социальной сферы, задача которых – развивать эвристические поиски в приоритетной сфере деятельности, при большом внимании к высокотехнологичным инновациям. В технопарки могут быть двух типов: 1) технологические, с соответствующей инфраструктурой, оборудованием и т. д.; 2) социальные, направленные на обеспечение комфортного проживания, условий для создания изобретений. Как итог, возникает гомеостат, обеспечивающий устойчивость социального и технологического технопарков. В результате гармоничного и управляемого развития будут соблюдены интересы всех сторон (территории, населения, резидентов). Произойдет рост налоговых поступлений и занятости на территории, улучшится качество жизни населения (возрастет количество детских садов, школ, университетов, мест сбора населения для проведения конференций, коворкинга, комфортного жилья, разовьется транспортная инфраструктура). У резидентов вырастут объемы производства (появятся высокотехнологичные, конкурентоспособные на мировом рынке изобретения, которые будут успешно коммерциализованы). В компаниях, по мере начала продаж, будут приняты решения: растить бизнес в дальнейшем или продать его крупной корпорации. Такая модель технопарка (совокупность инновационного социального и высокотехнологичного) позволяет наиболее гармонично развивать территорию. В результате произойдет отход от метода «комсомольскихстроек», территория будет проектироваться для человека – что есть в технопарках развитых стран (например, Силиконовой долине) и чего до сих пор нет у нас: единственными примерами до настоящего времени были Академгородок (Новосибирск) и строящийся Иннополис в Республике Татарстан.

TECHNOPARK AS AN INSTITUTE FOR DESIGNING THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

A.V. Shastin

Radium Investments LLC (Omsk, Russia)

Article info

Received
March 31, 2023

Accepted
May 11, 2023

Type paper

Review

Keywords

Technopark, homeostat, territory, innovation, innovative infrastructure

Abstract. Technopark is an instrument of territorial development. High tech and highhuman do not function separately, but the article reveals that only together they give the greatest effect. Historically, the purpose of the technopark was the formation of innovative breakthroughs or the development of the territory. However, there is no innovative breakthrough in Russia, despite the investment of significant funds and efforts. The reason for this is insufficient attention to innovations in the humanistic and social spheres, whose task is to develop heuristic searches in a priority field of activity, with great attention to high-tech innovations. There can be two types of technoparks – technological technoparks with appropriate infrastructure and equipment, and social technoparks aimed at providing comfortable living, and conditions for creation of inventions. As a result, there is a homeostat that ensures the sustainability of social and technological technoparks. As a result of harmonious and manageable development, the interests of all parties (territory, population, residents) will be respected. This will lead to an increase in tax revenues and employment rates, an improvement in the quality of life of the population (the number of kindergartens, schools, universities, gathering places for conferences, coworking, comfortable housing will increase, transport infrastructure will develop). Residents will have increased production volumes (there will be high-tech, globally competitive inventions that will be successfully commercialized). After the start of sales, companies will make decisions to develop the business or sell it to a large corporation. Such a model of a technopark (a combination of innovative social and high-tech) allows the most harmonious development of the territory. As a result, there will be a rejection of the "Komsomol construction" method, the territory will be designed for a person as in the technoparks of developed countries (for example, Silicon Valley), and which is still not available in Russia. The only examples so far are Akademgorodok (Novosibirsk) and Innopolis in the Republic of Tatarstan.

1. Введение. Технопарк – инструмент территориального развития. Исторически целью технопарка являлось формирование инновационных прорывов или развитие территории. Однако в России инновационного прорыва не происходит, несмотря на вложение существенных средств и приложении усилий.

Доля инновационно-активных предприятий в общем числе российских компаний едва достигает 10 %, что в разы ниже уровня развитых стран. Доля России в мировом выпуске наукоемкой продукции не превышает 0,4 %, хотя в стране сосредоточено 10–12 % всего мирового научного потенциала [1].

Причиной этого является недостаточное развитие социальных инноваций. Их задача – развивать эвристические поиски в приоритетной сфере деятельности. В результате технопарки должны иметь две составляющие. Первые – технологические, с соответствующей инфраструктурой, оборудованием и т. д. Вторые – социальные, направленные на обеспечение комфортного проживания, условий для создания изобретений. В результате возникает гомеостат, обеспечивающий устойчивость социальной и технологической составляющей технопарков. Это происходит в результате использования NBICS – конвергенции социального и технического. Предмет статьи – технопарк, как инструмент проектирования территории.

2. Обзор литературы. В литературе под технопарком понимается территория (регион) с инновационной инфраструктурой. Так, с точки зрения А.М. Носонова и Н.В. Леткиной [2], технопарки – это элемент инновационной инфраструктуры. Они обладают функциями агломерации (концентрации ресурсов для реализации инновационных проектов), апробации изобретений, организации взаимодействия между вузами, предпринимателями и властными институтами, стимулирования инновационного процесса, стандартизации изобретений, их распространения и информирования сообщества о инновациях. Аналогичной точки зрения придерживаются М.А. Романович, П.И. Осипцев, Л.Г. Романович, И.А. Кузнецова [3], которые утверждают, что в экономике знаний ведущую роль играет инновационная инфраструктура, ключевым элементом которой является технопарк. В.И. Миронова [4] выделяет в качестве целей создания коммерциализацию науки, расширение мирового влияния (американская модель технопарков), структурную

перестройку экономики отдельных регионов (смешанная или европейская модель) и стремление к мировому лидерству (японская модель). Г.М. Костюнина и В.И. Баронов [5] технопарки рассматривают как территорию с необходимой инфраструктурой для проведения научных исследований, испытаний, коммерциализации их результатов. С точки зрения М.И. Беркович, Н.И. Антипиной [6] цель технопарка – обеспечить ускоренный рост инновационных компаний в приоритетных для государства отраслях. Однако, с точки зрения автора можно и нужно говорить о социальных инновациях, которым тоже требуется инфраструктура для развития. Важным вопросом, не отраженным в литературе, остается продукт технопарка. Что будет продуктом социальной и технологической части технопарка?

3. Гипотезы и методы исследования. Предоставление инновационной инфраструктуры (акселератор, площади с льготной арендой, места для обсуждения и формирования критической массы социальных предпринимателей) помогает изобретателям создавать новые бизнесы, внедрять новые технологии в производство, реализовывать новые проекты. Это предусмотрено в национальном стандарте технопарков [7].

Формированию социальной составляющей технопарка также требуется своя инфраструктура, центральным понятием которой являются комфортные условия жизни (высокое качество жизни). Целью high human является предоставление уникального, комфортного жилья, быстроты перемещения до работы, формы совместного проведения досуга, направленные на появление новых высокотехнологичных изобретений.

Таким образом, развертывание инновационного производства, выработка соответствующей продукции, определяется созданием соответствующей инфраструктуры. Наряду с инфраструктурой, поддерживающей высокотехнологичные производства, не менее востребована инфраструктура, поддерживающая high human, которая включает выделение территорий, обеспечение достойного качества жизни для жителей, обслуживание high tech. В СССР и РФ есть богатый опыт шарашек, наукоградов, академгородков.

В качестве методов исследования использовался системный подход, в частности, модели гомеостатического типа.

4. Результаты исследования. Лидер по затратам на инновации – обрабатывающая промышленность. На нее приходится более 70 % совокупных показателей. Если анализировать выпуск инновационной продукции по отраслям, то можно сделать вывод, что 11 % его сосредоточено в обрабатывающей отрасли и существенно ниже в сельском хозяйстве и строительстве. Ниже 10 % доля выпуска инновационной продукции в производстве медицинской и вычислительной технике. [8] Другими словами, в наиболее высокотехнологичных отраслях не производится инновационная продукция. Механизм НИОКР обладает рядом достоинств, но многолетнее его применение привело к его преобладанию в обрабатывающей промышленности. Следовательно, возникает необходимость поиска новых механизмов формирования инноваций.

Так, под НИОКР понимают научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, которые включают в себя научные исследования, эксперименты, производство опытных образцов. Другими словами, все этапы, которые происходят до начала серийного производства. Чтобы придумать элемент новизны (новую продукцию), предприятию требуется профинансировать научные исследования, провести эксперименты, создать опытный образец.

Однако это дорогостоящее мероприятие. Редкое предприятие может позволить себе финансировать исследования и экспериментов с неизвестным и слабо прогнозируемым результатом. Фундаментальная наука в более инновационно развитых странах финансируется государством с помощью грантов. Предприятия финансируют уже прикладные исследования на стадии коммерциализации. Венчурное финансирование тоже не предусматривает результата со 100 % вероятностью. Таким образом, для развития инноваций предлагает увеличение государственного финансирования на ранних этапах, что приведет к развитию фундаментальной науки, и развитие венчурных инвестиций на этапах коммерциализации и изготовления опытных образцов.

Второй негативный фактор – невозможность пользоваться инновационной продукцией населению. Обрабатывающая промышленность не является отраслью, влияющей на качество жизни, на удобства населения. Основные инновации появляются в сфере ВПК, при-

боростроении и других отраслях. Производство высокотехнологичной продукции автоматически не приводит к росту качества жизни населения.

Следует отметить низкую потребительскую активность при приобретении инноваций. Население слабо представляет преимущества инновационного продукта, предпочтение отдается привычным товарам. Для формирования спроса на инновацию требуется выявление потребителей-новаторов, распространение информации об инновациях и т. д., что относится к области социальных инноваций, не зря в аббревиатуре NBICS содержится конвергенция высокотехнологичных отраслей (нано-, био- и информационные технологии) с социальными (когнитивные, социальные). Такое взаимодействие приводит к гармоничному развитию территории, формированию потребителей и т. д.

Научный потенциал трудится в НИИ, которые нацелены на производство военной продукции, а не на улучшение качества жизни населения. Этим объясняется большая доля российских ученых в мировом научном потенциале и маленькая доля в мировом выпуске наукоемкой продукции. В топ-10 мировых инновационных компаний – 6 компаний, включая лидеров (Salesforce.com, Tesla, Amazon.com) – американские, оставшиеся – из Китая, Индии, Кореи.

Однако положительным фактом того, что основная часть научного потенциала трудится в оборонной промышленности является появление технологий двойного назначения. Причина того, что западные страны более эффективно используют военные технологии (не секрет, что таким способом появились не только такие высокотехнологичные продукты, как сотовая связь, внедорожники, но и социальные инновации – сетевое планирование, управление проектами и т. д.) заключается в более эффективной коммерциализации технологий.

Коммерциализация инноваций рассматривается как инвестиционный процесс с расчетом показателей окупаемости, целью которого является получение прибыли. Процесс получения прибыли от реализации инновационной технологии неразрывно связан с рисками, что может привести к существенным убыткам. Снизить риски и повысить вероятность успеха помогает использование разных источников финансирования на разных этапах процесса коммерциализации.

На первом этапе коммерциализации ведется поиск решения важных научно-технических и социальных проблем. Источником финансирования инновационного процесса на данном этапе являются гранты государства или государственных фондов. Это самый рискованный этап процесса коммерциализации.

Второй этап – создание прототипа продукта, исследование его свойств. Завершается он созданием опытно-конструкторского образца. В РФ этим процессом занимаются НИИ, которые финансируются из бюджета государственных корпораций. Чтобы появилась возможность формирования инноваций для повышения качества жизни, требуется предоставление возможности НИИ продавать или предлагать инновационные продукты, которые не востребованы военными, небольшим

гражданским компаниям. Они могут развиваться в технологической составляющей технопарках, пользоваться современной инфраструктурой, оборудованием и т. д.

Третий и четвертый этапы – подготовка к производству новой продукции и вывод ее в серию. Эту функцию могли бы взять на себя технопарки. Управляющая компания на стадии близкой к запуску в производство могла бы привлечь венчурного инвестора, который профинансирует финальные стадии инновационного процесса. Главная задача – иметь нацеленность на прибыль, а не исключительно на производство инновационных продуктов.

Данные выводы подтверждаются анализом уровня инновационной активности в 2021 г. (табл. 1).

Таблица 1. Уровень инновационной активности по видам инноваций [8]
Table 1. The level of innovation activity by type of innovation [8]

Отрасль	Удельный вес организаций, осуществляющих инновации, в общем числе инноваций, %			
	Всего	Технологические	Маркетинговые	Организационные
Промышленность	10,5	9,2	1,9	2,8
Услуги	7,2	6,2	1,2	2,3
Строительство	1,5	1,1	0,4	1,1
Сельское хозяйство	4,0	3,4	0,4	0,9

Омск имеет все ресурсы и потенциал стать инновационным центром благодаря развитой обрабатывающей промышленности. Однако в городе преобладает ВПК, что снижает эффект от внедрения инноваций для населения. Вместе с тем, имеется квалифицированный персонал, имеющий возможность работать в технопарке и создавать, и внедрять инновации.

На территории, где действует технопарк, есть непосредственно территория, производ-

ство и люди, которые работают в технопарке. Для начала рассмотрим взаимодействие технопарка и территории. Для устойчивой работы, необходимо взаимное регулирование их параметров гомеостаза.

Гомеостат производственной составляющей технопарка и территории будет выглядеть следующим образом (рис. 1).

Получается с точки зрения территории и технопарка система может работать в следующих режимах (табл. 2).

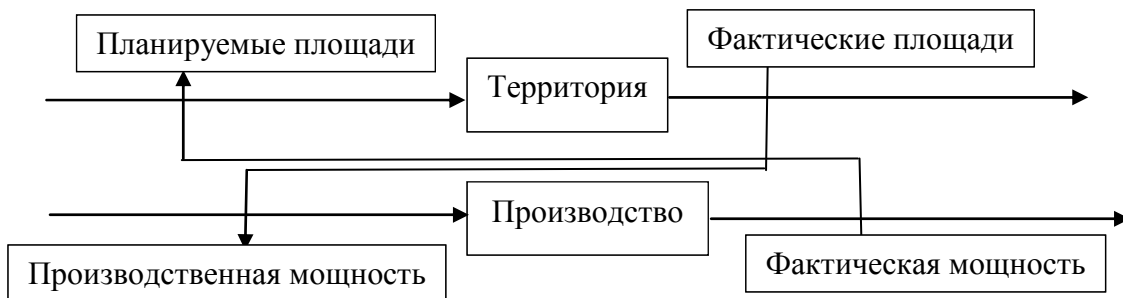

Рис. 1. Гомеостат производственной составляющей технопарка и территории
Fig. 1. Homeostat of the industrial component of the technopark and the territory

Таблица 2. Режимы функционирования территории и технопарка в рамках гомеостата
Table 2. Modes of functioning of the territory and technopark within the homeostat

Режим	Описание
++ (взаимное усиление)	В этом случае происходит инновационное развитие производства с одновременным развитием территории. Однако, имеется ограничение по площади участка, плюс рядом с производственными мощностями ухудшается качество жизни (лучше всего, когда на территории технопарка ведутся только разработки высокотехнологичной продукции)
+ (развивается территория, при недостаточной эффективности производственной составляющей)	В такой ситуации происходит развитие территории без инновационной составляющей. Часть инфраструктуры будет не задействована, не все мощности будут использованы. Это наиболее благоприятный режим, когда есть резерв увеличения мощностей и хорошее качество жизни
-+ (развивается технопарк при недостаточном развитии территории)	Это стандартная ситуация для текущего момента, когда инновации внедряются сверху. Результат (цифровизация, внедрение высоких технологий) происходит в режиме комсомольских строек, когда не важно качество жизни важна выдача результата
-- (производство и территория находятся в упадке, взаимное ослабление)	Технопарк становится невостребованным, привлекательность территории становится низкой, жители уезжают в другие регионы или в другие районы той же территории

В Омске производственная составляющая явно преобладает над территорией. Город относится к экологически неблагоприятным, часто объявляется режим неблагоприятных метеоусловий, что говорит о низкой экологичности производства. Из Омска уезжает молодежь, что говорит о низкой привлекательности города для молодого и активного населения – основного потребителя и создателя инноваций.

Продуктом высокотехнологичного технопарка в первую очередь является технологическое развитие территории – создание новых производств, рост налоговых поступлений. Социальная составляющая является для него регулятором, чтобы территория гармонично развивалась, количество населения прирастало, качество жизни было бы комфортным (наличие удобного жилья, быстрота доставки до места работы, наличие транспортной доступности).

Рисунок 2 демонстрирует гомеостат социальной и технической составляющей. При усилении технической составляющей (что происходит в Омске), страдает социальная.

Следовательно, развитием социальной и технологической составляющей нужно управлять. В результате гармоничного и управляемого развития, будут соблюдены интересы всех сторон в Омске (территории, населения, резидентов).

- Рост налоговых поступлений и занятости;
- Улучшение качества жизни (наличие детских садов, школ, университета, мест сбора населения для проведения конференций, коворкинга, комфортного жилья и транспортной инфраструктуры);
- Рост производства (появление высокотехнологичных изобретений, их коммерциализация, начало продаж, выращивание или продажа компании крупной корпорации).

Рис. 2. Гомеостат социальной и производственной составляющей технопарка

Fig. 2. Homeostat of the social and industrial components of the technopark

Таблица 3. Режимы функционирования социальной и производственной составляющей технопарка в рамках гомеостата

Table 3. Modes of functioning of the social and industrial component of the technopark within the homeostat

Режим	Описание
++ (взаимное усиление)	Повышается качество жизни при одновременном развитии производства. Самый привлекательный, но самый неустойчивый способ взаимодействия. Технопарк достигнет естественного ограничения площадью участка. Кроме того, желающие прожить и творить на территории высокотехнологического технопарка могут столкнуться с проблемой отходов, дороговизной земли и т. д.
+ (развивается социальная составляющая технопарка, при недостаточной эффективности производственной составляющей)	В такой ситуации происходит увеличение числа изобретателей, формируются высокотехнологичные производства, но внедрения их не происходит. В результате возникает возможность экспорта изобретений и технологий
- (развивается технологическая составляющая технопарка при недостаточном развитии социальной)	Возникает недостаток людей для производства изобретений, требуется их привлекать
-- (технологическая и социальная составляющая технопарка находятся в упадке, взаимное ослабление)	Составляющие становятся невостребованными, жители уезжают в другие регионы или в другие районы той же территории

Это касается не только Омска, но и любого другого региона. В Омске меньше внимание уделяется социальной составляющей, больше технической. В некоторых регионах, например, Татарстане – по-другому. Для демонстрации управления социальной и технической составляющей построим гомеостатическую модель территориального технопарка, где **ВОУ** – высший орган управления, для технопарка – Министерство экономики региона или Заместитель губернатора. Задача органа – постановка задач местному регулятору, курирование его деятельности; **МР** – местный

регулятор, для технопарка – наблюдательный совет технопарка, включающий в себя представителей высшего органа управления, обоих технопарков (социального и высокотехнологического), вуза; **РИ1** – региональный исполнитель, для технопарка – высокотехнологичный технопарк; **РИ2** – региональный исполнитель, для технопарка – социальный технопарк; **Объект** – общество, живущее на территории; **БДАА** – бюджет управляющей компании технопарка, которым может распоряжаться наблюдательный совет, не обращаясь к вышестоящим органам (рис. 3).

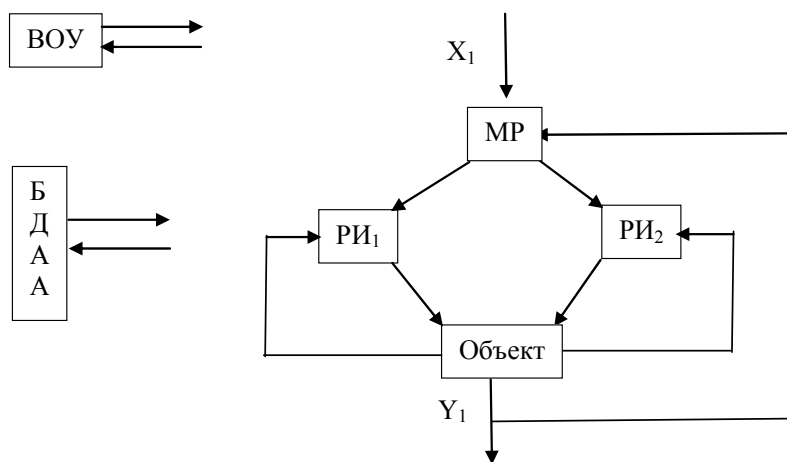

Рис. 3. Развернутая схема гомеостат социальной и производственной составляющей технопарка [11]

Fig. 3. Homeostat of the social and industrial component of the technopark [11]

Таким образом, наблюдательный совет технопарка управляет обеими структурами для гармоничного развития территории, периодически поддерживая то высокотехнологичный технопарк, то социальный. В результате попеременно будет достигаться то развитие современных технологий (нано-, био-, и информационных инноваций), то социальных (когнитивных и социальных инноваций). В результате управление технопарком будет строиться на принципах конвергенции NBICS – создание выпускающих кафедр на производственных предприятиях, создание технических и социальных центров по типу «Точек кипения» и в других формах.

Развертывание технопарка в Омской области связано со следующими особенностями:

- Низкая заинтересованность региональной власти;
- Отсутствие команды по организации технопарка;
- Отсутствие социального заказа на появление технопарка;
- Нахождение не в мейнстриме, что затрудняет получение средств федеральной поддержки.

Только решение всех обозначенных проблем позволит сформировать в регионе центр развития и интеграции инновационного процесса. Крупный региональный вуз мог бы выступить в роль поставщика инноваций. Используя федеральные гранты, вести исследования, наиболее перспективные военные технологии мог бы направлять в НИИ, а гражданские – в технопарк, где уже создавался бы опытный образец, финансирование могло бы производиться на средства венчурного инвестора. Пример такой в Омской области имеется – технопарк промышленной автоматизации «Газпромнефть». Однако проблема его в слабом взаимодействии с региональными вузами

и региональной властью. ПАО «Газпромнефть» самостоятельно может по всей стране искать перспективные разработки и использовать их для своих целей. Вместе с тем, включение в процесс региональной власти, взаимодействие с несколькими вузами могло бы существенно усилить работу.

Создание консорциума омских вузов под эгидой региональной власти могло бы закрыть вопросы промышленной автоматизации для всех крупных отраслей области. Так, ОмГУПС и СибАДА закрыли бы потребности инфраструктуры и логистики. Результат – использование выгодного экономико-географического положения области. Технический университет – потребности промышленной автоматизации в ВПК и нефтехимии. ОмГАУ – в области сельского хозяйства и производстве пищи. Таким образом, создавался бы единый технопарк промышленной автоматизации на территории Западной Сибири. При поддержке Газпромнефти можно было бы организовать социальную поддержку привлекаемым кадрам путем предоставления им жилья. Привлечение молодых активных людей в технопарк позволило бы создать критическую массу населения для формирования новых изобретений.

5. Заключение. Модель технопарка, представляющего совокупность социального и высокотехнологичного, позволяет наиболее гармонично развивать территорию. В результате произойдет отход от метода «комсомольскихстроек», проектирование территории будет для человека – что есть в технопарках развитых стран (например, Силиконовой долине) и нет у нас. Единственным примером до настоящего времени был Академгородок (Новосибирск) и строящийся Иннополис в Республике Татарстан. В Омске региональный технопарк на базе консорциума омских вузов находится в состоянии проектирования.

Литература

1. Шпак Н. А. Перспективы развития современных технопарков на примере уральского лесного технопарка // Новая экономика. Инновационный портрет России: сборник. – М., 2021. – С. 88–96.
2. Nosonov A., Letkina N. Technoparks as Centers of Regional Economic Development // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE). – 2019. – Vol. 8, iss. 12.
3. Романович М. А., Оспищев П. И., Романович Л. Г., Кузнецова И. А. Технопарки России: проблемы развития и пути их решения // Наука Красноярья. – 2020. – Т. 9, № 2. – С. 206–223.
4. Миронова В. И. Современные модели развития технопарков: зарубежный и российский опыт // Проблемы современной экономики. – 2021. – № 6. – С. 84–89.
5. Костюнина Г. М., Баронов В. И. Технопарки в зарубежной и российской практике // Вестник МГИМО(У) МИД России. Серия «Экономика». – 2020. – С. 91–99.

6. Беркович М. И., Антипина Н. И. Являются ли российские технопарки технопарками? // ЭКО. – 2019. – № 1. – С. 94–107.
7. Национальный стандарт РФ «Технопарки. Требования». – М. : Стандартинформ, 2015.
8. Дворецкая А. Е. Инновационная активность российских предприятий: анализ современной ситуации // ПРО-Экономика. – 2020. – № 7.
9. Горский Ю. М. Основы гомеостатики. Ч. 1: Единство мироздания, основные постулаты взаимодействия антагонистов, раскрытие информационной сущности закона единства и борьбы противоположностей: курс лекций. – Иркутск : Изд-во Иркутск. экон. акад., 1995. – 125 с.
10. Горский Ю. М. Гомеостатика: модели, свойства, патологии // Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем. – Новосибирск : Наука, 1990. – С. 20–67.
11. Разумов В. И. Категориально-системная методология в подготовке ученых: учебное пособие. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 277 с. – Разд. 3.

References

1. Shpak N.A. Perspektivy razvitiya sovremennykh tekhnoparkov na primere ural'skogo lesnogo tekhnoparka. Novaya ekonomika. Innovatsionnyi portret Rossii, sbornik. Moscow, 2021, pp. 88-96.
2. Nosonov A., Letkina N. Technoparks as Centers of Regional Economic Development. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering (IJITEE)*, 2019, Vol. 8, iss. 12.
3. Mironova V.I. Sovremennye modeli razvitiya tekhnoparkov: zarubezhnyi i rossiiskii opyt. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2021, No. 6, pp. 84-89.
4. Romanovich M.A., Ospishchev P.I., Romanovich L.G., Kuznecova I.A. Tekhnoparki Rossii: problemy razvitiya i puti ikh resheniya. *Nauka Krasnoyars'ya*, 2020, Vol. 9, no. 2, pp. 206-223.
5. Kostyunina G.M., Baronov V.I. Tekhnoparki v zarubezhnoi i rossiiskoi praktike. *Vestnik MGIMO(U) MID Rossii. Seriya «Ekonomika»*, 2020, pp. 91-99.
6. Berkovich M.I., Antipina N.I. Yavlyayutsya li rossiiskie tekhnoparki tekhnoparkami? *EKO*, 2019, No. 1, pp. 94-107.
7. Natsional'nyi standart RF «Tekhnoparki. Trebovaniya». Moscow, Standartinform, 2015.
8. Dvoret'skaya A.E. Innovatsionnaya aktivnost' rossiiskikh predpriyatii: analiz sovremennoi situatsii. *PRO-Ekonomika*, 2020, No. 7.
9. Gorskiy Yu.M. Osnovy gomeostatiki. Pt. 1: Edinstvo mirozdaniya, osnovnye postulyaty vzaimodeystviya antagonistov, raskrytie informatsionnoi sushchnosti zakona edinstva i bor'by protivopozlozhnostei: kurs lektsii. Irkutsk, Izd-vo Irkutsk. ekon. akad., 1995. 125 p.
10. Gorskiy Yu.M. Gomeostatika: modeli, svoistva, patologii. Gomeostatika zhivyykh, tekhnicheskikh, sotsial'nykh i ekologicheskikh sistem. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 20-67.
11. Razumov V.I. Kategorial'no-sistemnaya metodologiya v podgotovke uchenyykh, uchebnoe posobie. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-t, 2008. 277 p. Razd. 3.

Сведения об авторе

Шастин Анатолий Васильевич – канд. экон. наук, директор
Адрес для корреспонденции: 644010, Россия, Омск, ул. Маяковского, 81, оф. 437
E-mail: trioomsk@mail.ru
РИНЦ AuthorID: 478406

About the author

Anatoly V. Shastin – PhD in Economic Sciences, Director
Postal address: of. 437, 81, Mayakovskogo ul., Omsk, 644010, Russia
E-mail: trioomsk@mail.ru
RSCI AuthorID: 478406

Для цитирования

Шастин А. В. Технопарк как институт проектирования развития территории // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 78–85. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).78-85.

For citations

Shastin A.V. Technopark as an institute for designing the development of the territory. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 78-85. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).78-85. (in Russian).

УДК 332.14

JEL: J11, J21

DOI 10.24147/1812-3988.2023.21(3).86-95

РИСКИ И ВЫЗОВЫ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛИ СОХРАНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И ПРОСТОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (часть 2)

О.В. Гокова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
1 мая 2023 г.

Дата принятия в печать
15 июня 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Демографическая политика, повышение рождаемости, сохранение простого воспроизводства населения, повышение материального благополучия семей с детьми

Аннотация. Во второй части статьи выявлены и раскрыты следующие современные тенденции рождаемости в России: высокий процент рождений вне брака; сокращение численности женщин в репродуктивном возрасте; трансформация репродуктивных установок молодых людей; снижение рождаемости в сельской местности; откладывание рождения детей на более поздние сроки и др. Совмещать работу, материнство и обновлять свои знания с учетом меняющихся требований очень непросто. Для того чтобы женщинам было проще принимать решение о рождении ребенка, продолжать карьеру, будучи мамой, и увеличивать свой доход сегодня в стране уже многое делается: создана системная поддержка семей с детьми; молодым мамам доступно переобучение по востребованным профессиям в рамках национального проекта «Демография»; увеличивается количество мест в детских садах; субсидируется найм многодетных и одиноких родителей; создается служба карьерных консультантов; в 4 раза сократился перечень недоступных для женщин профессий, поскольку технологии позволили существенно снизить риски для репродуктивного здоровья. Однако прогнозы Росстата и расчеты экспертов показывают, что при вышеуказанных целевых ориентирах и действующих мерах обеспечить естественный прирост к 2025 г. крайне сложно.

RISKS AND CHALLENGES TO THE IMPLEMENTATION OF THE GOALS OF PRESERVING THE NUMBER AND SIMPLE REPRODUCTION OF THE RUSSIAN POPULATION (part 2)

O.V. Gokova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
May 1, 2023

Accepted
June 15, 2023

Type paper

Analytical paper

Keywords

Population policy, increasing the birth rate, preservation of simple reproduction of the population, the increasing of material well-being of families with children

Abstract. In the second part of the article the following modern trends in the birth rate in Russia are identified and disclosed: a high percentage of births out of wedlock; a reduction in the number of women of reproductive age; transformation of reproductive attitudes of young people; a decrease in the birth rate in rural areas; postponement of the birth of children to a later date, etc. Combining work, motherhood and updating your knowledge to meet changing requirements is very difficult. In order to make it easier for women to make a decision about having a child, continue their career as a mother, and increase their income, a lot is already being done in the country today: systematic support for families with children has been created; retraining in popular professions is available to young mothers within the framework of the national Demography project; the number of places in kindergartens is increasing; subsidized hiring of large and single parents; a service of career consultants is being created; the list of professions inaccessible to women has been reduced by 4 times, since technology has significantly reduced the risks to reproductive health. However, Rosstat forecasts and expert calculations show that with the above targets and current measures, it is extremely difficult to ensure natural growth by 2025.

4. Результаты исследования. В первой части исследования было установлено, что основной причиной депопуляции в РФ в настоящее время является низкая рождаемость в большинстве субъектов РФ, что может быть обусловлено различными причинами: женщины нацелены на карьерный рост, эмансипацию, а также на необходимость поддержания материального благосостояния, получение дохода. Также в настоящее время наблюдается тенденция демографической поляризации: увеличение численности групп населения, выбравших принципиально разные варианты репродуктивного поведения – бездетность и многодетность.

Кроме того, во второй части исследования проведенный анализ демографических процессов в России за последние 10 лет позволил выявить основные тенденции, подтверждающие риски и вызовы, стоящие на пути реализации цели сохранения численности и простого воспроизводства населения:

1. *Рост числа рождений вне зарегистрированного брака.*

Региональные особенности отчетливо проявляются в распределении относительных чисел рождений вне брака. Эти особенности ощу-

щаются и территориально: по мере продвижения на восток страны удельный вес внебрачных рождений повышается (рис. 1). Сохранившаяся до нашего времени существенная роль института семьи в кавказских республиках обусловила самый низкий удельный вес внебрачных рождений на их территории. В средней полосе доля внебрачных рождений колеблется на уровне средних величин. Практически повсеместно в регионах доля внебрачных рождений выше в сельской местности. Исключение составляет несколько республик Северо-Кавказского федерального округа – Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, а также Мурманская область.

Если раньше рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 30 лет, что объяснялось тем, что для первых такая ранняя беременность, как правило, являлась результатом либо случайных связей, либо контрацептивных неудач, а для более зрелых женщин – серьезным осознанным желанием иметь ребенка «для себя». То в настоящее время максимальное количество рождений вне брака во всех регионах РФ приходится на две возрастные группы женщин: 25–29 лет и 30–34 года.

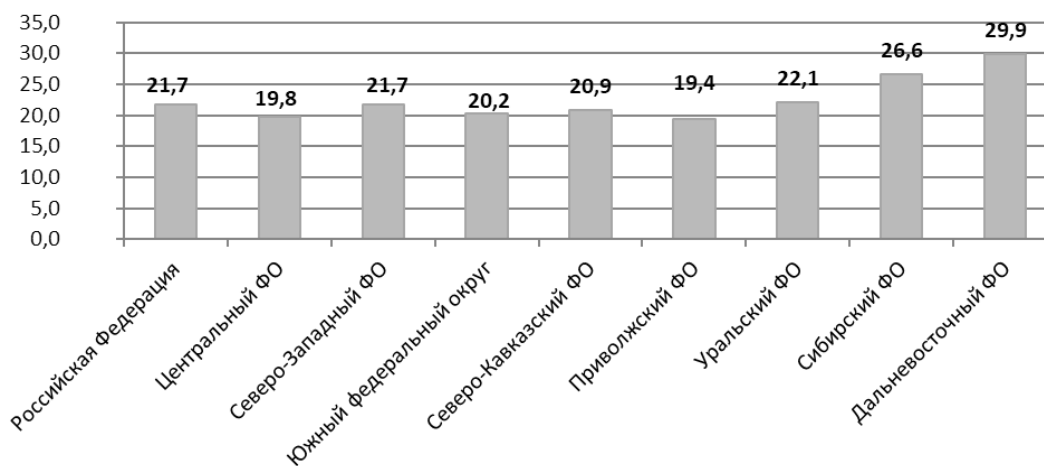

Рис. 1. Доля родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по федеральным округам РФ в 2021 г. в общей численности родившихся, % (рис. сост. на основе анализа [Естественное движение населения Российской Федерации – 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_106/Main.htm])

Fig. 1. The share of births to women who were not in a registered marriage, by federal districts of the Russian Federation in 2021 in the total number of births, % (the figure is comp. based on the analysis [The natural movement of the population of the Russian Federation – 2021 // Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_106/Main.htm])

Необходимо отметить, что рождаемость в незарегистрированном браке приводит во многих случаях к неуверенности женщины в зав-

трашнем дне, к отсутствию стабильного дохода и сложностей в поиске работы. Многие из этих женщин являются матерями-одиночками,

что в еще большей степени усугубляет их положение на рынке труда. Количество матерей-одиночек в России приблизилось к 30 % и составляет более 10 млн женщин. Устроится на работу матери одиночке достаточно сложно, особенно если она имеет малолетнего ребенка. Работодатели крайне неохотно берут на работу женщин этой категории из-за частых болезней детей, из-за других проблем, связанных с их воспитанием. Организовать собственный бизнес большая часть женщин не может по причине отсутствия у них первичного капитала и отсутствия необходимых знаний [28, с. 221]. Поэтому такие варианты как оплата родительского труда, платформенная занятость, создание коворкинг-центров на базе центров занятости населения и создание экосистемы сопровождения занятости женщин позволит решить проблему низких доходов таких семей и отсутствия комплексного сопровождения женщин, имеющих детей, по обеспечению занятости.

2. Откладывание рождения детей на более поздние сроки и рост среднего возраста матери при рождении первенца.

Такое смещение максимального количества рождений на более поздние возрастные группы характерно не только для рождаемости в незарегистрированных браках, но и для брачной рождаемости. Всеобщее распространение современных методов планирования семьи дало устойчивый результат в виде повышения возраста первых рождений и в целом среднего возраста женщины при рождении детей (рис. 2). Помимо увеличения возраста матери, по первым рождениям наблюдается также увеличение интервала между родами. Отличительной особенностью современного периода является возможность планировать рождение ребенка в широком смысле: то есть не только ограничивать его появление в определенном возрасте, но и регулировать и даже стимулировать его рождение в более поздних возрастах.

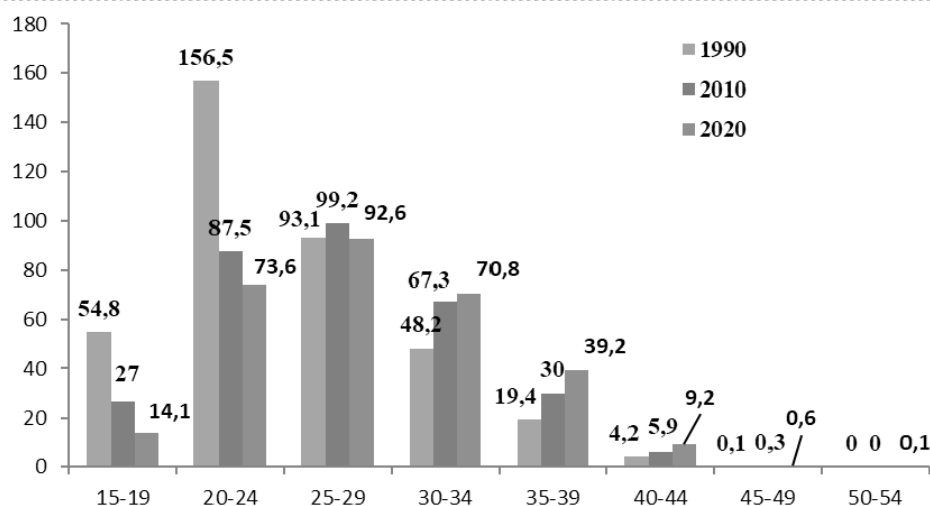

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости, промилле

(рис. сост. на основе анализа: [Демографический ежегодник России. 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 64])

Fig. 2. Age-specific fertility rates, ppm

(the figure is comp. based on the analysis: [Demographic Yearbook of Russia. 2021: Stat. M. 2021. P. 64])

Падение рождаемости по возрасту матери за период 1990 по 2020 гг.: до 20 лет на 74 %; 20–24 лет – на 53 %; 25–29 лет на 0,5 %. В остальных возрастных группах рождаемость возросла.

Кроме того, продолжает медленно расти средний возраст матери при рождении первенца и в 2021 г. он составил 28 лет (В Минтуде назвали средний возраст рождения первого ребенка в России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12672491>). Макси-

мальное количество первых рождений приходится на поколения меньшей численности, чем в предыдущие годы.

Это можно объяснить, используя теорию второго демографического перехода Р. Лестега и Д. ван де Каа – повышение независимости и образованности женщин является основным фактором снижения рождаемости. Длительный период обучения способствует повышению среднего возраста женщины, рожающей первого ребенка (с 16 до 25 и более лет). По-

сколькo главная нагрузка по выхаживанию и воспитанию детей ложится на женщин, современные молодые женщины объективно не заинтересованы в многодетности [15, с. 12].

При принятии решения о рождении ребенка российские женщины учитывают разные факторы, среди которых преобладают социально-экономические.

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» (РПН) 2012 и 2017 г., проводившегося Росстатом во всех субъектах РФ, 73,4 % женщин в качестве основной причины откладывания рождения на более поздние сроки указали «отсутствие материальных возможностей», 65,8 % «необходимость найти более высоко оплачиваемую работу» и 26,7 % «нежелание оставлять работу хотя бы на время, стремление к карьерному росту» (Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect).

Развитие рынка труда и увеличение возможностей женской занятости является более важным фактором, оказывающим влияние на рождаемость, чем специальные семейно-демографические меры в этом отношении. Политика, которая поддерживает доступность работы для женщин, защищает сохранение за ними рабочего места и обеспечивает достаточный доход, в большинстве случаев является предпосылкой для решения женщинами завести ребенка (или еще одного ребенка) [27, с. 38]. Целью такой политики является интегрирование матерей в трудовую деятельность. Недостаток детских учреждений, низкий уровень денежных пособий, длительные декретные отпуска и гендерно-сегрегационная политика дают женщинам сигнал, что совмещение работы с материнством, возвращение на рынок труда после декретного отпуска и сохранение прежнего уровня жизни может быть довольно трудным или даже невозможным. Это, очевидно, и приводит к снижению рождаемости. Более широкое обеспечение детскими учреждениями, высокий уровень денежных пособий, предоставление возможности гибкого декретного отпуска и политика, ориентированная на половое равенство в этой сфере может уменьшить беспокойство по поводу невозможности совмещения работы и ухода за ребенком, возвращения после декрета на рынок труда и поддержания дохода, а также это может по-

служить более легкому принятию решения по поводу планирования рождения первого ребенка или последующих детей.

Что касается практической составляющей, то результаты показывают, что политика, направленная на сохранение занятости и дохода, половое равенство и социальную поддержку детей может способствовать повышению рождаемости больше, чем политика, сфокусированная только на семье и рождаемости.

3. Сокращение численности женщин в репродуктивном возрасте.

Основной фактор наблюдаемого сокращения числа родившихся – неблагоприятная возрастная структура населения. На пике репродуктивных возрастов сейчас находится малочисленное поколение 1990-х гг. рождения. Оно будет определять рождаемость в ближайшее десятилетие, и по сравнению с ситуацией, когда ее определяло многочисленное поколение 1980-х гг. рождения, число родившихся будет неизменно ниже. Дополнительный фактор – это непосредственно репродуктивное поведение молодых женщин: поколение 1990-х гг. рождения будет рожать первого ребенка позже, чем предыдущее поколение, и, весьма вероятно, иметь в среднем детей несколько меньше по сравнению с ним.

На пирамиде 2019 г. (рис. 3) хорошо видно уменьшение числа родившихся, наметившееся в конце 1980-х гг. («второе эхо» войны) и сменивший его рост числа рождений в первой половине 1980-х гг. – «эхо» послевоенного подъема рождаемости, усиленное мерами демографической политики, а также антиалкогольной кампанией 1985-1988 гг. Также на рис. 3 четко видны причины «русского креста» в 1990-х гг. – резкое падение рождаемости (рожало малочисленное поколение «внуков войны», которым сейчас 35–45 лет) и рост смертности (к печальному рубежу 60–70 лет подошло многочисленное поколение предвоенного бэби-бума). Столь же очевидными становятся и причины позитивной демографической динамики 2000–2010-х гг. – в фертильный возраст тогда вступили внуки многочисленного поколения бэби-бума 1950-х гг., а умирать начали малочисленные ветераны войны и их дети. Эти причины оказали в то время значительное влияние на сближение кривых смертности и рождаемости. Однако в настоящее время именно поколение конца 1990-х гг. находится в самом активном репродуктивном воз-

расте. Нынешнее поколение 20-летних по численности меньше поколения 30-летних в 2 раза, а на возрастную группу женщин 20–29 лет приходится половина рождений.

Одновременно необходимо отметить, что доля молодых женщин в возрасте от 20 до 35 лет на протяжении нескольких десятилетий постепенно снижается. Так, в 1959 г. доля молодых женщин в возрасте 20–35 лет составляла 26,3 %, в 2010 г. – 22,8 %, в 2015 г. – 21,5 %, в 2020 г. – 19,1 %.

По мнению Минтруда, «ключевым фактором снижения рождаемости является сокращение численности женщин активного фертильного возраста» (Минтруд объяснил прогноз по сокращению численности россиян // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/04/2021/608539549a79471f0908dd7f>). Эксперты полагают, что эта тенденция продолжится. В долгосрочной перспективе снижение уровня рождаемости, особенно в сочетании со старением населения, может привести к острой нехватке трудовых ресурсов.

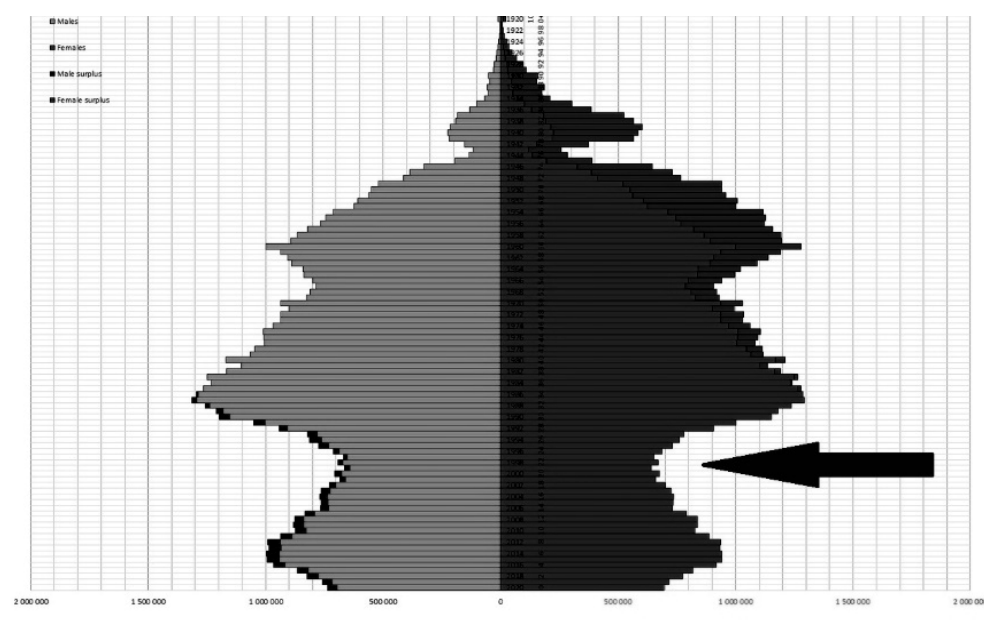

Рис. 3. Возрастно-половая пирамида населения России, чел.

рис. сост. на основе анализа [Демографический ежегодник России. 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021. С. 64]

Fig. 3. Age-sex pyramid of the population of Russia, people

(the fig. is comp. based on the analysis [Demographic Yearbook of Russia. 2021: Stat. M. 2021. P. 64])

4. Трансформация репродуктивных установок молодых людей.

Одна из главных причин демографического кризиса кроется в репродуктивном поведении молодых людей в возрасте от 20 до 35 лет. Эти годы считаются наиболее подходящими для рождения детей. Не случайно ряд ученых-демографов объясняет резкий рост рождаемости в 1980-е гг. именно сдвигом рождений на наиболее молодой возраст матери. В настоящее время ситуация кардинально изменилась и особенностями репродуктивного поведения современной молодежи является преобладание малодетной семьи – дети перестают быть главной семейной ценностью; откладывание на неопределенное время рождения ребенка приводит к тому, что такая семья

в дальнейшем ограничивается одним ребенком, либо вообще не заводит детей; рост семей с одним родителем, среди которых преобладает так называемая «материнская семья», что объясняется большим количеством разводов у женщин в возрасте 20–35 лет (на 100 браков приходится 60 разводов); «старение» браков – особенно данная тенденция касается мужчин [8, с. 165].

По мнению А.О. Макаренцевой (РАН-ХиГС) поколение 1990-х гг. рождения имеет как минимум две особенности. Во-первых, его детство пришлось на период острого демографического кризиса, а значит, проходило среди массово однодетных и неполных семей, причем на фоне существенного роста бедности. Во-вторых, это первое из «цифровых» поколе-

ний, в чью жизнь сетевые технологии вошли достаточно рано, чтобы повлиять на образ жизни и базовые ценности» [30].

Одной из причин этих изменений являются социальные последствия экономической трансформации. По мнению директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Н.М. Римашевской, изменения уровня и качества жизни населения трансформировались в острейшие социально-экономические проблемы, которые имели не менее острые демографические следствия: катастрофическое снижение доходов и материальной обеспеченности основной части населения; высокая доля бедных; беспрецедентная поляризация условий жизни; значительные масштабы безработицы и невыплата зарплат; деградация социального обеспечения и фактическое разрушение социальной сферы, включая жилищно-коммунальное обслуживание [35, с. 139]. Все это не могло не сказаться на состоянии населения. В том числе на отношении женщин к рождению детей и вступлению в зарегистрированный брак.

5. Заключение. Таким образом, к современным тенденциям рождаемости в России следует отнести:

– малодетный характер рождаемости (значения суммарного коэффициента рождаемости в 1,4 раза меньше, чем необходимо для простого воспроизводства населения), что обусловлено различными причинами: женщины нацелены на карьерный рост, эмансипацию, а также на необходимость поддержания материального благосостояния, получение дохода;

– дифференциация структуры снижения суммарного коэффициента рождаемости (по порядку рождений). Низкий уровень декретного денежного пособия и недостаток детских учреждений для детей до трех лет, заставляют женщин в России планировать процесс деторождения исходя из дохода партнера, а также уменьшают количество работающих женщин, которые хотят завести еще одного ребенка;

– высокий процент рождений вне брака (около 22 % к общему числу родившихся). Это

может приводить к неуверенности женщины в завтрашнем дне, к отсутствию стабильного дохода и сложностям в поиске работы;

– сокращение численности женщин в репродуктивном возрасте, что в долгосрочной перспективе приведет к серьезному снижению уровня рождаемости и в сочетании со старением населения к острой нехватке трудовых ресурсов;

– трансформация репродуктивных установок молодых людей, которые связаны с последствиями социально-экономического развития нашей страны;

– снижение рождаемости в сельской местности, что связано низкой конкурентоспособностью безработных женщин на сельском рынке труда и ограниченным выбором сфер приложения их труда при традиционных формах трудоустройства;

– рост многодетных семей и наоборот рост числа бездетных людей;

– откладывание рождения детей на более поздние сроки и рост среднего возраста матери при рождении первенца.

Текущая политика в сфере занятости населения не в полной мере соответствует национальной программе повышения рождаемости. Существует потребность в развитии нестандартной занятости женщин, позволяющей самореализоваться на рынке труда женщинам, имеющим детей.

Особое внимание следует уделить возможностям использования дистанционного формата режима работы. Удаленная работа позволит женщинам с детьми не только лучше контролировать свой распорядок дня, но и больше времени проводить со своими детьми и близкими, заниматься хобби.

Вышеназванные проблемы требуют новых подходов для создания условий занятости женщин с детьми. Комплексный подход к созданию условий, которые позволят эффективно совмещать женщинам уход за детьми (материнство) и работу, будет способствовать повышению рождаемости, росту доходов семей, а также обеспечению кадрами экономики страны.

Литература

1. Щербакова Е. Предварительные демографические итоги 2022 г. в России (ч. I) // Демоскоп Weekly. – 2023. – № 979–980. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom01.php>.
2. Архангельский В. Н., Фадеева Т. А. Резервы повышения рождаемости в России: к методике оценки // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – № 2. – С. 162–176.

3. *Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П.* Репродуктивные установки современной молодежи: воспроизводство родительской или формирование оригинальной модели? // Социология в постглобальном мире: материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2022. – С. 797–799.
4. *Захаров С. В., Чурилова Е. В.* Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – № 4 (40). – С. 77–104.
5. *Чурилова Е. В., Захаров С. В.* Качество семейных отношений, намерения расстаться и их реализация у мужчин и женщин в России // Женщина в российском обществе. – 2022. – № 3. – С. 131–142.
6. *Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Гуляев С. Б.* Современная социально-политическая ситуация и демографическое развитие России // Alma Mater (Вестник Высшей Школы). – 2022. – № 2. – С. 7–16.
7. *Синельников А. Б.* Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. – 2022. – № 5. – С. 36–48.
8. *Синельников А. Б.* Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности // Социология. – 2022. – № 2. – С. 162–173.
9. *Филимонова И. В., Ивершинь А. В., Комарова А. В., Кривошеева О. И.* Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 1. – С. 55–69.
10. *Саитова Д. Г.* Особенности применения институционального подхода к анализу проталистской политики // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 4. – С. 126–135.
11. *Синдяшкина Е. Н.* Отражение демографической политики в показателях рождаемости в России // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 42 (1). – С. 75–85.
12. *Попова Л. А.* Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 2 – С. 95–111.
13. *Смирнов В. А., Груздев В. В.* Семейная политика российского государства в условиях больших вызовов: основные проблемы и противоречия // Ars Administrandi. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 71–88.
14. *Ткаченко А. А.* Социально-экономическая оценка развития демографической ситуации в России // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 45 (4). – С. 89–97.
15. *Вишневский А. Г.* Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 6–50.
16. *Зубарев Н. Ю.* К вопросу об изучении демографических процессов: теория второго демографического перехода и концепция эпидемиологического перехода // Экономическая теория. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 12–16.
17. *Калмыкова Н. М.* Нужна ли демографии единая теория? // Демографическое обозрение. – 2022. – № 9 (4). – С. 160–166.
18. *Безвербный В. А., Бардакова Л. И.* Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – Т. 1, № 3. – С. 11–22.
19. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020: монография / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. – М. : ИТД «Перспектива», 2021. – 214 с.
20. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев. – М. : ООО «Объединенная редакция», 2020. – 156 с.
21. *Шабунова А. А.* Очерки к социально-демографическому портрету современной России: монография. – Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. – 272 с.
22. *Доброхлеб В.Г., Барсуков В. Н.* Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 89–102.
23. *Казенин К. И.* Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика // Экономическое развитие России. – 2021. – Т. 28, № 3. – С. 50–54.

24. Рыбаковский О. Л. Структурные волны населения России и ее регионов: вопросы оценки и сравнения // Народонаселение. – 2022. – № 1. – С. 65–79.
25. Буланова М. А. Оценка результативности демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа) // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 2 (99). – С. 61–72.
26. Морозова Л. Р. Социально-демографическая политика и помощь молодым семьям в разрезе нескольких десятилетий: федеральные и региональные аспекты // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 12. – С. 4521–4540.
27. Ионцев В. А. Современные особенности демографического развития России и ее регионов // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. Н. В. Яковенко. – Воронеж : Цифровая полиграфия, 2020. – С. 37–42.
28. Захаров С. В. Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях // Naselenie Review, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria. – 2019. – Т. 37, № 1. – С. 209–243.
29. Хасанова Р. Р., Зубаревич Н. В. Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. – 2021. – № 1. – С. 77–87.
30. Макаренцева А. О., Мкртчян Н. В., Зубаревич Н. В. Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г. // Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27, № 10. – С. 73–88.
31. Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е. П., Архангельский В. Н. Уровень жизни и рождаемость: взаимосвязь двух неравенств на макро- и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – № 3. – С. 38–51.
32. Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. – 2021. – Спец. вып. – С. 3–24.
33. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 г.: [монография] / С. В. Рязанцев [и др.]; отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. – М. : Проспект, 2023. – 448 с.
34. Щербакова Е. Число родившихся в России продолжает снижаться, сократившись до 1306 тысяч человек, или 9% за январь–декабрь 2022 г. // Демоскоп Weekly. – 2023. – № 979–980. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom04.php>.
35. Гокова О. В. Социально-экономическое исследование отношения молодежи к институту брака (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2015. – № 2. – С. 137–144.

References

1. Shcherbakova E. Preliminary demographic results of 2022 in Russia (pt. I). *Demoskop Weekly*, 2023, Vol. 979-980, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom01.php>. (in Russian).
2. Arkhangelsky V.N., Fadeeva T.A. Reserves for increasing fertility in Russia: to the assessment methodology. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 2022, No. 2, pp. 162-176. (in Russian).
3. Sivopliasova S.Yu., Sigareva E.P. Reproductive attitudes of today's youth: reproduction of the parent or the formation of the original model? *Sociology in the post-global world: materials of the All-Russian scientific conference*, 2022, pp. 797-799. (in Russian).
4. Zakharov S.V., Churilova E.V. Religion, religiosity and fertility in Russia. Is there a relationship? *State, religion, church in Russia and abroad*, 2022, Vol. 4, no. 40, pp. 77-104. (in Russian).
5. Churilova E.V., Zakharov S.V. The quality of family relations, intentions to part and their implementation among men and women in Russia. *Woman in Russian society*, 2022, Vol. 3, pp. 131-142. (in Russian).
6. Rostovskaya T.K., Egorychev.M., Gulyaev S.B. The modern socio-political situation and demographic development of Russia. *Alma Mater (Bulletin of the Higher School)*, 2022, no. 2, pp. 7-16. (in Russian).

7. Sinelnikov A.B. Separation of generations in families as a factor in reducing fertility. *Sociological research*, 2022, pp. 36-48. (in Russian).
8. Sinelnikov A.B. Family and demographic policy and ways to improve its effectiveness. *Sociology*, 2022, pp. 162-173. (in Russian).
9. Filimonova I.V., Ivershin A.V., Komarova A.V., Krivosheeva O.I. Factors influencing the decision to have a child and the number of children in women in Russia. *Population*, 2023, Vol. 26, no. 1, pp. 55-69. (in Russian).
10. Saitova D.G. Features of the application of the institutional approach to the analysis of pronatalist policy. *Population*, 2022, Vol. 25, no. 4, pp. 126-135. (in Russian).
11. Sindiyashkina E.N. Reflection of demographic policy in terms of fertility in Russia. *Social and labor research*, 2021, Vol. 42, no. 1, pp. 75-85. (in Russian).
12. Popova L.A. Reproductive attitudes of young real generations in the context of strengthening demographic policy measures. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences*, 2022, no. 2, pp. 95-111. (in Russian).
13. Smirnov V.A., Gruzdev V.V. Family policy of the Russian state in the face of great challenges: main problems and contradictions. *Ars Administrandi*, 2021, Vol. 13, no. 1, pp. 71-88. (in Russian).
14. Tkachenko A.A. Socio-economic assessment of the development of the demographic situation in Russia. *Social and labor research*, 2021, Vol. 45, no. 4, pp. 89-97. (in Russian).
15. Vishnevsky A.G. Epidemiological transition and its interpretation. *Demographic Review*, 2020, Vol. 7, no. 3, pp. 6-50. (in Russian).
16. Zubarev N.Yu. To the question of the study of demographic processes: the theory of the second demographic transition and the concept of the epidemiological transition. *Economic theory*, 2019, Vol. 1, no. 4, pp. 12-16. (in Russian).
17. Kalmykova N.M. Does demography need a unified theory? *Demographic review*, 2022, Vol. 9, no. 4, pp. 160-166. (in Russian).
18. Bezverbny V.A., Bardakova L.I. Demographic transition in the CIS countries: trends and preliminary results. *DEMIS. demographic research*, 2021, Vol. 1, no. 3, pp. 11-22. (in Russian).
19. *Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report – 2020: monograph* / T.K. Rostovskaya, A.A. Shabunova, V.N. Arkhangelsky, Moscow, 2021, 214 p. (in Russian).
20. *Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National Demographic Report – 2020* / S.V. Ryazantsev, V.N. Arkhangelsky, O.D. Vorobyova, Moscow, 2020, 156 p. (in Russian).
21. Shabunova A.A. *Essays on the socio-demographic portrait of modern Russia: monograph*, Volgda, 2022, 272 p. (in Russian).
22. Dobrokhleb V.G. Demographic theories and the regional aspect of population aging. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2017, no. 6, pp. 89-102. (in Russian).
23. Kazenin K.I. Birth rate in Russia in 2020: regional dynamics. *Economic development of Russia*, 2021, Vol. 28, no. 3, pp. 50-54. (in Russian).
24. Rybakovsky O.L. Structural waves of the population of Russia and its regions: issues of assessment and comparison. *Population*, 2022, No. 1, pp. 65-79. (in Russian).
25. Bulanova M.A. Evaluation of the effectiveness of demographic policy to stimulate the birth rate (on the example of the Far Eastern Federal District). *Power and management in the East of Russia*, 2022, Vol. 2, no. 99, pp. 61-72. (in Russian).
26. Morozova L.R. Socio-demographic policy and assistance to young families in the context of several decades: federal and regional aspects. *Creative Economy*, 2021, Vol. 15, no. 12, pp. 4521-4540. (in Russian).
27. Iontsev V.A. Modern features of demographic development of Russia and its regions. *International Demographic Forum: materials of the meeting*, Voronezh, 2020, pp. 37-42. (in Russian).
28. Zakharov S.V. Fertility trends in Russia over the past four decades: an analysis taking into account the probability of having another child in conditional and real generations. *Naselenie Review, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria*, 2019, Vol. 37, no. 1, pp. 209-243. (in Russian).
29. Khasanova R.R., Zubarevich N.V. Fertility, mortality of the population and the situation of the regions at the beginning of the second wave of the pandemic. *Economic development of Russia*, 2021, No. 1, pp. 77-87. (in Russian).

30. Makarentseva A.O., Mkrtychyan N.V., Zubarevich N.V. Demographic situation and socio-economic development of Russian regions in the first half of 2020. *Economic development of Russia*, 2020, Vol. 27, no. 10, pp. 73-88. (in Russian).

31. Sivoplyasova S.Yu., Sigareva E.P., Arkhangelsk V.N. Standard of living and fertility: the relationship of two inequalities at macro and micro levels. *Economy. Taxes. Pravo*, 2022, no. 3, pp. 38-51. (in Russian).

32. Arkhangelsky V.N., Rostovskaya T.K., Vasil'eva E.N. Influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: gender aspect. *Woman in the Russian society*, 2021, Spec. iss., pp. 3-24. (in Russian).

33. *Russian society and the state in the context of the formation of a new world order: the demographic situation in 2022* / S.V. Ryazantsev [and others]; resp. ed. S.V. Ryazantsev, T.K. Rostov, Moscow, 2023, 448 p. (in Russian).

34. Shcherbakova E. The number of births in Russia continues to decline, falling to 1306 thousand people, or 9‰ in January-December 2022. *Demoscope Weekly*, 2023, no. 979-980. available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0979/barom04.php>. (in Russian).

35. Gokova O.V. Socio-economic study of the attitude of young people to the institution of marriage (on the example of the Omsk region). *Bulletin of the Omsk University. Series Economics*, 2015, No. 2, pp. 137-144. (in Russian).

Сведения об авторе

Гокова Ольга Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами

Адрес для корреспонденции: 644053, Россия, Омск, пл. Лицкевича, 1

E-mail: gokovaov@omsu.ru

РИНЦ AuthorID: 649028

About the author

Olga V. Gokova – PhD in Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management

Postal address: 1, Litskevicha pl., Omsk, 644053, Russia

E-mail: gokovaov@omsu.ru

RSCI AuthorID: 649028

Для цитирования

Гокова О. В. Риски и вызовы на пути реализации цели сохранения численности и простого воспроизводства населения России (часть 2) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 86–95. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).86-95.

For citations

Gokova O.V. Risks and challenges to the implementation of the goals of preserving the number and simple reproduction of the Russian population (part 2). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 86-95. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).86-95. (in Russian).

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ НАГРУЗКИ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЕГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А.М. Киселева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
21 июля 2023 г.

Дата принятия в печать
15 сентября 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Сельскохозяйственный потенциал, природно-ресурсный потенциал, экология, регион, устойчивое развитие, продовольственная безопасность, потребление сельскохозяйственной продукции

Аннотация. Исследование посвящено детализации содержания потребления сельскохозяйственного потенциала региона, определяющего формат устойчивого развития. Автор, продолжая исследовать динамические процессы устойчивого развития и соответствующие субъектно-объектные взаимосвязи, в данной статье через призму анализа сельскохозяйственного потенциала уделил внимание вопросам продовольственной безопасности региона. В связи с этим в статье раскрываются проблемы потребительской нагрузки сельскохозяйственной отрасли на качество жизни и сбалансированное развитие территории, учитывая природно-ресурсные возможности субъекта Российской Федерации. Выделены ключевые параметры сельскохозяйственного потенциала, объясняющие его взаимозависимость от природно-ресурсной комбинаторики, экологического состояния региона. Показана и обоснована связь эффективности функционирования сельскохозяйственной отрасли с устойчивостью социально-экономических процессов региона с учетом численности населения и требованиями к продовольственной безопасности территории. Подчеркнута неоднозначность и необходимость аккуратного использования оценки состояния природно-экологического потенциала территории, учета ее в разработке политических мероприятий по управлению устойчивым развитием региона. Доказана значимость отслеживания показателей национальных и международных целей устойчивого развития для разработки системы мониторинга устойчивого развития региона. Представлены статистические динамические данные, характеризующие равновесность сельскохозяйственного потенциала Омской области, выведенной в качестве эмпирического объекта исследования. В данном исследовании еще раз акцентировано внимание и представлено обоснование необходимости разработки системы мониторинговых мероприятий органами власти, обусловленных требованием обеспечения устойчивого развития, которое должно включать и вопросы продовольственной безопасности региона. В заключение сделан вывод о комплексном подходе к управлению устойчивым развитием региона, отражающим потребности основных субъектов управления и снижение угроз продовольственной безопасности региона.

IMPACT OF CONSUMER LOAD ON THE AGRICULTURAL POTENTIAL OF THE REGION IN CONDITIONS OF ITS SUSTAINABLE DEVELOPMENT

A.M. Kiseleva

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
July 21, 2023

Accepted
September 15, 2023

Type paper

Analytical paper

Abstract. The study is devoted to detailing the content of consumption of the agricultural potential of the region, which determines the format of sustainable development. The author, continuing to explore the dynamic processes of sustainable development and the corresponding subject-object relationships, paid attention to the issues of food security of the region through the prism of agricultural potential analysis. In this regard, the article reveals the problems of the consumer load of the agricultural industry on the quality of life and balanced development of the territory, taking into account the natural resource capabilities of the subject of the Russian Federation. The article highlights the key parameters of agricultural potential, explaining its interdependence on natural resource combinatorics, the ecological state of the region. The author shows and substantiates the relationship between the efficiency of the functioning of the agricultural sector and the sustainability of social and economic processes in the region, taking into account the population and the requirements for food security of the territory. The article emphasizes the ambiguity and the need for careful use of the assessment of the state of the natural and ecological potential of the territory, taking it into account when

Keywords

Agricultural potential, natural resource potential, ecology, region, sustainable development, food security, consumption of agricultural products

developing policy measures to manage the sustainable development of the region. The author proves the importance of tracking indicators of national and international sustainable development goals for the development of a system for monitoring the sustainable development of the region. The article presents statistical dynamic data characterizing the equilibrium of the agricultural potential of the Omsk region, derived as an empirical object of research. This study provides a justification for the need to develop a system of monitoring measures by the authorities, conditioned by the requirement to ensure sustainable development, which should include issues of food security in the region. The author concludes on an integrated approach to managing the sustainable development of the region, reflecting the needs of the main subjects of management and reducing threats to the food security of the region.

1. Введение. Сельскохозяйственный потенциал региона является фундаментом устойчивого развития территории, обеспечивая продуктивную и пространственную стабильность. Свое место в этих процессах занимает природно-ресурсный и экологический потенциал. Приемлемый для обеспечения качества жизни населения региона сельскохозяйственный потенциал формируется в условиях достаточности природно-ресурсных возможностей и экологического благополучия территории. Понимание того, из чего может складываться региональная сельскохозяйственная и продовольственная база, влияющая на сбалансированность социально-экономического развития, послужило основой для текущего исследовательского вектора. В основе данного исследования лежат предыдущие публикации [1–3], посвященные вопросам устойчивого развития в динамической проекции и субъектным характеристикам процесса управляемости регионом.

По мнению D. Meadows, J. Randers and D. Meadows, зависимость между запросами человечества в мировом масштабе и тем, что физически может предоставить ему планета является нагрузкой на окружающую среду [4, с. 28]. Потребительская нагрузка на сельскохозяйственную отрасль влечет за собой соблюдение требования к обеспечению и удержанию устойчивого развития территории. Это определяет и необходимость сохранения региональной продовольственной безопасности в сложившихся экологических условиях окружающего пространства и природно-ресурсных возможностей. Качество жизнедеятельности и жизнеобеспечения территории, способность роста в иных секторах экономики также напрямую зависит от состояния и функциональности сельскохозяйственного потенциала. Данный ракурс приводит к очевидности постановки проблемы, заключаемой в исследовании взаимобусловленного влияния потребительской нагрузки сельскохозяйственного потенциала на

характер устойчивого развития. Такое влияние сопровождается системными социально-экономическими и управленческими процессами, протекающими в регионе, и определяющих необходимость приложения совместных усилий всех ключевых субъектов управления по снижению угроз продовольственной безопасности и сохранению устойчивости региона.

2. Обзор литературы. Исследовательские вопросы, посвященные устойчивому развитию, задаются учеными все чаще. Но в рамках данной темы стоит подчеркнуть многозначность термина «sustainable development», а также его и генезис, который сконцентрирован был именно на ракурсе качественного развития локальных экосистем для обеспечения их равновесия. Это еще раз подчеркивает основополагающую цель устойчивого развития – обеспечение и сохранение для текущих и будущих поколений экологически чистого окружающего пространства. За этим стоит и производство максимально экологически чистой сельскохозяйственной продукции, позволяющей формировать качественную жизненную среду общества.

Стоит подчеркнуть, что численность населения растет быстро и, соответственно, возрастает потребительская нагрузка сельского хозяйства, что не может не создавать сложность в балансировке общеэкономических и социальных трендов территорий. Растет и воздействие человека на окружающую среду.

Говоря о необходимости устойчивого развития в локальном масштабе – масштабе региона – требуется понять важность пересмотра тех политических направлений, которые отвечают за социально-экономическое, природно-ресурсное, экологическое состояние территории.

В Российской Федерации правовые вопросы обеспечения продовольственной безопасности являются элементом стратегического планирования в рамках Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, которая отражает ориентиры националь-

ной продовольственной независимости, а также риски и угрозы обеспечения продовольственной безопасности государства и его территорий [5].

Теоретико-методологические вопросы устойчивого развития регионов поднимались в работах А.Г. Гранберга [6], Б.М. Миркина и Л.Г. Наумовой [7], Р.И. Шнипера [8] и ряда других. В перечне зарубежных авторов можно отметить С. Allen, G. Metternicht and T. Wiedmann [9], A. Breuer, H. Janetschek and D. Malerba [10], E.S. Brondizio, M.C. Lemos, D. Guan et al. [11], J. Rifkin [12], A. Peccei [13], B. Walker, AS. Stépin, M. Nyström et al. [14] и др. О проблемах обеспечения региональной продовольственной безопасности писали Н.А. Кузнецова, Л.В. Зинич, Е.А. Асташова [15], В.Ф. Стукач, Н.П. Старовойтова, О.В. Кондратьева и др. [16], О.Н. Крюкова и О.В. Шумакова [17] и т. д. Ресурсно-экологический акцент был сделан в исследованиях В.В. Юрак, М.Н. Игнатъевой, И.Г. Полянской [18], Z. Bakaki [19], N.Z. Uludere Aragon, N.C. Parker, A. VanLooske [20], и др. В работах Т.Н. Беловой, И.Н. Чернышева и Р.С. Губанова [21], П.П. Великого [22], В.Г. Виноградского и О.Я. Виноградской [23], А.П. Потапова [24], Д.Ю. Самыгина, Н.Г. Барышникова и Л.А. Мизюркиной [25], И.Г. Ушачева, В.В. Масловой и А.В. Колесникова [26] и др. можно увидеть анализ сельскохозяйственного потенциала.

3. Гипотеза исследования. Потребительскую нагрузку сельскохозяйственного потенциала региона можно определить через способность территории обеспечить продукцией сельского хозяйства населения и удовлетворить его потребности, а также как фактор отражения природно-ресурсных и экологических возможностей территории в процессе сельскохозяйственного производства с учетом количественных и качественных аспектов. Продовольственный вызов, обусловленный возможностями продуктового самообеспечения населения и территории [25, с. 870], представляет существенную угрозу и для устойчивого развития регионов. Проблемы продовольственной безопасности, отражающие территориальные природно-ресурсные возможности и экологическое самочувствие регионов, задают поле для анализа и разработки органами власти политико-управленческих мер по улучшению ситуации.

Как было сказано ранее [3], исследовательские материалы, посвященные условиям устойчивого развития, не обладают системностью с точки зрения внимания к разным аспектам устойчивого развития территории и их взаимосвязи и влиянии друг на друга. В данной работе цель исследования акцентируется на качестве устойчивого развития региона, обусловленном соблюдением продовольственной безопасности региона, и определяется с этой точки зрения как необходимость обоснования роли и силы влияния нагрузки сельскохозяйственного потенциала на состояние устойчивости территории. В этом ключе выдвигаемая нами гипотеза исследования формулируется на основе предположения о взаимообусловленности потребительской нагрузки сельскохозяйственного потенциала на качество жизнедеятельности и жизнеобеспечения устойчивого развития региона. В свою очередь, равновесное состояние и гибкое адаптирование регионального развития под запросы территории, формирует достаточность сельскохозяйственного потенциала для самообеспечения и удовлетворения потребительских интересов.

Как в предыдущих статьях, эмпирическим объектом является Омская область, сохраняющая характеристики старопромышленного и сельскохозяйственного региона в историческом прошлом и перспективе. Данная работа имеет прикладной характер, что обусловлено необходимостью аналитического взгляда на сложившуюся практику управления устойчивым развитием области. Это объясняет использование статистического метода для представления динамики процессов влияния сельскохозяйственного потенциала на устойчивость равновесного состояния региона и его продовольственной безопасности.

4. Результаты исследования. В данной статье мы показали роль и место потребительской нагрузки сельскохозяйственного потенциала в системе управления территорией во взаимосвязи с целеполаганием устойчивого развития. Учет включения природно-ресурсных и экологических условий в практику действия сельскохозяйственного фактора является дополнительным компонентом и аспектом обеспечения устойчивости региона. Ранее было отмечено [3], природно-ресурсный потенциал формирует неизменяемые для региона условия, экологический – трудно изменяемые, что требует особого внимания при разработке

сбалансированных мероприятий по управлению территориям.

Как доказывают D. Meadows, J. Randers and D. Meadows, источники природных, сельскохозяйственных ресурсов и стоки (отходы) могут влиять друг на друга. Ведь один и тот же элемент природного ресурса может выступать в качестве и источника, и стока одновременно. Например, земельный участок может быть источником, который позволяет выращивать зерновые культуры, и стоком для кислотного дождя, вызванного загрязнением воздуха [4, с. 77]. Данный пример свидетельствует о проблеме эффективности задействования земельных участков в сельскохозяйственном обороте в случае нарастания экологической неблагоприятной обстановки, что, в свою очередь, представляет вызов для сохранения устойчивости и продовольственной безопасности региона.

В этой связи главной целью устойчивого развития (ЦУР), на которое стоит обращать пристальное внимание, становится ЦУР 2 «Ликвидация голода». Национальная трактовка данной ЦУР определяется как ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства на территории всего государства и в его регионах. Показатели национальных ЦУР позволяют частично отразить состояние и характер воздействия на устойчивость территории сельскохозяйственного фактора. В тоже время не все национальные ЦУР формируются одновременно в общегосударственном и региональном измерении, что усложняет отслеживание в динамике потребительской нагрузки сельскохозяйственного потенциала на локальных территориях (табл. 1).

Таблица 1. Показатели национальной ЦУР 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»

Table 1. Indicators of the national SDG 2 "Zero hunger, ensure food security and improved nutrition, promote sustainable agriculture"

<i>Территории / Годы</i>	<i>2018</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>
<i>Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения, по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности, %</i>				
Российская Федерация	6,2 – умеренный и острый уровень; 0,3 – острый (тяжелый) уровень	Нет данных	5,7 – умеренный и острый уровень; 0,3 – острый (тяжелый) уровень	4,6 – умеренный и острый уровень; 0,3 – острый (тяжелый) уровень
<i>Доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду, %</i>				
Российская Федерация	0,9	0,5	0,2	0,1
Сибирский федеральный округ	1,0	0,9	0,7	0,3
<i>Распространенность задержки роста среди детей в возрасте до пяти лет (среднеквадратичное отклонение от медианного показателя роста к возрасту ребенка в соответствии с нормами роста детей, установленными ВОЗ), %</i>				
Российская Федерация	10,6	Нет данных	Нет данных	Нет данных
<i>Индекс производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах к предыдущему году</i>				
Российская Федерация	99,8	104,3	101,3	99,6
Омская область	101,1	96,6	100,2	101,9
<i>Доля животных отечественной репродукции, используемых для целей сельскохозяйственного производства на территории Российской Федерации</i>				
Российская Федерация	93,5	93,4	93,4	94,3

Примечание. Сост. на основе анализа: Данные по показателям ЦУР. Росстат (<https://rosstat.gov.ru/sdg/data>).

Также стоит подчеркнуть, что в России данный момент разрабатываются не все международные показатели ЦУР, что снижает информативность мониторинговых процессов, и, как следствие, отсутствует возможность анализировать в развернутом варианте комплексное

целеполагание устойчивого развития региона. Интерес вызывают, например, «доля площади сельскохозяйственных угодий, на которых применяются продуктивные и неистощительные методы ведения сельского хозяйства», «индекс ориентированности на сельское хозяйст-

во, определяемый по структуре государственных расходов», «субсидирование экспорта сельскохозяйственной продукции» и т. д. (<https://rosstat.gov.ru/sdg/data> (дата обращения: 18.07.2023)). Потребность в таком подходе обусловлена требованиями к разработке системы мониторинга устойчивого развития региона на основе методологии системной динамики [1–3, 27].

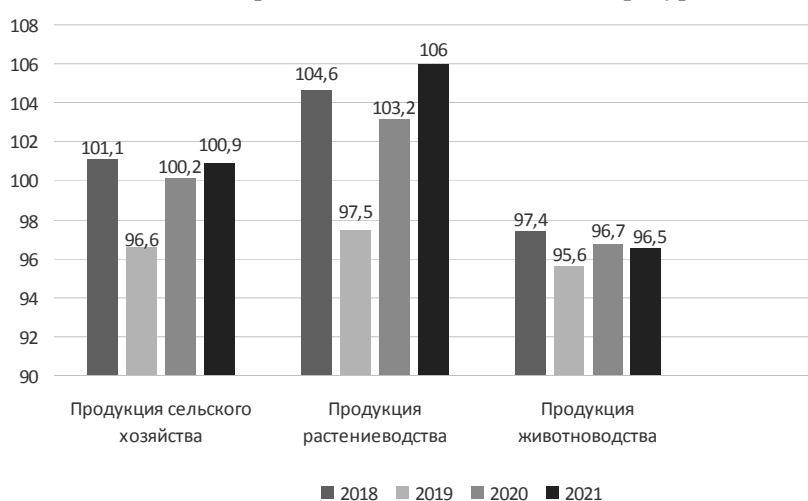
Вопросы организации системы мониторинга за реализацией показателей целей устойчивого развития завязаны на представлении и содержании субъектности. В этой связи, следует выделить еще одну проблему – отсутствие комплексного взгляда на субъектов управления, ответственных за работу с национальными целями и показателями устойчивого развития. Так, например, за данные по площадям рекультивированных земель отвечает Росприроднадзор, за расчеты индекса производства продукции сельского хозяйства – Министерство сельского хозяйства РФ. При этом не формируется единая, используемая в реальной управленческой практике, информационная база с совместным доступом всех ответственных субъектов управления устойчивым развитием.

Выбранный для исследования эмпирический объект – Омская область – является не только старопромышленным, но и исторически сложившемся высокоразвитым сельскохозяйственным регионом. Регион входит в первую десятку сельскохозяйственных регионов по Российской Федерации и занимает одну из ведущих позиций после Новосибирской об-

ласти и Красноярского и Алтайского края в Сибирском Федеральном округе.

Достаточность природных и сельскохозяйственных ресурсов обеспечивает рост населения, определяет продовольственную безопасность и качество жизнедеятельности территории, снижает риск адаптации к внешнерегionalным вызовам. Противоположный тренд, на который накладывается экологическая нестабильность и загрязнение окружающей среды, приводит к уменьшению численности населения, росту коэффициента смертности и снижению коэффициента рождаемости. Это, в свою очередь, вызывает процесс спада объемов и качества производства продуктов питания, что в итоге влияет на разбалансировку состояния региональной системы. Как подчеркивал Дж. Форрестер, численность населения на территории всегда находится в соответствии с обеспеченностью пищей [27, с. 42].

Как было сказано в предыдущем анализе [3], индекс производства сельскохозяйственной продукции имеет неустойчивый тренд (рис.). В силу того, что данный показатель ЦУР является основным в аналитике устойчивого развития можно говорить об уязвимости региона в обеспечении продовольственной безопасности при сохранении неблагоприятных процессов. Детальный мониторинг устойчивого развития региона должен включать в себя, в том числе, проблемы в производстве конкретных видов продукции и по конкретным сельскохозяйственным организациям, чтобы учесть эти данные в системе ресурсных показателей региона.

Индекс производства сельскохозяйственной продукции Омской области по всем сельскохозяйственным организациям (<https://omsk.gks.ru/agriculture>)
 Index of agricultural production of the Omsk region for all agricultural organizations (<https://omsk.gks.ru/agriculture>)

Сельскохозяйственные площади области также характеризуются нестабильным количественным параметром (табл. 2).

Вывод из оборота и снижение площадей сельскохозяйственных угодий в Омском регионе оказывают отрицательное влияние на устойчивое развитие региона по нескольким причинам:

1. Сокращение производства продукции сельскохозяйственной отрасли, проблема достаточности сельскохозяйственного потенциала региона. Уменьшение площадей сельскохозяйственных угодий приводит к снижению объемов продовольствия, что может привести к его дефициту в регионе и увеличению зависимости от импорта и ввоза с других регионов. В перспективе это негативно сказывается на социально-экономическом жизнеобеспечении региона, возникают угрозы безопасности питания.

2. Ухудшение экологической ситуации, поскольку такое сокращение сельскохозяйственных площадей может привести к увеличению использования химических удобрений и пестицидов для повышения урожайности на сохранившихся в обороте угодьях. В свою очередь, это может негативно сказаться на качестве окружающей среды, экологической ситуации в регионе, включая загрязнение почвы и воды, ухудшение качества воздуха и потерю регионального биоразнообразия.

3. Социальные последствия. За негативными процессами снижения масштабов сельскохозяйственных угодий следуют проблемы сокращения численности рабочих мест в сельском хозяйстве и ухудшению жизненного

уровня сельских жителей. Это может привести к миграции сельского населения в города, увеличению социальной напряженности в регионе, утрате традиционного культурного наследия региона.

Ключевой в этом списке является первая причина. С одной стороны, она непосредственно генерирует угрозу продовольственной безопасности региона, но с другой стороны, необходимо одновременно оценивать интенсивность использования активных площадей сельскохозяйственных угодий. С одной стороны, стоит говорить именно о достаточности собственной сельскохозяйственной продукции для поддержания соответствующего уровня жизни населения региона, с другой стороны, следует понимать термин «достаточность» с точки зрения потребительской нагрузки на сельскохозяйственный потенциал территории и осознания пределов региональных природных ресурсов, включая перспективы обеспечения будущего поколения.

Для понимания силы влияния первой причины в ее анализ необходимо включать уровень самообеспечения населения региона основными видами продукции. Так, уровень обеспечения населения Омской области основными видами собственной сельскохозяйственной продукции, как правило, превышает 100%. В тоже время одновременно в анализ следует включать динамику качества продуктов питания, ресурсную нагруженность, специализацию, производственную и территориальную емкость сельскохозяйственных субъектов хозяйствования (см. табл. 2, 3).

Таблица 2. Объемы площадей сельскохозяйственных угодий Омской области в динамике

Table 2. The volume of agricultural land in the Omsk region in dynamics

	Сельскохозяйственные организации		Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели		Личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан	
	2016	2021	2016	2021	2016	2021
Общая площадь сельскохозяйственных угодий, гектаров	2 165 576	1 882 501	1 539 111	1 606 404	387 089	266 007
Из общей площади сельскохозяйственных угодий фактически использовались, гектаров	2 103 547	1 797 604	1 508 199	1 560 924	227 341	118 782
Неиспользуемая площадь сельскохозяйственных угодий, га	62 029	84 897	30 912	45 480	159 748	147 225
В среднем на одну организацию общая площадь сельскохозяйственных угодий, гектаров	3 799	4 941	639	898	1,8	1,1

Таблица 3. Динамика поголовья сельскохозяйственных животных в регионе

Table 3. Dynamics of the number of farm animals in the region

	Сельскохозяйственные организации		Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели		Личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан	
	2016	2021	2016	2021	2016	2021
Поголовье крупный рогатый скот, голов	1 268	1 315	86	126	4	5
из него коровы	493	561	37	53	2	2
Поголовье свиней, голов	16 711	15 751	109	303	5	4
Поголовье птицы, голов	265 249	261 166	576	1 172	32	28

Примечание. Таблицы 2 и 3 сост. по: Сельскохозяйственная микроперепись 2021 г. Омскстат (<https://omsk.gks.ru/shmp-2021>).

Структурный анализ производства показывает, что по итогу 2021 г. возделывание зерновых культур в основном сосредоточено в сельскохозяйственных организациях и КФХ. Картофель и овощи в основном выращивают в

хозяйствах населения (60,5 % и 58,8 % соответственно). Производство скота, птицы на убой и молока преобладает в сельскохозяйственных организациях – 71,2 % и 54,9 % соответственно (табл. 4).

Таблица 4. Структура производства основных видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (в % от общего объема производства)

Table 4. Structure of production of main types of agricultural products by categories of farms (in % of total production)

	Сельскохозяйственные организации	Хозяйства населения	Крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ)
Зерно	50,7	1,6	47,7
Картофель	19,5	55,1	25,4
Овощи	34,0	50,9	15,1
Скот и птица на убой	73,0	24,3	2,7
Молоко	55,2	37,7	7,1
2020			
Зерно	48,1	1,4	50,5
Картофель	17,8	52,1	30,1
Овощи	31,8	54,1	14,0
Скот и птица на убой	72,7	24,4	2,9
Молоко	55,6	36,8	7,6
2021			
Зерно	47,2	1,2	51,6
Картофель	15,1	60,5	24,4
Овощи	26,6	58,8	14,7
Скот и птица на убой	71,2	25,5	3,4
Молоко	54,9	36,7	8,3

Примечание. Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>).

В Омском регионе достаточно субъектов хозяйствования сельскохозяйственного профиля и довольно хорошие показатели производства продукции сельского хозяйства, что

позволяет обеспечивать продуктами питания население региона и учреждения социальной сферы. Но прослеживается очевидная отрицательная динамика практически по всем видам

сельскохозяйственной продукции у сельскохозяйственных организаций. С учетом одновременного сильного снижения у этих организаций используемых угодий (см. табл. 2), и численности самих организаций, следует сделать вывод о низком уровне интенсификации производственной деятельности сельскохозяйственных организаций.

5. Заключение. В качестве вывода стоит отметить, что для обеспечения устойчивого развития Омского региона основным субъектам управления сельскохозяйственным потенциалом необходимо предпринимать меры по сохранению, расширению и нехимической интенсификации использования площадей сельскохозяйственных угодий. Это может быть достигнуто через поддержку сельского хозяйства, разработку эффективных механизмов землепользования, внедрение инновационных и цифровых технологий в сельском хозяйстве и развитие альтернативных источников дохода для сельских жителей.

Специфика сельскохозяйственного производства – сильная зависимость от погодных условий, высокий удельный вес других случайных факторов, влияющих на результат

(болезни и вредители растений и т. д.) – задает высокие риски формирования и удержания сельскохозяйственного потенциала, что важно учитывать при разработке мероприятий по управлению устойчивым развитием региона. Для этих целей и следует говорить о разработке системы мониторинга устойчивого развития, которая должна включать в себя весь ресурсно-объектный блок и единую подсистему субъектов управления сельскохозяйственным, природно-ресурсным и экологическим потенциалом. Ресурсы региона, работающие на устойчивое развитие должны учитываться на основе динамической модели ресурсного потенциала, которая станет платформой для социально-экономических процессов, чья сбалансированность достигается механизмом территориальной саморегуляции. Как следствие, частным результатом такого системного подхода станет удержание и достаточность потребительской нагрузки сельскохозяйственного потенциала региона, снижение угроз продовольственной безопасности и сохранение сельскохозяйственного потенциала для будущих поколений в проекции обеспечения устойчивости развития территории.

Литература

1. Киселева А. М. Устойчивое развитие региона на основе баланса интересов населения, органов власти и бизнес сообщества. // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2021. – № 4. – С. 117–130. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(4).
2. Киселева А. М. Природно-ресурсный и экологический потенциал устойчивого развития старопромышленного региона: по материалам Омской области // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2022. – № 3. – С. 112–126. – DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(3).112-126.
3. Киселева А. М. Сельскохозяйственный потенциал устойчивого развития старопромышленного региона (по материалам Омской области) // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2023. – № 2.
4. Meadows D., Randers J., Meadows D. Limits to Growth. The 30-Year Update. – Chelsea Green Publishing, 2004. – 368 p.
5. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. Г. Гранберга, В. И. Данилова-Данилъяна, М. М. Циканова, Е. С. Шопхоева. – М. : Экономика, 2002. – 414 с.
7. Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Устойчивое развитие: учебное пособие. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. – 148 с.
8. Шнуров Р. И. Регион. Диагностика и прогнозирование. – Новосибирск, 1996. – 135 с.
9. Allen C., Metternicht G., Wiedmann T. Initial progress in implementing the Sustainable Development Goals (SDGs): a review of evidence from countries // Sustainability Science. – 2018. – Vol. 13. – P. 1453–1467.
10. Breuer A., Janetschek H., Malerba D. Translating Sustainable Development Goal (SDG) interdependencies into policy advice // Sustainability. – 2019. – Vol. 11, iss. 7. – P. 2092. – DOI: 10.3390/su11072092.

11. *Brondizio E. S., Lemos M. C., Guan D. et al.* Global Environmental Change: 30 years of interdisciplinary research on the human and policy dimensions of environmental change // *Global Environmental Change*. – 2021. – Vol. 71. – DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2021.102416.
12. *Rifkin J.* The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. – N.Y. : St. Martin's Press, 2011. – 304 p.
13. *Peccei A.* The Human Quality. – Oxford ; New York : Pergamon Press, 1977.
14. *Walker B., Crépin A. S., Nyström M. et al.* Response diversity as a sustainability strategy // *Nature Sustainability*. – 2023. – June. – P. 621–629. – DOI: 10.1038/s41893-022-01048-7.
15. *Кузнецова Н. А., Зинич Л. В., Асташова Е. А.* Анализ современного состояния и территориального размещения пищевой и перерабатывающей промышленности Омской области // *Продовольственная политика и безопасность*. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 345–358. – DOI: 10.18334/ppib.10.2.116785.
16. *Стукач В. Ф., Старовойтова Н. П., Кондратьева О. В., Долматова О. Н.* Индустриальная концепция формирования региональной инфраструктуры продовольственной помощи в регионе // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. – 2020. – № 2-1. – С. 39–54. – DOI: 10.34670/AR.2020.12.69.005.
17. *Крюкова О. Н., Шумакова О. В.* Обеспечение продовольственной безопасности: барьеры, инициативы, перспективы в трансграничных экосистемах // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. – 2022. – № 3. – С. 189–199. – DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.19.
18. *Юрак В. В., Игнатьева М. Н., Полянская И. Г.* Теория оценки ресурсов в экономике природопользования: территориальный аспект // *Экономика региона*. – 2021. – Т. 17, вып. 4. – С. 1059–1078. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-2.
19. *Bakaki Z.* Climate Variability and Transnational Migration: A Dyadic Analysis // *Sustainability*. – 2021. – Vol. 13, iss. 1. – P. 405. – DOI: 10.3390/su13010405.
20. *Uludere Aragon N. Z., Parker N. C., VanLoocke A. et al.* Sustainable land use and viability of biojet fuels // *Nature Sustainability*. – 2022. – November 14. – P. 158–168. – DOI: 10.7910/DVN/VBFLI2.
21. *Белова Т. Н., Чернышев И. Н., Губанов Р. С.* Продуктовые сегменты агропродовольственного рынка: единый подход или точечное государственное регулирование // *Экономика регионов*. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 511–523. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-16.
22. *Великий П. П.* Ограничения и вызовы в жизни начинающих фермеров: взгляд изнутри // *Социологические исследования*. – 2021. – № 10. – С. 158–163. – DOI: 10.31857/S013216250014948-5.
23. *Виноградский В. Г., Виноградская О. Я.* Фермерство: перемена поколений // *Социологические исследования*. – 2022. – № 5. – С. 92–100. – DOI: 10.31857/S013216250020154-2.
24. *Потапов А. П.* Оценка экспортного потенциала агропродовольственной сферы регионов России // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 2021. – № 8. – С. 14–20. – DOI: 10.31442/0235-2494-2021-0-8-14-20.
25. *Самыгин Д. Ю., Барышников Н. Г., Мизюркина Л. А.* Модели сценарного прогнозирования развития сельского хозяйства региона // *Экономика региона*. – 2019. – Т. 15, вып. 3. – С. 865–879. – DOI: 10.17059/2019-3-18.
26. *Ушачев И. Г., Маслова В. В., Колесников А. В.* Нарастивание объемов агропромышленного производства для обеспечения продовольственной безопасности и увеличения экспортного потенциала АПК России // *Экономика региона*. – 2022. – 18 (4). – С. 1178–1193. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-15.1.
27. *Форрестер Дж.* Мирровая динамика. – М. : Главная редакция физико-математической литературы изд-ва «Наука», 1978. – 168 с.

References

1. Kiseleva A.M. Sustainable development of the region based on the balance of interests of the population, authorities and the business community. *Bulletin of Omsk University. Economics series*, 2021, No. 4, pp. 117-130. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19 (4).117-129. (in Russian).
2. Kiseleva A.M. Natural resource and ecological potential of sustainable development of the old industrial region: based on materials from the Omsk region. *Bulletin of Omsk University. Economics series*, 2022, No. 3, pp. 112-126. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(3).112-126. (in Russian).

3. Kiseleva A.M. Agricultural potential of sustainable development of the old industrial region (based on the materials of the Omsk region). *Bulletin of the Omsk University. Economics Series*, 2023, No. 2. (in Russian).
4. Meadows D., Randers J., Meadows D. *Limits to Growth. The 30-Year Update*. Chelsea Green Publishing, 2004. 368 p.
5. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020, No. 20 “On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation”. SPS Consultant Plus. (in Russian).
6. *Strategy and problems of sustainable development of Russia in the XXI century* / ed. by A.G. Granberg, V.I. Danilov-Danilyan, M.M. Tsikanov, E.S. Shokhovev. Moscow, Economics publ., 2002. 414 p. (in Russian).
7. Mirkin B.M., Naumova L.G. *Sustainable development. Tutorial*. Ufa, RIC Bash GU, 2009. 148 p. (in Russian).
8. Shniper R.I. *Region. Diagnostics and forecasting*. Novosibirsk, 1996. 135 p. (in Russian).
9. Allen C., Metternicht G., Wiedmann T. Initial progress in implementing the Sustainable Development Goals (SDGs): a review of evidence from countries. *Sustainability Science*, 2018, Vol. 13, pp. 1453-1467.
10. Breuer A., Janetschek H., Malerba D. Translating Sustainable Development Goal (SDG) interdependencies into policy advice. *Sustainability*, 2019, Vol. 11, iss. 7, pp. 2092. DOI: 10.3390/su11072092.
11. Brondizio E.S., Lemos M.C., Guan D. et al. Global Environmental Change: 30 years of interdisciplinary research on the human and policy dimensions of environmental change. *Global Environmental Change*, 2021, Vol. 71. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2021.102416.
12. Rifkin J. *The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World*. N.Y., St. Martin's Press, 2011. 304 p.
13. Peccei A. *The Human Quality*. Oxford, New York, Pergamon Press, 1977.
14. Walker B., Crépin AS., Nyström M. et al. Response diversity as a sustainability strategy. *Nature Sustainability*, 2023, June, pp. 621-629. DOI: 10.1038/s41893-022-01048-7.
15. Kuznetsova N.A., Zinich L.V., Astashova E.A. Analysis of the current state and territorial distribution of the food and processing industry of the Omsk region. *Food Policy and Security*, 2023, Vol. 10, no. 2, pp. 345-358. DOI: 10.18334/ppib.10.2.116785. (in Russian).
16. Stukach V.F., Starovoitova N.P., Kondratieva O.V., Dolmatova O.N. Industrial concept of formation of regional food aid infrastructure in the region. *Economics: yesterday, today, tomorrow*, 2020, No. 2-1. pp. 39-54. DOI: 10.34670/AR.2020.12.69.005. (in Russian).
17. Kryukova O.N., Shumakova O.V. Ensuring food security: barriers, initiatives, prospects in transboundary ecosystems. *Human Science: Humanitarian Studies*, 2022, No. 3, pp. 189-199. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.19. (in Russian).
18. Yurak V.V., Ignatieva M.N., Polyanskaya I.G. Theory of resource assessment in environmental economics: territorial aspect. *Economics of the region*, 2021, Vol. 17, No. 4, pp. 1059-1078. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-2. (in Russian).
19. Bakaki Z. Climate Variability and Transnational Migration: A Dyadic Analysis. *Sustainability*, 2021, Vol. 13, iss. 1. DOI: 10.3390/su13010405.
20. Uludere Aragon N.Z., Parker N.C., VanLoocke A. et al. Sustainable land use and viability of biojet fuels. *Nature Sustainability*, 2022, November 14, pp. 158-168. DOI: 10.7910/DVN/VBFLI2.
21. Belova T.N., Chernyshev I.N., Gubanov R.S. Product segments of the agro-food market: a unified approach or point state regulation. *Economics of regions*, 2023, Vol. 19, no. 2, pp. 511-523. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-16. (in Russian).
22. Veliky P.P. Limitations and challenges in the life of novice farmers: an inside look. *Sociological research*, 2021, No. 10, pp. 158-163. DOI: 10.31857/S013216250014948-5. (in Russian).
23. Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Ya. Farming: generational change. *Sociological research*, 2022, No. 5, pp. 92-100. DOI: 10.31857/S013216250020154-2. (in Russian).
24. Potapov A.P. Assessment of the export potential of the agro-food sector of the regions of Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*, 2021, No. 8, pp. 14-20. DOI: 10.31442/0235-2494-2021-0-8-14-20. (in Russian).

25. Samygin D.Yu., Baryshnikov N.G., Mazyurkina L.A. Models of scenario forecasting for the development of agriculture in the region. *Economics of the Region*, 2019, Vol. 15, no. 3, pp. 865-879. DOI: 10.17059/2019-3-18. (in Russian).

26. Ushachev I.G., Maslova V.V., Kolesnikov A.V. Increasing the volume of agro-industrial production to ensure food security and increase the export potential of the Russian agro-industrial complex. *Economics of the Region*, 2022, Vol. 18, no. 4, pp. 1178-1193. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-15.1. (in Russian).

27. Forrester J. *World dynamics*. Moscow, The main edition of the physical and mathematical literature of the publishing house «Science», 1978. 168 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Киселева Альбина Мусаевна – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: albkis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6999-2955

Researcher ID: AAO-3871-2021

РИНЦ AuthorID: 342893

About the author

Albina M. Kiseleva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: albkis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6999-2955

Researcher ID: AAO-3871-2021

RSCI AuthorID: 342893

Для цитирования

Киселева А. М. Влияние потребительской нагрузки на сельскохозяйственный потенциал региона в условиях его устойчивого развития // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 96–106. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).96-106.

For citations

Kiseleva A.M. Impact of consumer load on the agricultural potential of the region in conditions of its sustainable development. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 96-106. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).96-106. (in Russian).

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (часть 2)

А.А. Кораблева¹, А.Г. Бреусова^{1,2}

¹ Омский научный центр СО РАН (Омск, Россия)

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
13 мая 2023 г.

Дата принятия в печать
15 июня 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Экономическая безопасность региона, система управления экономической безопасностью, зрелость системы управления, факторы и условия развития безопасности

Финансирование. Работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Аннотация. Развитие экономической безопасности региона (ЭБР) выступает ключевым фактором повышения устойчивости региональной экономики к современным вызовам и угрозам, на что указывает Стратегия экономической безопасности России до 2030 г. Условия ограничения сбыта и поставок, разрушение сложившихся логистических цепочек делают особенно актуальной задачу развития ЭБР. В то же время высокая степень абстрактности понятия экономической безопасности порождает все новые вопросы у исследователей, в том числе – в чем заключается развитие экономической безопасности, каким образом можно обеспечить это развитие и т. д. Развитие экономической безопасности подразумевает управление этим развитием. Однако ни в научном сообществе, ни в практике регионального управления еще не сложилось целостное представление о системе управления ЭБР. В этой связи предметом исследования выступает управление экономической безопасностью с позиций «как есть» и «как должно быть», для чего в статье анализируются сложившиеся практики управления и мониторинга, возможности взаимодействия субъектов и институциональная среда развития ЭБР. Проведенное исследование представлено в двух частях. Во второй части статьи обобщены ключевые элементы системы управления ЭБР. Введено понятие зрелости системы управления ЭБР как меры осознанности и готовности системы управления к успешной реализации задач обеспечения безопасности, предложен способ его оценки на основе выделенных элементов институциональной среды и Стратегии развития ЭБР. Представлены минимальные условия для развития ЭБР. Практическая значимость результатов заключается в возможности их применения органами региональной власти для совершенствования системы управления, мониторинга и развития экономической безопасности региона.

KEY ASPECTS OF THE ECONOMIC SECURITY DEVELOPMENT IN THE PRACTICE OF REGIONAL MANAGEMENT (part 2)

A.A. Korableva¹, A.G. Breusova^{1,2}

¹ Omsk Scientific Center SB RAS (Omsk, Russia)

² Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
May 13, 2023

Accepted
June 15, 2023

Type paper

Research paper

Abstract. The development of the economic security of the region (ESR) is a key factor in increasing the resilience of the regional economy to modern challenges and threats, as indicated by the Strategy of Economic Security of Russia until 2030. Conditions for restricting sales and supplies, and destruction of existing logistics chains make the task of developing the ESR especially urgent. At the same time, the high abstractness of the concept of economic security raises new questions for researchers, including what the development of economic security is, how this development can be ensured, etc. The development of economic security implies the management of this development. However, neither the scientific community nor the practice of regional management has yet developed a holistic view of the ESR management system. In this regard, the subject of the study is the management of economic security from the positions of "as it is now" and "as it should be". For this purpose, the article analyzes the established management and monitoring practices, the possibilities of interaction of subjects and the institutional environment of the development of the ESR. The conducted research is presented in two parts. The second part of the article summarizes the key elements of the ESR management system. The article introduces the concept of maturity of the ESR management system as a measure of awareness and readiness of the manage-

Keywords

Economic security of the region, economic security management system, maturity of the management system, factors and conditions for the development of security

ment system for the successful implementation of security tasks, suggests a way to assess it based on the identified elements of the institutional environment and the Strategy of the development of the ESR. The minimum conditions for the development of the ESR are presented. The practical significance of the results lies in the possibility of their application by regional authorities to improve the management system, monitoring and development of the economic security of the region.

Acknowledgements. The work was carried out according to the state task of the Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

1. Введение. Развитие экономической безопасности региона (далее – ЭБР) происходит через адаптацию элементов системы управления ЭБР к новым условиям, что повышает устойчивость региональной экономики к воздействию внешних и внутренних угроз. Адаптация по принципу «здесь и сейчас» необходима, когда условия меняются быстро и усложняются практики ведения бизнеса. Тогда органы власти должны оперативно принимать решения, в первую очередь, по направлению средств в наиболее нуждающиеся сферы и «точечной» корректировке нормативных правовых документов. Но если управление ЭБР перевести на стратегический уровень, то необходимо долгосрочное прогнозирование развития отраслей, что позволит выявить среди них перспективные, которые могут стать локомотивами диверсификации экономики и инновационного развития региона через 15–20 лет. Тогда возникнет необходимость формирования условий для их появления. Т. е. горизонт планирования задает требования к самой системе управления ЭБР. В данном исследовании мы говорим о сущностном содержании управления ЭБР, о том, какие ключевые факторы и условия должны присутствовать в системе управления безопасностью, чтобы она отвечала требованиям стратегического регионального управления.

2. Обзор литературы. Управление ЭБР невозможно без этапа мониторинга безопасности. В то же время современная экономическая парадигма не позволяет эффективно изучать и оценивать экономическую безопасность территорий [1, с. 24]. Стратегией экономической безопасности РФ определены 40 показателей безопасности¹, их часто принимают в качестве базовых с адаптацией к региональному уровню. В 2019 г. был опубликован проект паспортов целевых и предельно допустимых показателей экономической безопасности², где предельно допустимый уровень сигнализирует о необходимости оценки ситуации и разработке мер по её улучшению. Опуская развернув-

шуюся по поводу этого документа дискуссию [2, с. 2184], подобная логика должна реализовываться и на уровне регионов.

В научных кругах продолжается обсуждение перечня показателей ЭБР [3, с. 116; 4, с. 266], уровня их пороговых значений [5, с. 90], методики интегральной оценки безопасности [6, с. 6]. Обычно в перечень индикаторов безопасности включаются показатели экономической, социальной, финансовой сферы, иногда экологии [7, с. 5]. За рубежом используются другие подходы, например, в США экономическая безопасность оценивается через показатели качества и уровня жизни населения, возможности трудоустройства и трудовой миграции [8, с. 75]. В странах северной Европы для оценки безопасности принята методика NORDSTAT, в Великобритании – DTLR [9, с. 71]. В любом случае, мониторинг ЭБР нужен для обоснования управленческих решений, что означает: либо перечень показателей ЭБР должен быть достаточным для этого, либо он может претендовать только на первый уровень аналитики.

О нечто подобном говорят А.М. Пищухин и Г.Ф. Ахмедьянова, предлагая распределять информацию по уровням управления в процессе оценки безопасности [10, с. 181]. Обозначая экономическую безопасность абстрактным объектом, который не предполагает ни непосредственного управленческого воздействия, ни оценки результатов этого воздействия, авторы формируют иерархическую систему управления ЭБР, что свойственно и другим публикациям [11, с. 267]. В нижней её части оцениваются условия поддержания необходимого уровня безопасности, на втором уровне – готовность системы к возможным угрозам, и на третьем верхнем уровне – непосредственно ЭБР. В.А. Толкунов разрабатывает организационно-экономический механизм обеспечения экономической безопасности, где субъекты управления безопасностью подразделяются на стратегический, тактический и оперативный

уровни [12, с. 103]. К первому уровню отнесены комиссии и координационные советы федерального значения, ко второму – региональные совещательные и исполнительные структуры, к третьему уровню – муниципальные органы власти, предприятия, учреждения и организации, подразделения служб, занимающихся

вопросами экономической безопасности «на местах».

Обобщая проведенный обзор, отметим, что ввиду широкой проблематики, применяемые механизмы управления безопасностью и процедуры мониторинга следует соотносить с разными уровнями управления (рис. 1).

Рис. 1. Основные элементы системы управления ЭБР [11, с. 267; 12, с. 103]

Fig. 1. The main elements of the region economic security system's management [11, p. 267; 12, p. 103]

Построение системы управления и развития ЭБР должно опираться на региональную Концепцию развития экономической безопасности, или Стратегию регионального развития, где раскрываются сущность, цели и основные положения по данному вопросу, что в итоге будет задавать требования к подсистеме мониторинга безопасности. В противном случае проблематика ЭБР будет «растворяться» в общих задачах социально-экономического развития региона. В модели «как должно быть» мониторинг ЭБР осуществляется по зафиксированным в институциональной среде процедурам. Оценка индикаторов ЭБР по разработанной ранее методике [13, с. 143] дает общее представление об уровне безопасности в целом и по отдельным составляющим её сферам, однако для принятия управленческих решений этого недостаточно. Совершенствование мониторинга ЭБР может стать предметом отдельного исследования.

3. Методология и гипотеза исследования. Гипотеза исследования состоит в том,

что система управления безопасностью отдельного региона может находиться на разном уровне зрелости, который определяется путем оценки качественных характеристик факторов и условий развития ЭБР. От уровня зрелости системы зависят результаты управления безопасностью, поскольку каждому такому уровню соответствуют свои методы, инструменты управления ЭБР и подходы к мониторингу безопасности.

В работе применяются общие и специальные методы научного познания. Исследование научных источников и практики регионального управления позволяет выделить элементы системы управления и институциональной среды ЭБР, обосновать авторский подход с помощью методов моделирования и структурной декомпозиции. При разработке способа оценки системы управления ЭБР рассуждения строятся от общего к частному по методу дедукции с применением группировки, в то же время для определения минимальных условий для развития ЭБР использован метод индукции.

4. Результаты исследования. Как показало проведенное ранее исследование [14, с. 121], стратегические направления развития ЭБР на примере Омской области делятся на:

- направления политики, связанные с реализацией целевого сценария развития региона (где отражается специфика экономики региона);
- стратегические направления перехода системы управления ЭБР к высокому уровню зрелости (что формирует общую модель организации управления ЭБР в регионе).

Стратегические направления развития ЭБР возможно обеспечить только при построении соответствующей институциональной среды, частью которой является система управления ЭБР в регионе. Система управления ЭБР в регионе будет задавать требования к элементам и практикам институциональной среды. Общими стратегическими направлениями развития ЭБР для всех регионов являются шаги перехода к более высокому уровню зрелости системы управления ЭБР, что обеспечит трансформацию регионального хозяйства с учетом требований долгосрочной безопасности и сформирует требуемые практики развития институциональной среды.

Понятие зрелости присуще теории и практике проектного управления, отдельные развитие получили модели зрелости в риск-менеджменте [15, с. 39]. В то же время согласно Стратегии экономической безопасности РФ оценка состояния и управление безопасностью рекомендуется осуществлять через систему управления рисками, что позволяет логически увязать эти конструкции, и использовать понятие зрелости в качестве характеристики системы управления ЭБР. «Зрелый» означает «достигший полного развития, вполне сложившийся; обдуманый, совершенный, свидетельствующий об опытности» [16, с. 301]. Иными словами, это мера осознанности и готовности системы управления к успешной реализации задач развития экономической безопасности.

Элементы системы управления ЭБР определим методом структурной декомпозиции. Любая система строится на основании достижения требуемых целей входящих в неё субъектов (рис. 2). Элементы системы управления ЭБР, трансформируясь и приобретая содержательную сущность, меняют институциональную среду взаимодействия субъектов по поводу обеспечения ЭБР и формируют практики управления безопасностью в регионе.

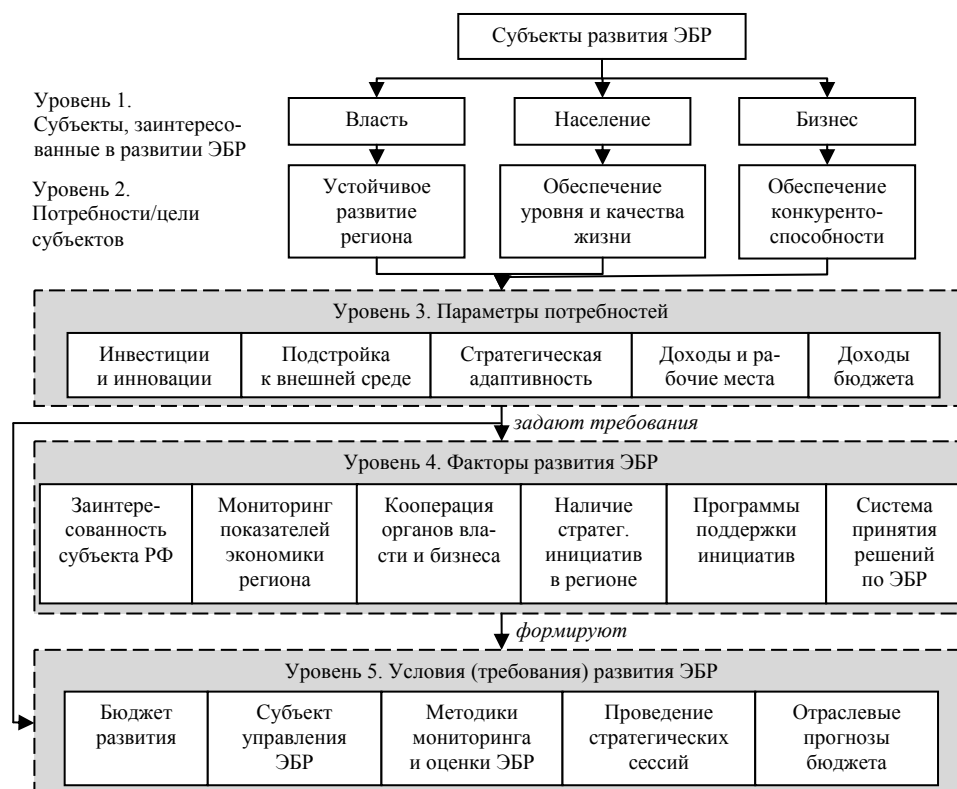

Рис. 2. Элементы институциональной среды и параметры Стратегии развития ЭБР

Fig. 2. Elements of the institutional environment and parameters of the ESR Development Strategy

Указанные на рис. 2 факторы влияют на развитие ЭБР в регионе и формируют условия (требования), выполнение которых необходимо для обеспечения развития ЭБР. Параметры потребностей и цели субъектов задают требования к факторам и условиям развития ЭБР. Данные условия являются частью общей системы управления регионом, и составят качественные характеристики подсистемы управления ЭБР в регионе. Органы исполнительной власти (далее ОИВ) задают факторы, которые с точки зрения их значимости и определяющего влияния приводят к формированию условий. Если не созданы требуемые факторы – условия не отвечают требованиям стратегического развития системы ЭБР. Качественные характеристики условий развития ЭБР формируют

институциональную среду и определяют уровень зрелости системы управления ЭБР.

Совокупность качественных характеристик факторов, условий и практик, принятых в регионе, позволяют классифицировать регионы с точки зрения зрелости системы управления ЭБР по трем группам: начального уровня зрелости (табл. 1), тактического (табл. 2) и стратегического уровня зрелости (табл. 3). Переход к уровням зрелости возможен только последовательный, при отработке инструментов мониторинга и оценки ЭБР, определения перспективных стратегических проектов, технологий принятия совместных с бизнесом перспективных решений, форм взаимодействия и поддержки значимых проектов, определения субъекта управления ЭБР.

Таблица 1. Характеристики системы управления ЭБР начального уровня зрелости

Table 1. Characteristics of the entry-level of ESR management system

<i>Критерии</i>	<i>Сущностное описание</i>
Факторы	За регионами закреплены общие полномочия, направленные на обеспечение экономического развития, полномочия в сфере ЭБР не закрепляются. Интерес к процедурам мониторинга и оценки ЭБР, построению системы развития ЭБР в регионе низкий, или отсутствует. Кооперация органов власти и бизнеса осуществляется на общих условиях, без постановки задач управления ЭБР. Стратегические инициативы не связаны / слабо связаны с отраслевыми прогнозами, факторами дестабилизации и рисками, и необходимостью диверсифицировать экономику под изменения факторов внешней среды в долгосрочной перспективе. В большей степени стратегические инициативы исходят от крупных, базовых экономических субъектов и соответствуют их интересам. Стратегические инициативы не выделяются в отдельные программы поддержки и не обеспечены бюджетом развития. Принятие решений по обеспечению ЭБР носит оперативный характер в случае фиксации текущих проблем в экономике региона.
Условия	Мониторинг ЭБР не зафиксирован в процессах управления как обязательная процедура. Проводится анализ отдельных показателей и сфер безопасности в случае нарастания проблем или кризисных ситуаций. Методика оценки ЭБР разработана и апробирована в научной среде. Утвержденной методики оценки ЭБР нет. Субъект управления ЭБР не выделен. Отдельные полномочия по оценке ЭБР реализуются через структурные подразделения. Отраслевые прогнозы носят разрозненный характер, соответствуют интересам, прежде всего, базовых предприятий отрасли. Совместные стратегические сессии с представителями предприятий в рамках понимания направлений развития отраслей и роли органов власти не проводятся.
Практики управления ЭБР	Результаты оценки ЭБР носят осведомительный характер и не связаны с проводимой политикой в регионе. Управление ориентировано на решение тактических задач (например, обеспечение занятости вследствие кризисных явлений), система управления ЭБР не сформирована.
Виды, формы взаимодействия власти и бизнеса	Запрос данных со стороны органов власти о состоянии ведущих предприятий региона; предоставление налоговых льгот, проведение совещаний и стратегических сессий с целью понимания проблем и построения диалога для учета интересов ведущих предприятий стратегически важных отраслей. Информирование об инструментах поддержки инвестиционных проектов, создание сети инфраструктур для работы с хозяйствующими субъектами.

Таким образом, с точки зрения обеспечения ЭБР все регионы можно подразделить на 3 группы. Регионы первой группы – это регионы с фрагментарно сформированными отдельными элементами институциональной среды. Как таковых практик обеспечения ЭБР при этом не выделяется, а взаимодействие определяется только текущим потребностям субъектов. Отличительные особенности регионов первой группы:

- практика мониторинга и оценки ЭБР не отработана, но есть отдельные оценки экономической безопасности за ряд лет;
- отрабатывается практика решения проблем в общих кризисных условиях, или в условиях кризиса на конкретном ведущем предприятии;
- институциональная среда характеризуется общепринятыми формами взаимодействия бизнеса и власти, охватывая программы и инфраструктуры поддержки предпринимательства и инвестиционных проектов;
- виды и цели взаимодействия субъектов для развития ЭБР не выделяются.

Иными словами, когда органы власти занимаются развитием региона в рамках своих полномочий, но проблематика обеспечения ЭБР не выделяется в отдельное направление деятельности, то мы говорим о начальном уровне зрелости в контексте нашего исследования.

В табл. 2 сформулированы характеристики системы управления ЭБР регионов второй группы.

Из табл. 2 видно, что регионы второй группы характеризуются следующим:

- практика мониторинга и оценки ЭБР отработана;
- институциональная среда характеризуется отработанными формами взаимодействия с хозяйствующими субъектами в кризисных условиях;
- система управления ЭБР не сформирована;
- появляется интерес к формированию представлений о перспективной структуре экономике на 10–15 лет, выбору подходов к принятию совместных решений хозяйствующих субъектов и ОИВ региона.

Таблица 2. Характеристики системы управления ЭБР тактического уровня зрелости

Table 2. Characteristics of the tactical maturity level of ESR management system

<i>Критерии</i>	<i>Сущностное описание</i>
Факторы	Полномочия по обеспечению ЭБР не конкретизированы в федеральном законодательстве. Однако региональные власти заинтересованы в мониторинге ЭБР на систематической основе, что приводит к разработке региональных положений и утверждению методики мониторинга на региональном уровне. Появляется необходимость в принятии решений, основанных на оценке ЭБР. Появляется интерес к планированию развития на период 15–20 лет и более с учетом отраслевых прогнозов и необходимости создавать основу для будущих изменений с учетом долгосрочных трендов экономического развития. Программы поддержки реального сектора экономики являются общими, бюджет поддержки стратегических инициатив не формируется.
Условия	Организован систематический мониторинг показателей ЭБР. Общая цель изменений – обеспечить текущую стабильность в регионе. Часть решений связана со стратегическими направлениями развития и проводятся отдельные мероприятия по корректировке стратегии развития региона. Основным механизмом корректировки стратегии является уточнение планов ее реализации на срок 3–5 лет, при этом стратегический анализ не используется. На срок 3–5 лет формируется перечень инициативных проектов, более длительный период формирования портфеля региональных проектов в сфере экономики не выражен.
Практики управления ЭБР	Данные мониторинга используются в отдельных сферах для регулирования текущей сложившейся ситуации. Комплексного подхода к регулированию ситуации в регионе на основе данных мониторинга нет. Обеспечение стратегической составляющей развития региона не выражено. Все решения в отдельных сферах – решения тактического характера с целью минимизации негативных последствий сложившейся текущей ситуации. Единой системы управления ЭБР нет, в регионе ситуация межведомственной разобщенности.
Результаты взаимодействия власти и бизнеса	Для организации мониторинга ЭБР определены технологии работы с хозяйствующими субъектами по формированию требуемого набора показателей мониторинга. Отработаны формы взаимодействия для поддержки предприятий в условиях кризиса, формируются технологии совместных решений для поддержки инициативных долгосрочных проектов и определения перспектив развития отраслей.

Регионам третьей группы присущи следующие характеристики (табл. 3):

- система управления ЭБР сформирована;
- отраслевые прогнозы используются при принятии решений по обеспечению ЭБР в долгосрочном периоде;
- формируется пул долгосрочных, стратегических проектов и инструментов поддержки их реализации;

- сформированы программа и бюджет поддержки стратегических инициатив;
- проводится регулярная оценка реализации и корректировки стратегии развития.

На основании предложенной классификации, проведем оценку системы управления ЭБР в Омской области. Для этого в табл. 4 сформирован перечень минимально необходимых условий в отношении каждого уровня зрелости управления ЭБР.

Таблица 3. Характеристики системы управления ЭБР стратегического уровня зрелости

Table 3. Characteristics of the strategic maturity level of ESR management system

Критерии	Сущностное описание
Факторы	Перед органами власти поставлена цель – создать систему обеспечения ЭБР. Задача может быть связана как с определением конкретных полномочий регионов, зафиксированных в федеральном законодательстве, так и с процессами непосредственно регионального управления и выраженными региональными интересами.
Условия	Создана система управления ЭБР и нормативно-правовая база процессов и процедур управления ЭБР. Проводится оценка ЭБР и реализации стратегических направлений развития, в том числе движения к реализации желаемого сценария развития региона. При принятии решений используются отраслевые прогнозы. Есть пул перспективных проектов на долгосрочный период (более 10 лет), задаются требования к используемым в проектах технологиям, обеспечивающих стратегическую конкурентоспособность отраслей. Стратегии развития корректируются на основе прогнозов отраслей, анализа факторов внешней среды. Проводится анализ действующих госпрограмм, и оценка их влияния на реализацию желаемого сценария развития территории.
Практики управления ЭБР	Система управления поддерживается данными мониторинга и оценки ЭБР. Формируются базы данных по принятым решениям, формам поддержки и результатам. Происходит регулярная оценка реализации стратегии с корректировками по планам и формам поддержки. Налажена обратная связь с получателями поддержки. Стратегические сессии проводятся не менее 1 раза в 3 года с учетом факторов внешней среды. Прогнозы развития отраслей определяют барьеры в развитии региона и требуемые производственные технологии. Для обеспечения поддержки точек роста сформирован бюджет развития.
Результаты взаимодействия власти и бизнеса	Разработаны инструменты поддержки базовых предприятий в кризисных условиях, совместно с представителями отраслей определены стратегические проекты, сформирован бюджет развития для поддержки стратегических инициатив, отраслевые стратегии обсуждаются для определения факторов дестабилизации и совместных решений.

Таблица 4. Минимальные условия для развития ЭБР

Table 4. Minimum conditions for the ESR development

Элементы системы управления ЭБР	Уровень зрелости системы управления ЭБР		
	начальный	тактический	стратегический
Методики мониторинга и оценки	Апробирование	Постоянный мониторинг и оценка	+
Принятие решений по обеспечению ЭБР на основе оценки (решение текущих вопросов безопасности)	+	+	+
Принятие решений по обеспечению ЭБР на основе оценки и отраслевых прогнозов (решение стратегических вопросов безопасности)	–	Появляется необходимость интерес, но практики мало, или она формируется	+
Бюджет развития и программы поддержки стратегических инициатив	–	–	+

Окончание табл. 4
The end of Table 4

Элементы системы управления ЭБР	Уровень зрелости системы управления ЭБР		
	начальный	тактический	стратегический
Субъект управления ЭБР с зафиксированными полномочиями	–	–	+
Корректировка стратегии на основе рисков, факторов дестабилизации и отраслевых прогнозов	–	–	+

Примечание. (+) элемент сформирован, (–) элемент не сформирован.

На основании выделенных критериев можно утверждать, что Омская область находится на начальном уровне зрелости системы управления ЭБР, и относится к первой группе регионов.

5. Заключение. Развитие ЭБР представляет собой управляемый процесс, при этом необходимо выделять тактический и стратегический уровень управления. Каждому из них присущи свои подходы к мониторингу, оценке и прогнозированию безопасности, применяются различные предупреждающие меры и меры реагирования на возникающие угрозы, требуются разные скорость реакции на них и периодичность взаимодействия субъектов развития ЭБР. В данной работе сделан акцент на стратегический контур управления безопасностью, поскольку, на взгляд авторов, только здесь могут возникнуть предпосылки устойчивого социально-экономического развития региона, а также на проблематике мониторинга ЭБР как важнейшего этапа в управлении безопасностью.

Целостную характеристику системе управления ЭБР позволяет дать предложенные способ и критерии оценки уровня её зрелости. Уровень зрелости показывает, насколько осознанной, сложившейся и действенной является система управления ЭБР. Осознанность формируется через постановку долгосрочных целей и прогнозирование развития отраслей, а готовность – через апробированные практики мониторинга и управления безопасностью, закрепленные в институциональной среде в виде процедур. В Омской области, по результатам проведенного исследования, система управления ЭБР находится на начальном уровне зрелости.

Полномочия органов региональной власти позволяют развивать некоторые направления безопасности при наличии ресурсов, но в институциональной среде нет соответствующих

зафиксированных процедур. Это делает работу по мониторингу и развитию ЭБР несистемной и необязательной. Так, методики оценки безопасности прошли апробацию в научном сообществе, но ещё не сформированы окончательно, и в практике регионального управления не применяются. Для принятия обоснованных решений стратегического значения необходимы более детальные данные об отраслях и ключевых предприятиях, а также проведение стратегических сессий для выявления перспективных отраслей. Это подразумевает наличие утвержденных в нормативных документах процедур сбора информации, соответствующей уровням зрелости системы управления ЭБР, что на сегодняшний день не наблюдается. Повысить заинтересованность регионов в развитии ЭБР можно через их ранжирование по уровню безопасности, сделав его обязательным при оценке региональных властей с позиции федерального уровня. Такой прием будет мотивировать управленцев на поиск способов, как повысить место региона в рейтинге. Показателям социально-экономического развития региона можно присваивать пороговые значения, помимо целевых, что сформирует диапазон их допустимых значений. Такой подход может стать одним из первых этапов по включению задач развития безопасности в практику регионального управления.

Примечания

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <https://base.garant.ru/71672608> (дата обращения: 27.03.2023).

² Минэкономразвития определило критические для безопасности РФ значения макропоказателей // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/656619> (дата обращения: 15.03.2023).

Литература

1. Кислая Т. Н. Разработка научно обоснованной концепции управления экономической безопасностью региона // Научный результат. Экономические исследования. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 24–31. – DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-4-0-3.
2. Караваева И. В., Иванов Е. А., Лев М. Ю. Паспортизация и оценка показателей состояния экономической безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 8. – С. 2179–2198. – DOI: 10.18334/ep.10.8.110705.
3. Кислая Т. Н. Теоретико-методологические подходы к управлению экономической безопасностью региона: монография / под науч. ред. В. Н. Тисуновой. – Чебоксары : ИД «Среда», 2021. – 152 с.
4. Наролина Ю. В., Куксин С. В., Артемьева В. С. Методические подходы к оценке экономической безопасности территориальных образований // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2022. – Т. 84, № 3 (93). – С. 262–269. – DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-262-269.
5. Молчан А. С., Холод Е. А. Оценка внешнеэкономической безопасности региона в контексте мер обеспечения его устойчивого развития // Экономика устойчивого развития. – 2021. – № 1 (45). – С. 87–92.
6. Боровкова Н. В., Горинова С. В. Экономическая безопасность региона: организационно-управленческий аспект // Современные проблемы гражданской защиты. – 2019. – № 4 (33). – С. 5–13.
7. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 1–12. – DOI: 10.17059/2019-1-1.
8. Яковина М. Ю. Тренды развития экономической безопасности регионов: зарубежный опыт // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 75–79. – DOI: 10.24412/2225-8264-2022-1-75-79.
9. Карсунцева О. В., Буркина Т. А. Зарубежные и отечественные концепции управления экономической безопасностью региона // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 2 (51). – С. 68–73. – DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.277.
10. Пищухин А. М., Ахмедьянова Г. Ф. Оптимальное управление экономической безопасностью региона // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 12. – С. 180–185. – DOI: 10.17513/ft.42930.
11. Филобокова Л. Ю., Никулина И. С. Экономическая безопасность региона: содержательная сущность, подходы к управлению // Инновационная экономика и современный менеджмент. – 2022. – № 3 (39). – С. 10–14.
12. Толкунов В. А. Организационно-экономический механизм обеспечения экономической безопасности приграничных регионов // Экономические системы. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 96–106. – DOI: 10.29030/2309-2076-2022-15-4-96-106.
13. Логинов К. К., Кораблева А. А., Карпов В. В. Экономическая безопасность регионов Сибирского федерального округа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (31). – С. 141–150. – DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.31.141.
14. Бреусова А.Г., Логинов К.К. Стратегические направления развития экономической безопасности региона (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 119–130. – DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(2).119-130.
15. Николаенко В. С. Модель зрелости проектного управления: управление рисками проекта // Инновации в менеджменте. – 2021. – № 1 (27). – С. 38–47.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : ООО «Изд-во "Оникс"»: ООО «Изд-во "Мир и Образование"», 2005. – 1200 с.

References

1. Kislaya T.N. Development of a scientifically grounded concept for managing the economic security of the region. *Research result. Economic Research*, 2021, Vol. 7, no. 4, pp. 24-31. DOI: 10.18413/2409-1634-2021-7-4-0-3. (in Russian).

2. Karavaeva I.V., Ivanov E.A., Lev M.Yu. Passportization and assessment of Russia's economic security indicators. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2020, Vol. 10, no. 8, pp. 2179-2198. DOI: 10.18334/epp.10.8.110705. (in Russian).
3. Kislaya T.N. *Teoretiko-metodologicheskie podhody k upravleniju jekonomicheskoy bezopasnost'ju regiona: monografija* [Theoretical and methodological approaches to managing the economic security of the region: monograph], Cheboksary, Publishing House "Sreda", 2021, 152 p. (in Russian).
4. Narolina Ju.V., Kuksin S.V., Artemieva V.S. Methodological approaches to assessing the economic security of territorial entities. *Vestnik VGUIT*, 2022, Vol. 8, no. 3, pp. 262-269. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-262-269. (in Russian).
5. Molchan A.S., Kholod E.A. Assessment of the external economic security of the region in the context of its sustainable development. *Economics of sustainable development*, 2021, No. 1 (45), pp. 87-92. (in Russian).
6. Borovkova N.V., Gorinova S.V. Economic security region: organization-international aspect. *Modern problems of civil protection*, 2019, No. 4 (33), pp. 5-13. (in Russian).
7. Tsvetkov V.A., Dudin M.N., Lyasnikov N.V. Analytical approaches to estimate economic security of the region. *Economy of Regions*, 2019, Vol. 15, no. 1, pp. 1-12. DOI: 10.17059/2019-1-1. (in Russian).
8. Yakovina M.Yu. Development trends of economic security of regions: foreign experience. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2022, Vol. 11, no. 1, pp. 75-79. DOI: 10.24412/2225-8264-2022-1-75-79. (in Russian).
9. Karsuntseva O.V., Burkina T.A. Foreign and domestic concepts of regional economic security management. *Business. Education. Law*, 2020, No. 2 (51), pp. 68-73. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.277. (in Russian).
10. Pishchukhin A.M., Akhmedyanov G.F. Optimum economic security management region. *Fundamental research*, 2020, No. 12, pp. 180-185. DOI: 10.17513/fr.42930. (in Russian).
11. Filobokova L.Yu., Nikulina I.S. Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: sodержatel'naya sushchnost', podkhody k upravleniyu [Economic security of the region: content essence, management approaches]. *Innovatsionnaya ekonomika i sovremennyyi menedzhment*, 2022, No. 3 (39), pp. 10-14. (in Russian).
12. Tolkunov V.A. Organizational mechanism for economic security managing of border regions. *Economic systems*, 2022, Vol. 15, no. 4, pp. 96-106. DOI: 10.29030/2309-2076-2022-15-4-96-106. (in Russian).
13. Loginov K.K., Korableva A.A., Karpov V.V. Economic security of the Siberian federal district regions. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 2018, No. 1 (31), pp. 141-150. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.31.141. (in Russian).
14. Breusova A.G., Loginov K.K. Strategic directions for the development of economic security of the region (on the example of the Omsk region). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2022, Vol. 20, no. 2, pp. 119-130. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(2).119-130. (in Russian).
15. Nikolaenko V.S. Project management maturity model: risk management project. *Innovations in management*, 2021, No. 1 (27), pp. 38-47. (in Russian).
16. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53000 slov* [Dictionary of the Russian language: About 53,000 words], Moscow, Onyx Publishing House LLC: Mir and Education Publishing House LLC, 2005, 1200 p. (in Russian).

Сведения об авторах

Кorableва Анна Александровна – канд. экон. наук, доцент, заведующий сектором методов исследования проблем развития регионов
 Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. Маркса, 15
 E-mail: aakorableva@bk.ru
 ORCID: 0000-0003-4453-9748
 Scopus AuthorID: 57199327604
 ResearcherID: L-4304-2013
 PИHЦ AuthorID: 214697

About the authors

Anna A. Korableva – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Sector of Research Methods for the Development of Regions
 Postal address: 15, Marksa pr., Omsk, 644024, Russia
 E-mail: aakorableva@bk.ru
 ORCID: 0000-0003-4453-9748
 Scopus AuthorID: 57199327604
 ResearcherID: L-4304-2013
 RSCI AuthorID: 214697

Бреусова Анна Георгиевна – канд. экон. наук, доцент,
¹ научный сотрудник сектора методов исследования проблем развития регионов, ² доцент кафедры региональной экономики и управления территориями

¹ Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. Маркса, 15

² Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: annabreusova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2859-8799

ResearcherID: Q-3507-2018

РИНЦ AuthorID: 280230

Вклад авторов

Кораблева А.А. – введение, обзор литературы, формулирование гипотезы, заключение, оформление статьи по требованиям редакции журнала.

Бреусова А.Г. – разработка способа оценки уровня зрелости системы управления ЭБР и его апробация, заключение.

Для цитирования

Кораблева А. А., Бреусова А. Г. Ключевые аспекты развития экономической безопасности в практике регионального управления (часть 2) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 107–117. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).107-117.

Anna G. Breusova – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, ¹ Researcher of the Sector of Research Methods for the Development of Regions, ² Associate Professor of the Department of the Regional Economic and Administration of the Territory

¹ Postal address: 15, Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

² Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: annabreusova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2859-8799

ResearcherID: Q-3507-2018

RSCI AuthorID: 280230

Authors' contributions

Korableva A.A. – introduction, literature review, formulation of a hypothesis, conclusion, article design according to the requirements of the journal editorial board.

Breusova A.G. – development of a method for assessing the level of maturity of the management system of the economic security of the region and its approbation, conclusion.

For citations

Korableva A.A., Breusova A.G. Key aspects of the economic security development in the practice of regional management (part 2). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 107-117. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).107-117. (in Russian).

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ РЕГИОНОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО РАЗВИТИЯ

А.О. Ужегов

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Челябинск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
5 мая 2023 г.

Дата принятия в печать
15 июня 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Индустриальный профиль, индустриальные регионы, коэффициент специализации, коэффициент локализации

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

Аннотация. Современная экономическая ситуация в России неразрывно связана с развитием индустриальных регионов, которые являются главными промышленными центрами страны и играют важную роль в ее экономическом развитии. В них сосредоточены крупнейшие предприятия, которые производят товары и услуги, необходимые для развития различных отраслей экономики. Индустриальные регионы различны по своей промышленной специализации, что необходимо учитывать при их изучении. Среди всех регионов Российской Федерации автором выделена группа индустриальных регионов по критерию их доли обрабатывающих производств в ВРП. В исследовании был представлен индустриальный профиль регионов, под которым автор понимает обобщенный образ промышленного региона, характеристика ключевых параметров которого определяется сформировавшимся составом промышленных производств, локализованных на территории. Для этого были выявлены: а) доминирующие отрасли промышленности; б) степень технологичности доминирующей отрасли производства. С учетом первого признака было показано, что индустриальные регионы имеют высокие коэффициенты локализации и специализации в обрабатывающей промышленности, анализируемые регионы были сгруппированы в 4 группы: а) с приоритетной отраслью «металлургия»; б) с приоритетной отраслью «машиностроение»; в) с приоритетной отраслью производства химической продукции; г) с приоритетной отраслью нефтехимической промышленности. С учетом второго признака было показано, что индустриальные регионы различаются по уровню технологического развития. В настоящее время исследование индустриальных регионов Российской Федерации является актуальным, поскольку позволяет более полно осознать экономические процессы, происходящие в данных регионах, и разработать более эффективные стратегии их развития на основе полученных данных. Это особенно важно в условиях экономической нестабильности и санкций, которые повлияли на развитие региональной экономики.

INDUSTRIAL PROFILE OF THE REGIONS AND THE POSSIBILITIES OF THEIR HIGH-TECH DEVELOPMENT

A.O. Uzhegov

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russia)

Article info

Received
May 5, 2023

Accepted
June 15, 2023

Type paper

Analytical paper

Abstract. The current economic situation in Russia is inextricably linked with the development of industrial regions, which are the main industrial centers of the country and play an important role in its economic development. The largest enterprises that produce goods and services necessary for the development of various sectors of the economy are concentrated in them. Industrial regions are different in their industrial specialization, which must be taken into account when studying them. Among all regions of the Russian Federation, the author singled out a group of industrial regions according to the criterion of their share of manufacturing industries in GRP. The study presented the industrial profile of the regions, by which the author understands a generalized image of an industrial region, the characteristics of the key parameters of which are determined by the formed composition of industrial production localized in the territory. To do this, the following were identified: (a) dominant industries; (b) the degree of manufacturability of the dominant industry. Taking into

Keywords

Industrial profile, industrial regions, coefficient of specialization, coefficient of localization

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the research plan for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021-2023.

1. Введение. Промышленное развитие регионов является одним из ключевых факторов экономического роста и устойчивого развития страны. Индустриальный комплекс остается важным сектором, который создает рабочие места и стимулирует развитие других отраслей экономики. В мировой экономике формируется множество новых отраслей промышленности, которые создаются на базе более высокотехнологичных технологических укладов. Это позволяет сокращать затраты на производство и повышать качество продукции, что способствует росту экономики в целом.

Важно отметить, что промышленное развитие регионов должно осуществляться с учетом специфики каждого региона и его потенциала. Необходимо создавать условия для привлечения инвестиций в промышленность, развивать промышленную и социальную инфраструктуру, активизировать научно-исследовательскую деятельность и инновации. Только так можно обеспечить устойчивый рост и развитие экономики региона и страны в целом.

Исследование индустриальных регионов РФ необходимо для понимания экономических процессов, происходящих в регионах и для разработки эффективных стратегий их развития. В рамках промышленной системы каждый регион имеет специализацию, которая представляет собой концентрацию на его территории конкретных видов производств, удовлетворяющих своей продукцией не только собственные потребности, но также и потребности других регионов страны и даже в ряде случаев экспортирующей продукцию в другие страны [1].

Индустриальные регионы являются двигателем экономического развития России. В них сосредоточены крупнейшие предприятия, которые производят товары и услуги, необходимые для развития других отраслей экономи-

account the first sign, it was shown that industrial regions have high coefficients of localization and specialization in the manufacturing industry (the analyzed regions were grouped into 4 groups: (a) with the priority industry "metallurgy"; (b) with the priority industry "engineering"; (c) with the priority branch of production of chemical products; (d) with the priority branch of the petrochemical industry. Taking into account the second feature, it was shown that industrial regions differ in the level of technological development. At present, the study of the industrial regions of the Russian Federation is relevant, since it allows us to more fully understand the economic processes taking place in these regions and develop more effective strategies for their development based on the data obtained. This is especially important in the context of economic instability and sanctions that have affected the development of the regional economy.

ки. Однако, несмотря на значительный вклад индустриальных регионов в экономику России, они имеют свои особенности и проблемы, которые необходимо учитывать.

2. Обзор литературы. В экономической литературе вопросам развития промышленных территорий посвящены работы многих отечественных и зарубежных исследователей.

Так, В.В. Акбердина отмечает, что индустриально развитые регионы являются основным двигателем экономического роста и развития страны в целом. Они представляют собой центры промышленности, науки и технологий, обеспечивающие высокую производительность и конкурентоспособность экономики. Статья посвящена изучению проблемы идентификации индустриально развитых регионов в контексте пространственного, научно-технологического и индустриального развития страны. Исследование построено на совокупности методологических подходов, которые позволили автору выделить две группы классификаций – на основе структурного подхода и отраслевой специализации [2].

В работах многих исследователей, посвященных индустриальному развитию регионов, рассматриваются вопросы, связанные с реиндустриализацией, деиндустриализацией и реструктуризацией промышленных территорий.

Исследование О.В. Мяснянкиной и А.А. Казьмина посвящено проблеме реиндустриализации старопромышленных регионов Центрального федерального округа России. Авторы отмечают, что данные регионы имеют большой потенциал для развития промышленности, однако в последние годы они столкнулись с серьезными проблемами, связанными с устаревшей производственной базой, низкой эффективностью и конкурентоспособностью предприятий, а также отсутствием инвестиций.

Для возрождения промышленного производства в старопромышленных регионах в формате актуализации реализуемых стратегий авторы предлагают сформировать целевую программу реиндустриализации [3].

Исследование М. Дуссара и Г. Шрока посвящено анализу исторических паттернов и процессов реструктуризации промышленности и их связи с будущими траекториями роста. Авторы обращают внимание на неравномерность снижения экономического развития в разных регионах, которая объясняется различными факторами, такими как изменение технологий, глобализация, изменение политики и др. Авторы отмечают, что инновационная активность может помочь компенсировать потери от реструктуризации и создать новые возможности для роста. Таким образом, исследование демонстрирует важность адаптации к изменениям в промышленности и развития инновационной активности для обеспечения будущего экономического роста регионов [4].

В своей работе М. Коуэлл, исследует процессы деиндустриализации, которые привели к экономическому спаду и ухудшению жизненного уровня населения в регионах Среднего Запада США. Основной целью исследования является выявление факторов, которые способствуют адаптивной устойчивости регионов в условиях деиндустриализации. Автор анализирует различные стратегии, которые использовались для смягчения последствий деиндустриализации, такие как диверсификация экономики, развитие туризма, создание новых рабочих мест и т. д. [5].

В ряде исследований были затронуты вопросы концентрации и специализации территорий на определенных видах промышленности.

Так, Н.С. Козырь проводит сравнение экономических специализаций регионов Российской Федерации с видами деятельности, описанными в «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности 2021 года». Полученные данные автор сопоставил со статистикой валовой добавленной стоимости отраслевой структуры России. Также в работе была проанализирована представленность высокотехнологических и наукоемких отраслей в перспективных экономических специализациях регионов [6].

Исследование Н. Крафтс и А. Кляйн является анализом производственной концентрации в США на протяжении последних двух

веков. Авторы исследования изучили изменения в географическом распределении производства и рассмотрели факторы, которые влияют на пространственную концентрацию отраслей. Исследование показывает, что производственная концентрация в США усилилась в последние десятилетия, что связано с развитием технологий и улучшением транспортной инфраструктуры. Было обнаружено, что концентрация производства в США не является устойчивой и может изменяться в зависимости от экономических и политических факторов [7].

В работе Э. Кутрини рассматриваются вопросы специализации и концентрации в различных регионах Европы. Автор изучает, как различные факторы, такие как инфраструктура, технологии и ресурсы, влияют на специализацию и концентрацию производства в разных регионах. Исследование базируется на данных о производственной активности в 131 регионе Европы за период с 1995 по 2005 гг. Автор использует различные методы анализа, включая индекс Херфиндаля-Хиршмана и коэффициент Джини, чтобы изучить уровень специализации и концентрации в разных регионах. Результаты исследования показывают, что специализация и концентрация производства имеют существенное влияние на экономический рост и развитие регионов [8].

3. Гипотезы и методы исследования.

В данной работе интерес представляют индустриальные регионы, выступающие как опорные узлы современной экономики. Важным является вопрос о критериях отнесения регионов к индустриальному типу. По этому поводу мнения исследователей различаются, в то же время различные подходы, как правило, сводятся к определению доли приоритетных отраслей в ВРП, объеме промышленного производства. К примеру, В.В. Акбердина и А.С. Сергеева отмечают, что в качестве критерия отнесения к индустриальным регионам не следует использовать долю всей промышленности в ВРП, так как в данном случае мы сталкиваемся с регионами, которые можно обозначить как сырьевые, с высокой долей добывающего сектора [9].

В исследовании критерием отнесения регионов к индустриальным является доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости более 30 % в течение 2017–2020 гг.

Как отмечает О.В. Артемова, именно этот сегмент экономики (обрабатывающие произ-

водства), создающий большую добавленную стоимость и имеющий значительный мультипликационный эффект, должен обладать достаточной конкурентоспособностью, быть драйвером экономического развития промышленных регионов [10].

Цель исследования – изучение промышленных регионов Российской Федерации по критериям доминирующих отраслей промышленности и степени технологичности, с целью определения их промышленного профиля.

Исходя из цели исследования, автором сформулирована гипотеза о том, что промышленные регионы РФ имеют больше возможностей для технологического развития.

Для проведения исследования использовались методы статистического, компаративного и логического анализа, общенаучные методы познания: научного измерения, наблюдения, анализа, синтеза и др.

В данной работе выделены промышленные регионы по доле обрабатывающих производств в ВРП (табл. 1).

Анализируя данные таблицы, следует отметить, что в 2017–2020 гг. доля обрабатывающих производств в ВРП у представленных регионов выше 30 %.

Территориальное расположение промышленных регионов представлено на рис. 1.

Таблица 1. Доля обрабатывающих производств в валовой добавленной стоимости, %

Table 1. Share of manufacturing in gross value added, %

№	Регионы	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1	Тульская область	41,5	45,1	38,4	39,9
2	Вологодская область	38,0	42,4	38,4	33,9
3	Калужская область	39,7	42,4	38,0	39,3
4	Красноярский край	30,9	31,8	36,3	40,7
5	Липецкая область	40,1	44,7	35,7	36,3
6	Новгородская область	32,3	33,2	33,9	36,7
7	Омская область	36,8	36,4	33,2	30,4
8	Владимирская область	32,7	34,4	32,3	34,3
9	Челябинская область	35,5	36	32,1	30,4
10	Свердловская область	31,1	32,5	31,9	31,7

Примечание. Сост. на основе данных Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики, 2022 (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>).

Рис. 1 Территориальное расположение промышленных регионов РФ

Fig. 1 Territorial location of the industrial regions of the Russian Federation

Индустриальные регионы с преобладающей долей обрабатывающих производств в ВРП обладают большей базой для промышленного и инновационного развития. Однако не все регионы могут реализовать эти возможности. Так, если в регионе доминируют производства, которые не требуют высоких технологий и соответствующих компетенций, то вероятность инновационного прорыва и развития высоких технологий будет невелика. В то же время, регионы с преобладанием высокотехнологичных производств имеют больший потенциал для развития инноваций и становятся центрами инновационного бизнеса. Поэтому важно учитывать специфику производственной базы региона при формировании стратегии его развития.

В этой связи актуальными становятся вопросы, касающиеся индустриального профиля региона. В целом, определение индустриального профиля регионов является сложным и многогранным процессом, который требует анализа различных факторов и аспектов экономики региона. Индустриальный профиль как обобщенный образ промышленного региона, складывающийся из основных отраслей промышленности, на которых специализируется регион. Предпосылками для различной специализации регионов являются природные ресурсы, технологический уровень, доступность транспортной инфраструктуры, наличие квалифицированной рабочей силы, объем инвестиций и государственной поддержки отдельных отраслей, особенности социально-экономического развития и т. д. Каждый регион имеет свои уникальные особенности, которые влияют на выбор направления развития его экономики. Знание индустриального профиля определяет выбор стратегии развития региона, например, путем привлечения инвестиций в перспективные отрасли или развития уже существующих специализаций.

Подходы к определению индустриального профиля регионов различны.

Один из подходов основывается на структурном анализе экономики региона и выявлении основных отраслей, которые обеспечивают основной доход региона. Такой подход позволяет определить основные промышленные отрасли и их вклад в экономику региона [11].

Другой подход основывается на анализе технологических возможностей и инновационного потенциала региона. В рамках этого подхода определяется, какие отрасли промышлен-

ности могут быть наиболее перспективными для развития в данном регионе, и какие инновации могут сделать его конкурентоспособнее [12].

Третий подход включает использование различных методических подходов (например, факторного, институционального, кластерного, процессного и т. д.), чтобы структурировать компоненты социально-экономического развития России и ее регионов. Этот подход позволяет выявить потенциальные возможности региона и выбрать наиболее эффективные способы их реализации [13].

Согласно А.Р. Сафиуллину, К.Г. Сафиуллиной и Л.Р. Гатауллиной, промышленный профиль региона представляет собой набор основных направлений в промышленности, которые имеют приоритетное значение. Авторы утверждают, что промышленный профиль отражает уровень развития конкретной специализации региона, преимущественно в долгосрочной перспективе [14].

По мнению Д.И. Равзиевой промышленный профиль региона является сбалансированной структурой промышленной политики, основанной на конкурентных преимуществах региона в области промышленности. При этом для создания такого профиля необходимо разработать долгосрочный план развития промышленной политики региона [15].

В свою очередь, Н.Н. Петров характеризует промышленный профиль как сложную, но регулируемую систему, процесс формирования которой носит нелинейный и непропорциональный характер [16].

Опираясь на теоретическую и методологическую базу исследований и результатов трудов отечественных и зарубежных ученых, в контексте данного исследования под индустриальным профилем региона автор данного исследования понимает обобщенный образ промышленного региона, характеристика ключевых параметров которого определяется сформировавшимся составом промышленных производств, локализованных на территории.

4. Результаты исследования. С целью определения индустриального профиля регионов необходимо:

1) выявить доминирующую отрасль промышленности. Именно эта отрасль является ключевой в развитии промышленности региона. При этом высокие значения коэффициентов локализации и специализации (рассчитанные на основе данных об объемах промыш-

ленного производства) будут свидетельствовать том, что регионы сосредоточены на производстве конкретных товаров и имеют высокую степень развития в этой области.

2) выявить степень технологичности доминирующей отрасли производства. Технологические инновации и новые технологии являются двигателем прогресса и роста в промышленности, что приводит к созданию новых рабочих мест и увеличению доходов населения. Среднетехнологичные отрасли низкого уровня, такие как текстильное производство и пищевая промышленность, обычно требуют небольших инвестиций в технологические инновации и не имеют большого потенциала для роста. Однако, среднетехнологичные отрасли высокого уровня, такие как автомобильное производство и электроника, требуют значительных инвестиций в технологические инновации и имеют большой потенциал для роста и развития. Наиболее перспективные высокотехнологичные отрасли, такие как информационные технологии и биотехнологии, являются наиболее динамичными. Они требуют значительных инвестиций в исследования и разработки, но при этом имеют большой потенциал для роста и развития.

Для того чтобы определить индустриальный профиль регионов, проанализируем структуру объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по семи видам деятельности и выявим основную из них, а затем сгруппируем эти ВЭД по уровню технологического развития¹.

Таблица 2. Виды экономической деятельности в % от общего объема отгруженной продукции (работ, услуг) «Обрабатывающие производства», с учетом уровня технологического развития

Table 2. Types of economic activity in % of the total volume of shipped products (works, services) «Manufacturing», taking into account the level of technological development

Регионы	Среднетехнологичные низкого уровня				Среднетехнологичные высокого уровня		Высокотехно- логичные
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	
Тульская область	1,8	3,7	45,9	0,7	15,9	4,9	3,5
Вологодская область	1,4	2,2	57,5	1	19,4	1,9	0,4
Калужская область	5,2	4,9	11,3	0,7	7	36	12,4
Красноярский край	2,3	1,7	79,2	3,4	3	2,6	0,8
Липецкая область	1,8	1,5	62,1	0,9	1,6	2,2	4,1
Новгородская область	1,2	7,2	2,6	3,8	35,7	3,9	4,1
Омская область	70,7	0,9	3,2	1,8	6	2,4	2,7
Владимирская область	6,3	7,1	12,8	0,7	13,3	6,6	8,8
Челябинская область	2,9	6,6	57,5	2,5	3,9	11	3,3
Свердловская область	1,9	5,2	58,6	2,8	4,4	12,6	4,5

Примечание. Сост. на основе данных: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики, 2022 (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>).

1. Среднетехнологичные низкого уровня:

– производство кокса и нефтепродуктов в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_1);

– производство прочей неметаллической минеральной продукции в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_2);

– производство металлургическое в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_3);

– ремонт и монтаж машин и оборудования в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_4).

2. Среднетехнологичные высокого уровня:

– производство химических веществ и химических продуктов, производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_5);

– производство машин и оборудования в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_6).

3. Высокотехнологичные:

– производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования в % от вида экономической деятельности «обрабатывающие производства» (X_7).

Данные структуры объема отгруженной продукции (работ, услуг) по видам экономической деятельности и их уровню технологического развития представлены в табл. 2.

Анализируя данные представленные в таблице, выделим доминирующие отрасли производства по наибольшей доле в общем объеме промышленного производства. Данные таблицы позволяют выявить 4 группы регионов: а) с приоритетной отраслью «металлургия» – 6 регионов; б) с приоритетной отраслью «машиностроение» – 1 регион; в) с приоритетной отраслью производства химической продукции – 2 региона; г) с приоритетной отраслью нефтехимической промышленности – 1 регион.

По уровню технологического развития представленных отраслей промышленности следует отметить, что наибольшая доля в высокотехнологичных отраслях производства наблюдается в Калужской области (12,4), а наименьшая в Красноярском крае (0,8). Среднетехнологичные производства высокого уровня представлены в Калужской, Новгородской и Владимирской областях. Среднетехнологичные отрасли производства низкого уровня преобладают в семи из десяти регионов, среди которых выделяются Красноярский край, Тульская, Вологодская, Липецкая, Челябинская и Свердловская области с металлургическим производством, а также Омская область с производством кокса и нефтепродуктов.

Таким образом, в большей степени отраслевая специализация индустриальных регионов представлена металлургической промышленностью, относящаяся к среднетехнологичной отрасли производства низкого уровня.

Для определения индустриального профиля регионов анализируются степень отраслевой локализации и специализации, которые рассчитываются как коэффициенты отраслевой локализации и отраслевой специализации [17].

Коэффициент **локализации** производства на территории региона рассчитывается по следующей формуле:

$$KLir = \frac{Vr}{\frac{Ir}{Ic}}, \quad (1)$$

где $KLir$ – коэффициент локализации i -й отрасли в регионе $г$; Vr – объем производства отдельной отрасли промышленности региона; Ir – все промышленное производство на территории региона; Vc – объем производства отдельной отрасли промышленности на территории страны; Ic – все промышленное производство страны.

Коэффициент локализации производства на территории региона – характеризует уровень развития отрасли и ее значимость для экономики региона, а также демонстрирует во сколько раз концентрация данной отрасли в данном регионе больше (или меньше, если значение меньше единицы), чем по сравнению со средним уровнем концентрации в РФ.

Коэффициент **специализации** региона в конкретной области промышленности рассчитывается по формуле:

$$KSir = \frac{\frac{Vr}{GRP}}{\frac{Vc}{GDP}}, \quad (2)$$

где $KSir$ – коэффициент специализации i -й отрасли в регионе $г$; Vr – объем производства отдельной отрасли промышленности региона; Vc – объем производства отдельной отрасли промышленности на территории страны; GRP – объем валового выпуска в регионе $г$; GDP – объем валового выпуска в стране.

Коэффициент специализации показывает насколько регион специализирован в определенной отрасли промышленности по сравнению со средним значением в РФ. Таким образом, коэффициент специализации оценивает степень специализации региона в отрасли промышленности, а коэффициент локализации – степень концентрации данной отрасли в данном регионе относительно среднего по РФ.

С целью определения приоритетных (более высокотехнологичных) отраслей промышленности на территории региона автором был использован общий объем промышленного производства, выделены семь видов экономической деятельности и применены формулы 1 и 2. Данные о коэффициентах локализации и специализации представлены в табл. 3.

Данные табл. 3, позволяют сделать ряд выводов: во всех регионах (за исключением Владимирской области, в которой структура промышленного производства достаточно диверсифицирована) значения коэффициента локализации ($KLir$) и специализации ($KSir$) совпадают с доминирующей отраслью промышленности. Высокие значения коэффициентов локализации и специализации позволяют выделить отрасли промышленности, которые имеют приоритет развития на территории регионов (наибольшие значения $KLir$ и $KSir$, без учета доминирующей отрасли в обрабатывающем секторе региона).

Таблица 3. Коэффициенты локализации (Klir) и специализации (Ksir) по видам экономической деятельности

Table 3. Coefficients of localization (Klir) and specialization (Ksir) by type of economic activity

Регионы	X ₁		X ₂		X ₃		X ₄		X ₅		X ₆		X ₇	
	Klir	Ksir	Klir	Ksir	Klir	Ksir	Klir	Ksir	Klir	Ksir	Klir	Ksir	Klir	Ksir
Тульская область	0,1	0,2	1	2,3	2,1	4,8	0,3	0,6	1,8	4,1	0,4	0,9	0,6	1,5
Вологодская область	0,1	0,2	0,6	1,3	2,6	5,7	0,4	0,8	2,2	4,7	0,1	0,3	0,1	0,2
Калужская область	0,3	0,8	1,3	4	0,5	1,5	0,3	0,8	0,8	2,4	2,8	8,4	2,3	6,8
Красноярский край	0,1	0,1	0,5	0,6	3,6	4,3	1,3	1,6	0,3	0,4	0,2	0,2	0,1	0,2
Липецкая область	0,1	0,2	0,4	0,9	2,8	6,4	0,3	0,8	0,2	0,4	0,2	0,4	0,7	1,7
Новгородская область	0,1	0,1	1,9	2,8	0,1	0,2	1,5	2,1	4	5,8	0,3	0,4	0,7	1,1
Омская область	3,4	7,4	0,2	0,5	0,1	0,3	0,7	1,5	0,7	1,4	0,2	0,4	0,5	1,1
Владимирская область	0,3	0,6	1,9	3,5	0,6	1,1	0,3	0,5	1,5	2,7	0,5	0,9	1,6	2,9
Челябинская область	0,1	0,2	1,8	3,1	2,6	4,5	1	1,7	0,4	0,7	0,8	1,5	0,6	1
Свердловская область	0,1	0,1	1,4	2,2	2,6	4,2	1,1	1,7	0,5	0,8	1	1,5	0,8	1,3

На основе коэффициентов локализации и специализации, а также учитывая уровень технологического развития, был представлен индустриальный профиль индустриальных регионов. Это позволило определить доминирующие

отрасли в обрабатывающем секторе региона, уровень технологичности доминирующей отрасли производства и приоритетные отрасли экономики регионов. В табл. 4 представлен индустриальный профиль регионов за 2020 г.

Таблица 4. Индустриальный профиль регионов, 2020 г.

Table 4. Industrial profile of regions, 2020

Регионы	KLir	KSir	Доминирующие отрасли в обрабатывающем секторе региона	Уровень технологичности доминирующей отрасли производства	Приоритет развития (стрелка обозначает возможность развития более технологичной отрасли промышленности)
Тульская область	2,1	4,8	Металлургия	Среднетехнологичные низкого уровня	Химическая промышленность ↑
Вологодская область	2,6	5,7	Металлургия	Среднетехнологичные низкого уровня	Химическая промышленность ↑
Калужская область	2,8	8,4	Машиностроение	Среднетехнологичные высокого уровня	Производство компьютеров, производство электрического оборудования ↑
Красноярский край	3,6	4,3	Металлургия	Среднетехнологичные низкого уровня	Ремонт и монтаж машин и оборудования
Липецкая область	2,8	6,4	Металлургия	Среднетехнологичные низкого уровня	Производство компьютеров, производство электрического оборудования ↑
Новгородская область	4	5,8	Химическая промышленность	Среднетехнологичные высокого уровня	Производство прочей неметаллической минеральной продукции
Омская область	3,4	7,4	Производство кокса и нефтепродуктов	Среднетехнологичные низкого уровня	Ремонт и монтаж машин и оборудования

Окончание табл. 4
The end of Table 4

Регионы	<i>K_{Lir}</i>	<i>K_{Sir}</i>	Доминирующие отрасли в обрабатывающем секторе региона	Уровень технологичности доминирующей отрасли производства	Приоритет развития (стрелка обозначает возможность развития более технологичной отрасли промышленности)
Владимирская область	1,5	2,7	Химическая промышленность	Среднетехнологичные высокого уровня	Производство компьютеров, производство электрического оборудования ↑
Челябинская область	2,6	4,5	Металлургия	Среднетехнологичные низкого уровня	Производство прочей неметаллической минеральной продукции
Свердловская область	2,6	4,2	Металлургия	Среднетехнологичные низкого уровня	Производство прочей неметаллической минеральной продукции

Примечание. В таблице представлены значения *K_{Lir}* и *K_{Sir}*, доминирующей отрасли в обрабатывающем секторе региона; приоритет развития определяется по наибольшим коэффициентам локализации и специализации без учета доминирующих отраслей в обрабатывающем секторе региона; доминирующие отрасли в обрабатывающем секторе региона представлены на основе данных об объемах промышленного производства.

В целом, знание индустриального профиля региона позволит более точно определить приоритет регионов и направления для развития промышленности. Следует ожидать, что регионы, в которых преобладают высокотехнологичные производства, имеют больше возможностей для инновационного развития. Но также важно развивать среднетехнологичные отрасли промышленности, которые должны быть инновационными и конкурентоспособными. Развитие научно-технического потенциала в таких областях позволяет внедрять новые технологии и повышать качество продукции, что также способствует укреплению экономики регионов и созданию новых рабочих мест. Важно понимать, что развитие среднетехнологичных отраслей может способствовать диверсификации экономики и уменьшению зависимости от одного или нескольких видов производства. Для того чтобы эти отрасли были успешными и конкурентоспособными, необходимо внедрять новые технологии и современные методы производства. Это помогает расширить экономические возможности регионов и создать условия для стабильного развития в будущем.

Таким образом, инновационное развитие необходимо, как в высокотехнологичных, так и в среднетехнологичных отраслях, оно возможно: 1) на основе совершенствования, модернизации, цифровизации базовых отраслей экономики; 2) на основе активизации высокотехнологичных направлений развития [18].

5. Заключение. Результаты исследования позволяют подвести итоги и сделать ряд выводов.

1. Среди всех регионов РФ автором выделена группа индустриальных регионов по критерию их доли обрабатывающих производств в ВРП.

2. Был предложен индустриальный профиль регионов, под которым автор понимает обобщенный образ промышленного региона, характеристика ключевых параметров которого определяется сформировавшимся составом промышленных производств, локализованных на территории. Для этого были выявлены: а) доминирующие отрасли промышленности (первый признак); б) степень технологичности доминирующей отрасли производства (второй признак). Таким образом, исследование индустриальных регионов РФ помогает развивать научные методы и подходы к изучению региональной экономики, а также формировать базу данных о регионах России. Это позволяет улучшить прогнозирование экономического развития регионов и разработать более эффективные стратегии их развития.

Примечание

¹ Перечень отраслей высокого технологического уровня, среднего высокого технологического уровня и наукоемких отраслей Росстата. URL: https://www.gks.ru/metod/metodika_832.pdf (дата обращения: 01.04.2023); Динамика показателей инновационного развития обрабатывающих производств ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/219610_654.html (дата обращения: 01.04.2023).

Литература

1. Васильев А. Н. О некоторых показателях специализации региона // Вестник ТГЭУ. – 2007. – № 3. – С. 78–84.
2. Акбердина В. В. Мультифункциональная роль индустриально развитых регионов в экономике страны // Journal of new economy. – 2020. – № 3. – С. 48–72.
3. Мяснянкина О. В., Казьмин А. А. Реиндустриализация старопромышленных регионов ЦФО // РСЭУ. – 2021. – № 4 (55). – С. 61–67.
4. Doussard M., Shrock G. Uneven decline: Linking historical patterns and processes of industrial restructuring to future growth trajectories // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, – 2015. – Vol. 8, iss. 2. – P. 149–165. – DOI: 10.1093/cjres/rsv003.
5. Cowell M. Dealing with Deindustrialization: Adaptive Resilience in American Midwestern regions // Routledge, Taylor & Francis Group. – Typeset in Sabon by Swales and Willis Ltd, Exeter, Devon, UK, 2014. – 131 p.
6. Козырь Н. С. Стратегия пространственного развития России: белые пятна в специализациях регионов // Вестник ГУУ. – 2022. – № 1. – С. 43–49.
7. Crafts N., Klein A. A long-run perspective on the spatial concentration of manufacturing industries in the United States (DP No. 12257) // Centre for Economic Policy Research (CEPR). – 2017.
8. Cutrini E. Specialisation and concentration from a twofold geographical perspective // Regional Studies. – 2010. – Vol. 44, iss. 3. – P. 315–336. – DOI: 10.1080/00343400802378743.
9. Акбердина В. В., Сергеева А. С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник ЗабГУ. – 2015. – № 7 (122). – С. 98–117.
10. Артемова О. В. Направления и механизмы реализации пространственного развития индустриальных регионов // Вестник ЧелГУ. – 2020. – № 10 (444). – С. 50–61.
11. Николаева Т. А. Определение отраслей специализации региона // Вестник ЧГУ. – 2010. – № 2. – С. 406–410.
12. Носков А. А. Методические направления оценки инновационного развития регионов и научно-инновационной деятельности вузов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2018. – № 4. – С. 363–372.
13. Кулагина А. Г., Митрофанов Е. П., Назаров А. А. Интегральная оценка инновационной привлекательности региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 42 (417). – С. 40–51.
14. Сафиуллин А. Р., Сафиуллина К. Г., Гатауллина Л. Р. Промышленный профиль как основа конкурентных преимуществ территории // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2015. – Т. 10. – № 2 (36). – С. 41–48.
15. Равзиева Д. И. Методологические аспекты формирования промышленного профиля региона // Казанский экономический вестник. – 2017. – № 4 (30). – С. 28–31.
16. Петров Н. Н. Формирование промышленного профиля региона на основе сценарного подхода // РППЭ. – 2021. – № 1 (123). – С. 85–90.
17. Артемова О. В., Ужегов А. О. Особенности отраслевой специализации индустриальных регионов РФ // Социально-экономическое развитие промышленного региона: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 45-летию экономического факультета Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2023. – С. 6–15.
18. Ужегов А. О. Экономический потенциал индустриальных регионов РФ: возможности развития // Институциональная трансформация экономики: человек и социум: материалы VII Междунар. науч. конф. – Томск, 2021. – С. 196–198.

References

1. Vasiliev A.N. On some indicators of the region's specialization. *Vestnik TSEU*, 2007, No. 3, pp. 78-84. (in Russian).
2. Akberdina V.V. Multifunctional role of industrially developed regions in the country's economy. *Journal of new economy*, 2020, No. 3, pp. 48-72. (in Russian).
3. Myasnyankina O.V., Kazmin A.A. Reindustrialization of old industrial regions of the Central Federal District. *RSEU*, 2021, No. 4 (55), pp. 61-67. (in Russian).

4. Doussard M., Shrock G. Uneven decline: Linking historical patterns and processes of industrial restructuring to future growth trajectories. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2015, Vol. 8, iss. 2, pp. 149-165. DOI: 10.1093/cjres/rsv003.
5. Cowell M. Dealing with Deindustrialization: Adaptive Resilience in American Midwestern regions. *Routledge, Taylor & Francis Group. Typeset in Sabon by Swales and Willis Ltd, Exeter, Devon, UK*, 2014, 131 p.
6. Cozyr N.S. The strategy of spatial development of Russia: white spots in the specializations of regions. *Bulletin of the State University of Management*, 2022, No. 1, pp. 43-49. (in Russian).
7. Crafts N., Klein A. (2017). A long-run perspective on the spatial concentration of manufacturing industries in the United States (DP No. 12257). *Center for Economic Policy Research (CEPR)*.
8. Cutrini E. Specialization and concentration from a twofold geographical perspective. *Regional Studies*, 2010, Vol. 44, iss. 3, pp. 315-336. DOI: 10.1080/00343400802378743.
9. Akberdina V.V., Sergeeva A.S. Industrial regions of Russia: comparative analysis. *Vestnik ZabGU*, 2015, No. 7 (122), pp. 98-117. (in Russian).
10. Artemova O.V. Directions and mechanisms for implementing the spatial development of industrial regions. *Vestnik ChelGU*, 2020, No. 10 (444), pp. 50-61. (in Russian).
11. Nikolaeva T.A. Definition of branches of specialization of the region. *Vestnik ChGU*, 2010, No. 2, pp. 406-410. (in Russian).
12. Noskov A.A. Methodological directions for assessing the innovative development of regions and scientific and innovative activities of universities. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences*, 2018, No. 4, pp. 363-372. (in Russian).
13. Kulagina A.G., Mitrofanov E.P., Nazarov A.A. Integral assessment of the region's innovative attractiveness. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2015, No. 42 (417), pp. 40-51. (in Russian).
14. Safiullin A.R., Safiullina K.G., Gataullina L.R. Industrial profile as a basis for competitive advantages of the territory. *Bulletin of the Kazan State Agrarian University*, 2015, T. 10, no. 2 (36), pp. 41-48. (in Russian).
15. Ravzieva D.I. Methodological aspects of the formation of the industrial profile of the region. *Kazan Economic Bulletin*, 2017, No. 4 (30), pp. 28-31. (in Russian).
16. Petrov N.N. Formation of the industrial profile of the region based on the scenario approach. *RPPE*, 2021, No. 1 (123), pp. 85-90. (in Russian).
17. Artemova O.V., Uzhegov A.O. Features of branch specialization of industrial regions of the Russian Federation. In the collection: Socio-economic development of an industrial region. collection of scientific papers of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Economics of the Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, 2023, pp. 6-15. (in Russian).
18. Uzhegov A.O. Economic potential of industrial regions of the Russian Federation: development opportunities. Institutional transformation of the economy: people and society. Materials of the VII Intern. scientific conf. Tomsk, 2021, pp. 196-198. (in Russian).

Сведения об авторе

Ужегов Артем Олегович – младший научный сотрудник
 Адрес для корреспонденции: 454091, Россия, Челябинск, ул. Свободы, 155/1
 E-mail: uzhegov.ao@uiec.ru
 ORCID: 0000-0002-3244-2036
 SPIN-код РИНЦ: 6739-1270; AuthorID: 1023759

About the author

Artem O. Uzhegov – junior researcher
 Postal address: 155/1, Svobody ul., Chelyabinsk, 454091, Russia
 E-mail: uzhegov.ao@uiec.ru
 ORCID: 0000-0002-3244-2036
 RSCI SPIN-code: 6739-1270; AuthorID: 1023759

Для цитирования

Ужегов А. О. Индустриальный профиль регионов и возможности их высокотехнологичного развития // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 3. – С. 118–128. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).118-128.

For citations

Uzhegov A.O. Industrial profile of the regions and the possibilities of their high-tech development. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 3, pp. 118-128. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(3).118-128. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» выходит 4 раза в год (ежеквартально) объемом около 200 страниц и состоит из разделов «Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика», «Региональная экономика и управление публичной сферой», «Экономика и финансовая политика». Перечень разделов каждого номера определяется тематикой поступивших и публикуемых материалов.
2. Статьи, обязательно подписанные автором, сдаются или присылаются ответственному редактору в электронном и распечатанном варианте по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, ОмГУ, Экономический факультет (редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"»), – или пересылаются на e-mail: vestnik@omeco.ru.
Кроме статьи автор отдельным файлом предоставляет сведения о себе, которые должны содержать: Ф.И.О. (полностью), место работы (учебы), должность, ученую степень (если есть), адрес, контактный телефон, адрес эл. почты.
3. Объем статьи для докторантов, кандидатов и докторов – до 1 п. л., для других авторов – до 0,8 п. л. Плата за публикацию с авторов не взимается.
4. Каждая статья проходит обязательное рецензирование специалистами той отрасли знания, по которой она предложена. Автор предоставляет две рецензии, желательно – из числа рецензентов, рекомендованных редакционной коллегией журнала (см. список на сайте журнала: <http://journal.omeco.ru/ru/index.html>). В случае необходимости редколлегия может направить статью на внешнее рецензирование. Статьи, получившие отрицательные рецензии, возвращаются авторам (вместе с рецензией).
5. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» придерживается Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций» и действует для пресечения ее нарушения. Принципы публикационной этики журнала представлены на сайте (http://journal.omeco.ru/ru/journal/publication_ethics.html).
6. Статья должна быть тщательно выверена автором. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также корректность использования материалов из других источников несет автор. Точки зрения автора(ов) и редакционной коллегии могут не совпадать.
7. Статья должна быть структурирована, разделы – пронумерованы. В случае соавторства должно быть отражено участие каждого из авторов.
8. Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. Статьи с превышением норм технических погрешностей и ошибок (от 5 ошибок) в номер не включаются.
9. Редакция не вступает в переписку и объяснения по поводу отклонения статьи к публикации. Рукописи и диски авторам не возвращаются.
10. **Требования к оформлению предоставляемых материалов:**
 - Текст набирается в MS Word гарнитурой Times New Roman 12 кеглем через 1,5 интервала, поля – 20 мм со всех сторон.
 - В верхнем левом углу листа ставится УДК. Название статьи – прописными буквами (жирным шрифтом, по центру). Ф.И.О. автора(ов) (жирным шрифтом, по центру), место работы автора (курсивом по центру). Ниже через строку – реферат на русском и английском языках (объемом до 250 слов, 11 кегль), затем ключевые слова на русском и английском языках.
 - Ссылки оформляются цифрами в квадратных скобках (например, [1]) по тексту и приводятся в конце статьи в порядке их упоминания в тексте. Ссылки на нормативные источники, статистические данные и общественно-политические публикации даются либо внутри текста статьи, либо в виде примечаний.
 - Примечания оформляются в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ (до списка литературы) и нумеруют числом в виде верхнего индекса.
 - В основном тексте допускается не более трех таблиц и рисунков.
 - Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми (цветные – не принимаются) и четкими. При необходимости используется черно-белая (но не серая) штриховка.
 - Буква Ё употребляется в тех случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова или указать произношение малоизвестных слов и терминов. Во всех иных случаях допускается замена Ё на Е.

Статьи, оформленные с нарушением настоящих требований, приниматься к публикации не будут.

ЖДЕМ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!